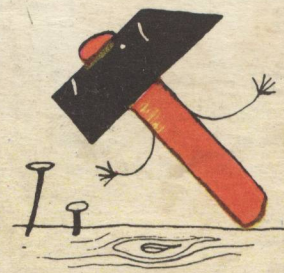
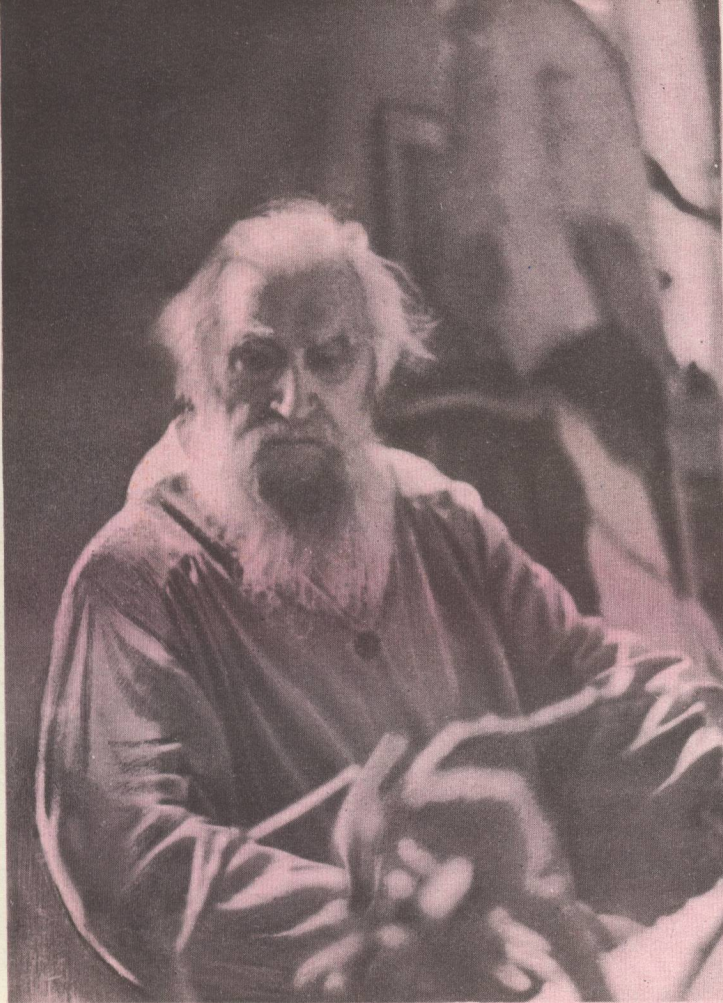

ЧТО?

НОВОГОДНЕЕ ФОТОПУТЕШЕСТВИЕ КОСТИ ТЕРКИНА

В последний день старого года я выполнял важное задание редакции — брал новогодние интервью у читателей „Костра“. Мне помогал наш фотокорреспондент Лев Евгеньевич Поляков. Мы задавали ребятам один и тот же вопрос:

— С кем бы вы хотели познакомиться в канун Нового года?

— Со знаменитым художником, — сказала одна.

— Со строителем, — сказал другой, — я хочу быть строителем.

— Со знаменитым врачом, — сказала третья.

— Я фанфарист, — сказал четвертый, — мне бы с музыкантом...

— Некоторые смеются надо мной, что я решил стать поваром, — сказал пятый, — а ведь есть же люди, которые посвятили этому всю жизнь...

— Так, — сказали мы с Львом Евгеньевичем, — а почему бы нам не сделать ребятам пять фотоподарков. В новогоднюю ночь разрешается делать чудеса.

Мой вертолет стоял у дверей редакции. Пилот Тучкин нетерпеливо поглядывал на часы: скоро двенадцать, успеем ли...

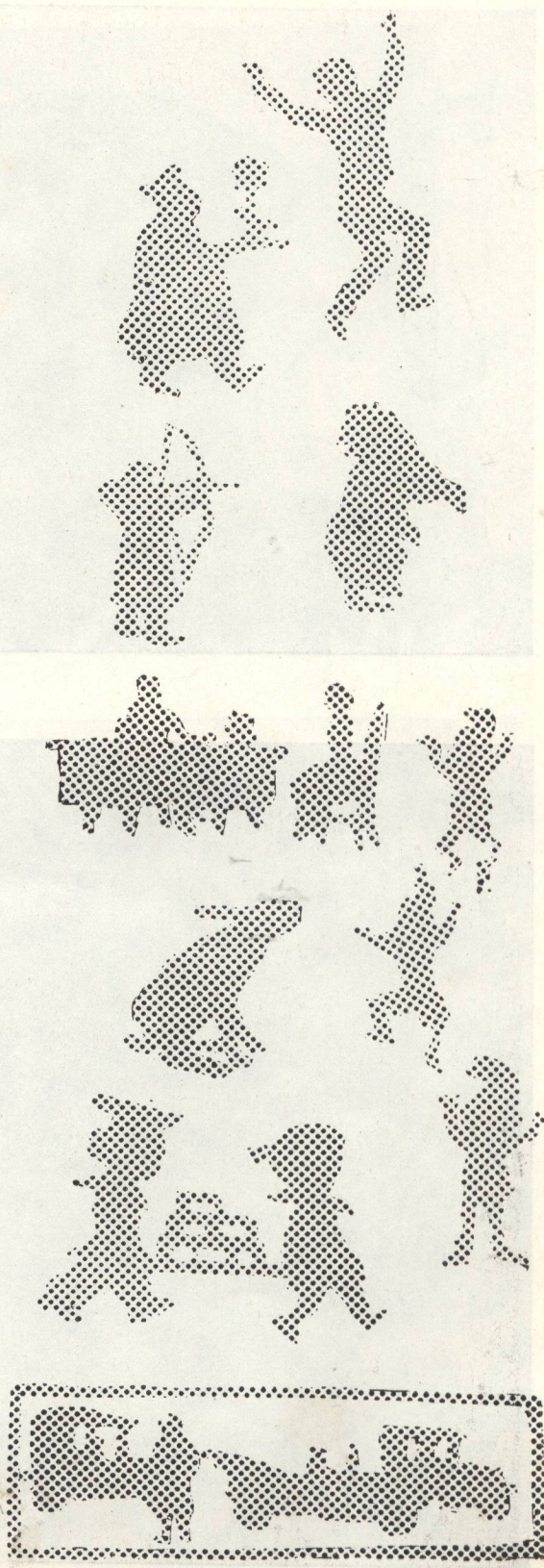
Не только тебе, Светлана Савина, но и всем ребятам, которые мечтают посвятить свою жизнь искусству, надо запомнить слова народного художника СССР, лауреата Ленинской премии Сергея Тимофеевича Коненкова:

„...Мне не было еще пяти лет, когда я впервые потянулся к карандашу. Рисовал я зайцев, медведей и коров с пастухом. Мне стали покупать карандаши и бумагу. Я вырезывал свои рисунки, наклеивал их на стекло в окне, чтоб они были видны и снаружи. Ворота и заборы я разрисовывал углем... Впечатления детства во многом определяют будущее каждого человека. Это та чаша, из которой мы пьем самый богатый и живительный напиток. Впечатления детства, так же как и годы учения, — фундамент сознательной жизни, и память об этих чистых и светлых днях — как кладовая, в которой хранится самое незабываемое...“

В ЭТОМ НОМЕРЕ

- Вандербиль бежит за горизонт**
повесть Р. ПОГОДИНА 6
- Контршпион**
документальная повесть М. ХЕЙФЕЦА 25
- Елка на Кроноцком**
рассказ А. ХАРИТАНОВСКОГО 32
- Герои не умирают**
воспоминания Е. ВЕЧТОМОВОЙ 34
- О дальних городах и близких друзьях**
ответ на одно из тысячи писем 36
- Стихи**
НОВЕЛЛЫ МАТВЕЕВОЙ 38
- Зимняя сказка**
наша творческая мастерская 39
- Кто как зимует**
заметки В. СКОПЦОВА 41
- Повесть о приключениях мальчика
Пата и пилаган — большой собаки**
В. НЕЧАЕВА 42
- Жить долго — это сколько?**
беседа Б. Л. СМОЛЯНСКОГО 49
- Битва на льду**
репортаж А. ЛОСЕВА 50
- Кинокамера снимает сама**
сообщает киноинженер Я. БУТОВСКИЙ 52
- Корабль готовится к разведке**
очерк С. ГУРЕВИЧ 54
- Где? Что? Когда? Почему?**
заметки, фото, рисунки 55
- Поющая радуга**
очерк Г. АРКАТОВА и Т. КУРАШОВОЙ 57
- Уголёк**
журнал для малышей 59
- Школа „Спринт“ 61**
- Приключения КОСТИ ТЕРКИНА 62**
- Уголок веселого архивариуса 63**
- Веселый кросс**
игра 64

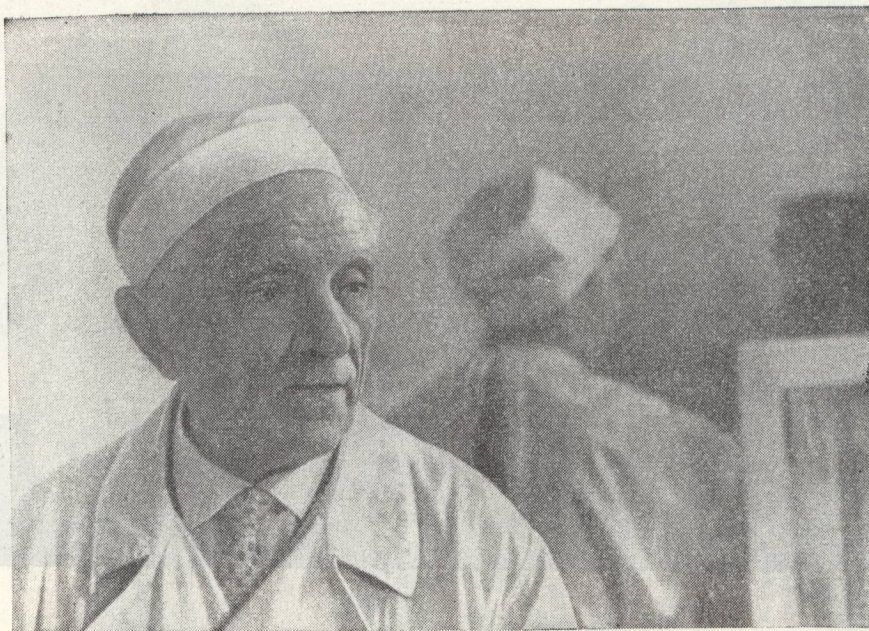
**НОВОГОДНЕЕ
ФОТОПУТЕШЕСТВИЕ
КОСТИ ТЕРКИНА**

Некоторые чудачки думают, что топором можно только дрова колоть. А вот плотник Михаил Иванович Розанов со своим закадычным другом-топором тридцать пять лет дома строит! В будущем году ему пора на пенсию, а он еще не собирается. Дострою, — говорит, — новый киноконцертный зал в Ленинграде, а тогда посмотрю ...

На стройке сейчас в основном две профессии: плотники и бетонщики. Плотники опалубку делают, а бетонщики заливают в нее бетон. Сами понимаете, какой точной должна быть плотницкая работа. А вы говорите — топор.

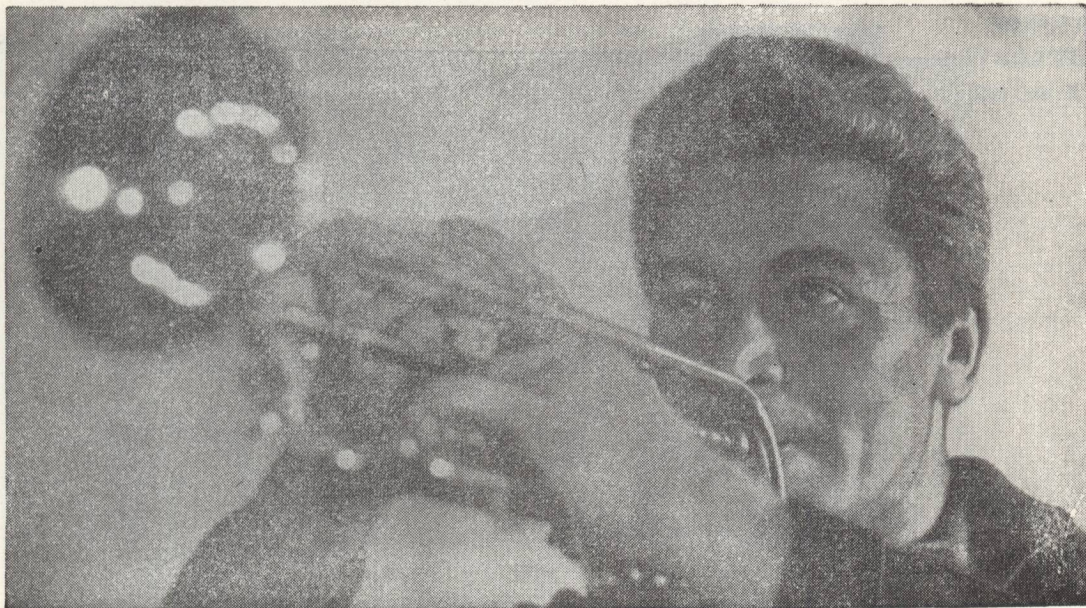
Третьеклассник Петя Линбах с уважением относится к топору. Недаром он записался в кружок „Умелые руки“ Ленинградского дворца пионеров. Трудно, Петя? Ничего, у Михаила Ивановича тоже не сразу топор в руках заиграл.

Пока Таня Русиновская собирается стать медсестрой. Дальше будет видно. Во всяком случае, каждый знаменитый врач так или иначе через это прошел. И профессор, хирург Александр Васильевич Смирнов, пожалуй, не станет отрицать, что тоже волновался, когда впервые в жизни взял в руки шприц. А теперь он, усталый, сосредоточенный, возвращается после очередной операции. Которой? Да он уже и счет им потерял. Сами посудите, в 1966 году Александру Васильевичу исполнится восемьдесят лет. А он все трудится, учит молодежь, пишет научный труд... Откуда такая работоспособность? Открыть секрет? Пожалуйста. Вот что сказал Александр Васильевич:

— Надо трудиться беспрерывно, напряженно, радостно...

Фанфарист Суворовско-го училища Саша Колесников, слышишь звуки трубы? Тебя приветствует заслуженный артист РСФСР, концертмейстер Ленинградской филармонии Вениамин Савельевич Марголин. В известном смысле слова, он твой коллега.

Послушаем-ка Вениамина Савельевича:

— Труба — это не только музыка, но еще и спорт. Труба — это не только профессия, но и характер, твердый характер.

Над этими словами стоит задуматься, тем более, что Вениамин Савельевич — пловец-перворазрядник и любитель легкового долазного спорта.

Танцует в масле картофель-фри.
Зорко следит за ним повар ресторана „Москва“ Василий Васильевич Железнов. Пальчики оближешь!

А Саша Степанов пересолил...
Пересол, недосол — удел всех начинающих, в том числе и начинающих поваров.

— Повар — очень важная профессия. Так думаем мы с Львом Евгеньевичем. И не только мы. Приятного аппетита в новом году, ребята!

ВАНДЕРБУЛЬ БЕЖИТ ЗА ГОРИЗОНТ

П О В Е С Т Ъ

Р. Погодин

Рисунки С. Спицына

Имя для себя

Весна пахнет арбузом. Особенно по утрам. Запах идет от земли. Сквозь асфальт. Земля дышит свежестью. Земля пахнет прорастающими семенами.

Город наполнен звоном. Весной звенит все: и воздух, и крыши, даже небо.

Будто поют фанфары.

Баська вышел во двор, расстегнул верхнюю пуговицу пальто и закричал:

— Вандербуль!

Расстегнул еще одну пуговицу, закричал еще громче:

— Вандербуль!

Ребятам всем любопытно — что человек кричит?

— Это что? — спросила девчонка в оранжевой шапке.

— Это я, — сказал Баська. — Это теперь мое новое имя. Я сам его придумал.

Вандербуль увидел кошку. Кошка лежала на ящике, повернув солнцу белое брюхо.

Он неслышно подкрался к ней — а вдруг цапнет? И закричал:

— Вандербуль!

Кошка зашипела, прижала к затылку острые уши, завывала и прыгнула в чью-то форточку.

Кто первым чует весну? Кошки. Кошек не проведешь. Они ходят по скользким крышам. Таращатся в небо. Они поджидают птиц, летящих из Африки, хотят их сожрать, но птицы летят высоко, рядом с мокрыми тучами. Кошки тянутся вверх, поднимают когтистые лапы. Жадно стонут, орут и кусают друг друга.

Вандербуль знал все про кошек и про весну.

Когда весна войдет в город, начинается славный шум. Грохочут железные крыши. Палят водосточные трубы. Прямо в прохожих, ледяными снарядами.

Лужи вокруг. Брызги.

Когда весна пообсохнет, небо станет далеким и синим. В стеклах зажжется радуга.

Теплынь!

Вандербуль расстегнул все пуговицы на пальто. Засунул руки в карманы штанов и, грудь колесом, пошел в подворотню.

Вандербулю нравилось новое имя. Старое ему не годилось. Что в нем, в старом? Васька. Словно просачивается и уходит застрявшая в раковине вода. Пусть люди сами придумывают себе имена. Если человек придумает себе имя Полёт, он обязан будет всю жизнь прожить в ладу со своим именем. А сейчас обман — сейчас имя ничего для дела не значит.

Вандербулю очень нравилось новое имя. В нем слышались боевой клич, накат волн и какой-то далекий таинственный зов. Вандербуль! Красивое имя. Морское имя. Славно жить с таким именем.

По улице шли прохожие. Гурьбой. Разноцветными толпами.

Весело кашляли и улыбались.

Вандербуль потолкался среди прохожих, хотел крикнуть свое новое имя, но передумал. Просто подошел к незнакомому гражданину, протянул руку и, радостно глядя ему в глаза, заявил:

— Вандербуль!

Гражданин растерялся, поправил клетчатый шарф.

— Гутен морген, — сказал гражданин. Отойдя шага на три, он спросил сам себя озадаченно: — Черт возьми, может, я чего перепутал?

Вандербуль шагал себе дальше — грудь барабаном. Вертел головой, чтобы всем заглянуть в глаза.

По рельсам катил трамвай. Сопели автобусы. Они неохотно лезли на мост, наверно, мечтали сойти со своих путей и удрать в незнакомые переулочки.

Вандербуль помахал им рукой. Свернул с шумной улицы на Крюков канал.

В черной воде с синеватым отливом утонули белые облака.

По шершавым булыжникам бегали голуби, прыгали воробьи.

Возле решетки, на шербоатой гранитной плите сидел безногий мужчина. Он был без пальто. Его кепка лежала на тротуаре. Мужчина смотрел в небо, шурился и почесывал щеку. Сидит человек — один-одинешенек. Вандербуль по-

топтался в сторонке, потом боком, по-воробыному, подошел к инвалиду.

На пиджаке у мужчины, возле лацкана, темнело пятно в форме звезды. Посередине пятна Вандербуль разглядел дырочку.

Мужчина шевельнулся, сел поудобнее, склонил на Вандербуля глаза и как будто застыл. Вандербуль улыбнулся ему. Подумал — неудобно стоять молча. Для храбрости хлюпнул отсыревшим носом и протянул руку.

— Вандербуль.

Мужчина одним пальцем опустил его руку.

— Подходяще. А я вот на облака люблюю. Красота. Иные, как звери. Иные, как корабли.

Вандербуль осмелел, пододвинулся ближе.

— Такая сказка есть, — сообщил он. — Знаете? Это было давно, когда придумали самолет. Изобретатель придумал и показал королю. Тогда все королям показывали. Королю очень понравился самолет. Он даже заерзал от радости на своем золотом стуле и закрычал: «Летчиков в небо! Пускай летают над моим дворцом, составляют из облаков мое имя. Я и придворные будем любоваться с балкона».

Рассказывая, Вандербуль сел рядом с мужчиной, прямо перед кепкой, в которой желтела медь.

— Летчики погибли? — спросил мужчина.

— Погибли. Запутались в облаках и столкнулись друг с другом. Тогда самолеты были некрепкие.

Мужчина засмеялся, уставился на голубей.

— Всегда так, — сказал он. В глазах его появился тусклый далекий блеск. — Наверно, этот король закидывал.

— Что? — спросил Вандербуль.

— За воротник, — ответил мужчина.

Вандербуль ничего не понял, но ведь короли всегда делают странные вещи. И, чтобы не показаться глупым, Вандербуль сказал:

— Наверно, закидывал. Я у отца спрошу.

Голуби подходили близко, в сизых мундирах, в красных штанах. Толстые, важные от дармовых харчей. Воробьи дрались в промоинах, крали у голубей корм и — фр-ррр! — летели над Вандербулевой головой.

Мужчина пятерней почесал ногу, обернутую штаниной выше колена. Вандербуль съежился, ему стало холодно вдруг. Он потрогал темное пятно у мужчины на пиджаке, которое имело форму звезды, и спросил тихо:

— Это у вас от ордена?

Мужчина посмотрел на пиджак.

— Что?

— Это у вас орден висел?

— Ну, орден.

— Вы его отвинтили?

— Я его в шкаф убрал на самую верхнюю полку и нафталином посыпал.

— Больно было?

— Что больно? — сухо спросил мужчина.

Вандербуль покраснел, ему стало стыдно, что он такой любопытный, но уж очень хотелось узнать про войну.

— Ну, когда вас ранило... — Вандербуль осторожно дотронулся до ноги в подвернутых брюках.

— А-а, — сказал мужчина. — Тебе сколько лет?

— Шесть.

— Большой мужик.

Мимо шли люди в пальто нараспашку. Вандербуль смотрел в их спокойные лица.

— Куда же вы мимо? — спросил он.

Остановился какой-то парень без кепки. Устался на Вандербуля.

— Мы деньги просим, — объяснил ему Вандербуль.

Парень покраснел, принялся шарить в карманах.

— Мелких нету, — сказал он с тоской.

Вандербуль поднял кепку.

— Это ничего. Давайте, какие есть.

Парень покраснел еще пуще.

— У меня никаких нету, — пробормотал он и замигал от досады. Мужчина засмеялся.

— Спасибо, братишка... Хочешь, возьми на трамвай.

— Что вы! — попятился парень. — Извините... — И быстро пошел, почти побежал.

Мужчина смотрел ему вслед. Глаза его медленно гасли.

— Пойдем, я тебя мороженым угощу, или, хочешь, конфетами.

— Посидим еще. Поговорим лучше про войну, — Вандербуль положил кепку себе на колени. — Вы, наверно, были героем-танкистом.

Мужчина опустил голову, царапнул пятерней небритую щеку и, словно сделав для себя открытие, сказал удивленно:

— Вот какое слово проклятое — был. Заполняешь анкету и на каждой полоске выводишь: был, знал, работал, учился. Словно ты уже мертвый. А может, в душе человек иначе про себя думает: «Могу быть, могу стать, могу справиться...» Это не твоя мама спешит?..

По набережной бежала Вандербулева мама. Рядом с ней торопилась дворник Людмила Тарасовна. Они бежали сквозь голубиные стаи.

Вандербуль хотел крикнуть: «Мама, мама, давай! Кто вперед?» Но мама уже схватила его, подняла на руки и так крепко стиснула, словно кто-то чужой и недобрый пытался его отнять.

Кепка упала. По гранитной плите покати-лась чужая медь.

— Разве так можно? — испуганно прошептала мама.

Инвалид приподнялся, посмотрел на маму с усмешкой.

— Подсоби, сестренка, своей трудовой монетой инвалиду, который мог бы стать героем-танкистом.

Мама круто повернулась и побежала к мосту, унося на руках Вандербуля.

— Ты зачем меня несешь? — кричал Вандербуль. — Мы хотели поесть мороженого!

Дворник Людмила Тарасовна следовала за ними со спокойным сознанием выполненного долга. Она оборачивалась, кричала мужчине:

— Бессовестный! Глаза, как у сироты, а кулаки-то, как у разбойника. Вернулся. Ишь, рожа красная. Сегодня доложу участковому, что ты опять засел тут.

Придя домой, мама посадила Вандербуля в горячую ванну. Она мылила его хвойным мылом. Терла розовой поролоновой губкой.

— Он герой! — кричал Вандербуль.

Мама молча окунула его с головой в воду.

У Вандербуля изо рта вместо гневных слов вылетали мыльные пузыри.

Мама растерла его мохнатым полотенцем.

А когда пришел отец, она рассказала тихо:

— Понимаешь, он сидел с нищим, выпрашивал деньги.

— Бывает, — сказал отец.

— Нет, ты ему объясни.

Отец пошел в другую комнату искать своего сына под широким диваном.

А Вандербуль стоял в коридоре. Он рисовал на светлых обоях разрушенный город и танк. Танк горел. От него отползал человек. Человек не мог ползти быстро. Его ноги лежали возле горящего танка. Они были похожи на старые валенки.

— Разве это танк? — услышал он голос позади себя.

Обернулся.

За его спиной стоял отец. Спокойный, в темно-сером костюме. Отец взял у него карандаш и по соседству нарисовал другой танк, с могучими гусеницами и длинной пушкой. Такой танк, по мнению Вандербуля, не мог гореть. Он мог только идти вперед от победы к победе.

— Слушай, — сказал отец. — Давай поговорим об этом деле.

— А если ему на войне оторвало ноги?

— Это не оправдание.

— Он на войне был героем, у него орден.

— Тем более.

Вандербуль рисовал на обоях пули. Они летели, словно осенние злые мухи.

В коридор вышла мама. Она принесла мягкую резинку, которая называется клячкой. Принялась чистить обои.

— Пусть будет, — сказала ей отец.

— Но мы не одни живем в квартире.

— Моя картина никому не мешает, — сказал Вандербуль.

Отец его поддержал.

— Все равно ее не сотрешь. Он нажимал со всей силы.

Мама увела Вандербуля спать.

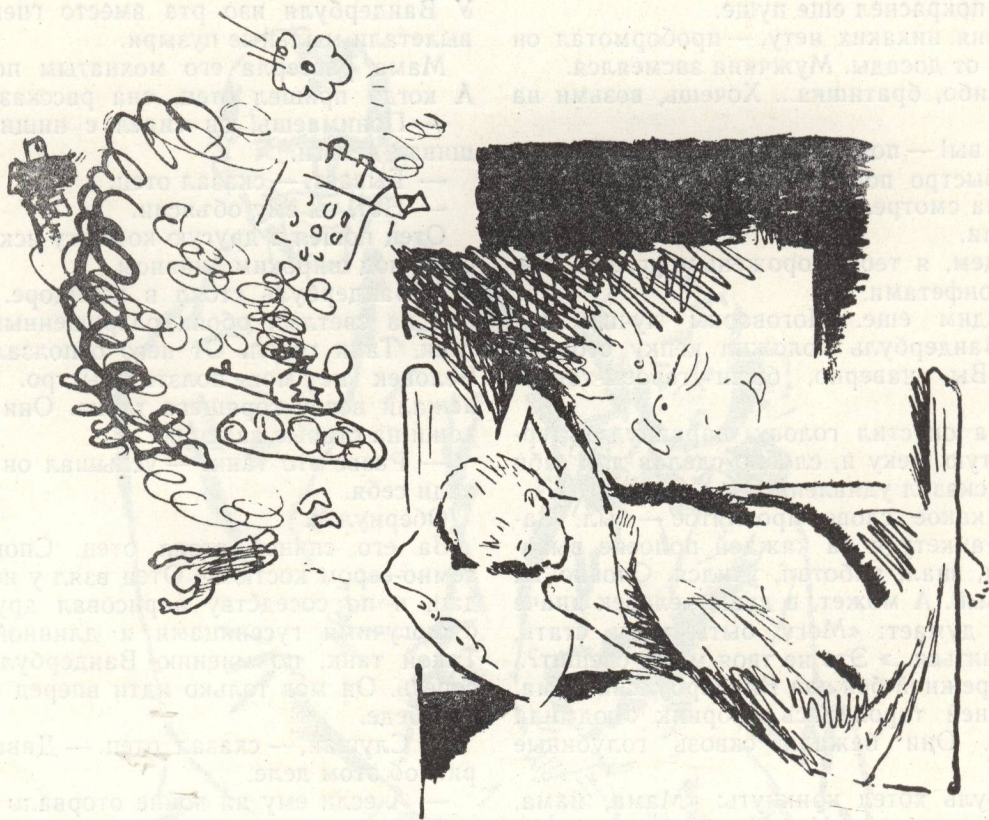
Вандербуль ворочался, смотрел в потолок, расчерченный голубыми прямоугольниками.

Отец и мать говорили за дверью. Голос у мамы был беспокойный:

— Ты, кажется, не так ему объяснил. Ты бы ему сказал, что этот человек пьяница и бездельник. Что ноги он потерял... ну, попал под трамвай, что ли.

— Я этого не знаю, — ответил отец. — Ну, успокойся.

«Зачем меня мыли мылом, — думал Вандербуль. — Я ведь вчера купался». Светофор с перекрестка бросал в потолок зеленые, жел-

тые, красные вспышки. Вандербуль смотрел на них, пока ему не стало казаться, что он идет по зеленым, желтым и красным плитам. А вокруг никого. Только жужжат пули и ранят его одна за другой.

На следующее утро мама разбудила Вандербуля, поставила завтрак на стол. Она торопилась на работу и долго прилаживала к новому платью брошку.

— Уберешь со стола и отправляйся гулять. За тобой тетя Лида закроет. Только гуляй во дворе, на улице ветер.

— Ладно, — сказал Вандербуль.

Он убрал со стола. Застегнул пальто на все пуговицы. Соседка тетя Лида осмотрела его и выпустила гулять.

Ребята играли в трехцветный мяч. Он стоял, посмотрел на игру.

— Я тоже придумала себе новое имя, — сказала ему девочка в оранжевой шапке. — Я буду Люциндра. Есть в деревне такая трава, от нее медом пахнет.

Вандербуля тянуло на улицу.

На горбатый мост, как и вчера, вползали трамваи. Они казались равнодушными и покорными.

Ветер выстроил над домами свой белокрылый флот. Ветер проводил большие маневры. Флотилии облаков шли одна за другой, скрывались за горизонтом крыш, унылым и близким.

На набережной Крюкова канала было пустынно. Вандербуль двинулся вдоль решетки. Вскоре он вышел к Морскому собору. Почему его называют Морским, может, за голубую с белым окраску? Соборная колокольня стояла отдельно, светила золотым шпилем, как навечно зажженная свечка.

Неподалеку от паперти сидел инвалид. Вместо пиджака на нем была синяя матросская рубашка, на ногах — брюки клеш. Черные тихие старушки кидали монеты в мятую бескозырку.

— Большое вам спасибо, мамаша, от искалеченного войной моряка, — говорил инвалид.

«Может быть, одну половину войны он был танкистом, другую — был моряком», — подумалось Вандербулю. Вандербуль хотел подойти к инвалиду, поздороваться, но его опередил медленный милиционерский майор.

— Ты опять за свое, — сказал майор инвалиду. — Тебя ведь выслали.

Нищий улыбнулся бесстрашно.

— Я в отпуске, гражданин начальник. Могу документ предъявить.

Майор посмотрел документы.

— Ты что же, не нашел отпуску лучшего применения?

— К старому делу тянет, — инвалид поднялся, сунул под мышку костыль. Увидел Вандербуля. — А тебе чего надо? Чего ты за мной ходишь? — Он повернулся к майору и закричал, словно майор был в чем-то перед ним виноват: — Ордена ему подавай! А я во время войны был вот таким шкетом, мальчиком был. — Нищий сильным рывком оттянул книзу ворот тельняшки. — Вот, вся грудь в орденах. Обхохочешься...

На заросшей груди были выколоты бабочки,

и среди этих бабочек синело мешковатое сердце, проколотое стрелой.

— Нет у него орденов, — холодно сказал майор. — Идите. Прикройте пейзаж.

Нищий поправил тельняшку. Пошел не оглядываясь. Майор тоже пошел мимо черных сердитых старушек.

Вандербуль прислонился лбом к холодной решетке соборного сада и долго стоял так. Ему казалось, что все люди, которые идут по улице, смеются над ним и чему-то радуются.

Дома Вандербуль отыскал мягкую резинку, которая называется клячкой. Резинка вобрала в себя графит, но даже стертый рисунок был отчетливо виден. Он был выдавлен на стене. Вандербуль сбил его молотком и даже не убрал с пола известку.

Возраст выносливых и терпеливых

Снова была весна.

С разноцветными тучами — фиолетовыми, красно-бурыми, цвета стального и цвета меди.

Город весной беззащитен. Город прикрывает прорехи афишами. А весна льет дожди. Иногда, растолкав тучи, она показывает небо, синее и блестящее. Небо пахнет холодным ветром.

Во дворе перемены. Песочником, качелями и трехцветными лакированными мячами завладели другие ребята. Гремя погремушками, гремя в барабаны, на все голоса орущие, лезут они из каждой парадной. Они наступают. Они вытеснили Вандербуля и его ровесников. Они завладели двором.

Четыре года прошло с той весны. Генька, Лешка-Хвальба, Шурик-Простокваша, девочка Люциндра и Вандербуль сидели на трансформаторной будке. Они морщили лбы, сосредоточиваясь на единой высокой мысли. Выпячивали подбородки, отяжелевшие от негибемой воли. Они говорили:

— Геракл — это сила.

— Чапаев... Чапаев тоже будь здоров. Тоже может.

Ромул основал Рим, когда ему было всего двадцать лет. Князь Александр в двадцать лет уже стал Александром Невским. Двадцать лет — это возраст героев. Десять лет — это возраст отважных, выносливых и терпеливых.

Генька, у которого не было клички, дергал носом и кривился.

— Асфальтом воняет, — сказал он, чихнув. — А мне вчера зуб выдрали.

Люциндра скосила на него глаза, отворила рот и засунула туда палец.

— Во, во, и во... Мне их сколько вырвали.

— Тебе молочные рвали. Молочный зуб в мясе сидит. Настоящий — прямо из кости растет. Иногда даже челюсть лопается, когда стоящий рвут. Я видел, как один военный упал в обморок, когда ему зуб выдернули. Подполковник — вся грудь в орденах.

— Я бы не упал. Я еще и не такое терпел, — самозабвенно похвастал Лешка-Хвальба.

— А ты попробуй, — сказала Люциндра.

— Нашла дурака.

Вандербуль глядел в Лешкины выпуклые глаза. Что-то затвердевало у него внутри. Все предметы во дворе стали вдруг мельче, отчетливее, они как будто слегка отодвинулись. И Лешка отодвинулся, и Люциндра. В глазах Люциндры отражаются Генька и Шурик. Руки у Вандербуля стали легкими и горячими. Такими горячими, что зашипало ладони.

— Я вырву, — сказал Вандербуль.

— Ты?

— А неужели ты? — сказал Вандербуль.

Он спрыгнул с трансформаторной будки и, прихрамывая, пошел к подворотне. Ребята посыпались за ним.

В подворотне Генька остановил их.

— Пусть один идет.

— Соврет, — заупрямился Лешка-Хвальба.

Шурик-Простокваша заметил:

— Как же соврет? Если зуб не вырвать — он целым останется.

— Вот похочем, — засмеялся Лешка-Хвальба. — Выставляться перестанет. И чего выставляется?

Вандербуль шел руки за спину, как ходили герои на казнь, до боли сдвинув лопатки. Он

ни о чём не думал. Шел, почти не дыша, чтобы не растревожить жесткое и, наверно, очень хрупкое чувство решимости.

Когда он скрылся в уличной разноцветной толпе, Лешка-Хвальба подтянул обвислые трикотажные штаны.

— Вернется. Как увидит клещи, так и... — Лешка добавил несколько слов, из которых стало ясно, что делают люди в минуту страха.

Люциндра от него отодвинулась. Сказала:

Мелкий дождь

Дождь блестел у него на ресницах. Мелкий дождь — он не льется, прилипает к щекам и к одежде.

Вандербулю дождь нипочем. Он его даже не замечает, только губы соленые. Девушки, странный народ, улыбаются ему. Им смешно, что идет он под мелким дождем такой отрешенный и светлый.

— Эй!

Вандербуль споткнулся, почувствовал вкус языка.

— Смотри под ноги.

Под ногами человек, он проверяет в люке телефонные кабели. В мокром асфальте перевернутый мир.

И вдруг засветились пятнами лужи, засияли по краям. На землю хлынуло солнце. Мелкий дождь засверкал и растаял.

Вандербуль повернул к больнице.

В сквере пищали и радовались воробьи. На мокрой скамейке, подложив под себя фуражку, сидел ремесленник Аркадий из Вандербулева дома. Рядом, на Аркадиевых учебниках, сидела девчонка.

Вандербуль сел рядом.

— Аркадий, вам зубы рвали? — спросил Вандербуль.

— Зачем? У меня зубы, как шестерни. Я могу ими камень дробить.

Из открытого окна больницы вылетел крик, искореженный болью. Он спугнул воробьев и затих.

— Ой, — прошептала девчонка.

Вандербуль попробовал встать, но колени у него подогнулись.

— Чепуха, — сказал Аркадий. — Меня высоким напряжением ударило и то ничего. Уже побежали ящик заказывать, а я взял и очухался.

Глаза у девчонки вспыхнули такой нежностью, что Вандербуль покраснел.

— Я пошел, — сказал он. Встал и, чтобы не сесть обратно, уцепился за спинку скамьи.

— Дурак.

— Не груби, — Лешка нацелился дать Люциндре щелчка в лоб.

Генька, у которого не было клички, встал между ними. С Генькой спорить не безопасно. Лешка повернулся к нему спиной.

— Простокваша, пойдем, я тебя обыграю во что-нибудь.

Вандербуль шагал вдоль домов. Все герои от Геракла до наших дней шли за его спиной.

— Да ты не робей, — подбодрил его Аркадий. — Когда тебе зуб потянут, ты себя за ногу ущипни.

Снова начался мелкий дождь, потек по щекам, как слезы.

— Я пошел, — еще раз сказал Вандербуль. Ноги у него подгибались в коленях, словно из них испарилась вся сила.

— Бедный, — прошептала девчонка. — Я бы ни за что не пошла. До смерти боюсь зубы рвать. И мышей боюсь. Я всего боюсь. — И она положила голову Аркадию на плечо.

А ведь человеку нельзя жить и мечтать, если в десять лет он не испытал еще настоящей боли, не познал ее полной силы, не проверил себя, своей воли.

Девушка в регистратуре читала книгу. Брови у нее двигались в такт с чужими переживаниями и дергался нос.

— Тетенька! — крикнул ей Вандербуль. — Тетенька!

Девушка выплыла из тумана.

— Чего ты орешь?

— Мне зуб тащить.

— Боже, такой крик поднял. Иди в детскую.

Вандербуль сморщился, завыл громко. Одной рукой он схватился за живот, другой за щеку. Ему казалось, что если он перестанет выть и кричать, девушка ему не поверит и выставит его за дверь.

— Не могу-у! Я сюда еле-еле добрался.

Девушка еще не умела распознавать боль по глазам. Она недоверчиво слушала Вандербулевы вопли. Вандербуль старался изо всей мочи с басовитым захлебом и тонкими подвываниями. Наконец девушка вздохнула, заложила книжку открыткой с надписью «Карловы Вары» и, подняв телефонную трубку, спросила служебным голосом:

— Дежурного врача... Софья Игнатьевна, примете с острой болью? — Потом она посмотрела на Вандербуля и во взгляде ее появилось сочувствие. — Только рвать не давай,

пусть лечат. Очень обидно, когда мужчина беззубый.

Вандербуль поднялся по лестнице.

На втором этаже в коридоре сидели люди на белых диванах. Молчали. Боль придавала их лицам выражение скорбной задумчивости и величия. Они сидели рядом, но все порознь.

У дверей кабинета стоял борогатый старик в новом синем костюме, красных сандалиях и желтой клетчатой рубашке-ковбойке. Старик ежился под взглядом заносчивой санитарки.

— Поскромнее нарядиться не мог? — санитарка качнула тройным подбородком. — Не по возрасту стилияга.

Старик вежливо поклонился.

— А вы, мабуть, доктор?

Санитарка пошла волнами, казалось, она разольется сейчас по всему коридору.

— Хлеборезка ты старая. Я в медицине не хуже врачей разбираюсь. Я при кабинете тридцатый год... Очередь!

Старик вздохнул, пригладил пиджак на груди, застегнул необмятый ворот рубахи.

— Ваша, ваша, — великодушно закивали с диванов.

— Я еще побуду, — смущенно сказал старик. — Может, кто раньше торопится?

Санитарка опалила его презрением.

— Нарядился, как петух, а храбрость в бане смыл, что ли? Кто тут есть с острой болью?

— Я, — прошептал Вандербуль.

Санитарка опустила на него глаза.

— Голос потерял? Ничего, сейчас заголосишь. — Она подтолкнула его к дверям. — Проходи.

У Вандербуля свело спину, заломило в затылке.

Герои остались за дверью.

В кабинете на столике в угрожающе точном порядке лежали блестящие инструменты. Женщина доктор писала в карточке медицинские фразы.

— Садитесь, — сказала она.

Кресло, как холодильник, хоть совсем не похожее. Заныли зубы. До этого они не боле-

ли ни разу. Вандербуль жалобно посмотрел на врача.

Доктор подбадривающе улыбнулась. Нажала педаль.

Кресло поднялось бесшумно. Проектор — триста свечей — придавил Вандербуля жестким лучом. Из желтой машины тянулись ребристые шланги, торчали переключатели. Капала вода в белый звонкий таз.

Неизвестность страшнее познания. И только героям понятно, что в слабых людях познание рождает страх, в сильных — мужество.

— Как зовут?

— Вандербуль.

— Никогда не слыхала такого имени.

Голос у доктора словно издалека.

— Это не имя. Имя у меня Васька. Мне зуб рвать.

Доктор взяла инструмент сверкающе-острый. Ее пальцы коснулись Вандербулева подбородка. Пальцы у докторши теплые.

— Открой рот. Какой зуб болит?

— А вот этот, — Вандербуль сунул палец в рот, нащупал зуб, который потоньше.

Герои стояли за дверью. Он слышал их сочувственное пыхтение.

Докторша шурилась.

— От горячего больно?

Вандербуль согласился.

— От холодного?

— Тоже.

Докторша постучала по зубу металлом. Вандербуль вздрогнул, выгнул спину дугой. Докторша по другому зубу стукнула, и даже по третьему, в другой части рта.

— Подумай как следует, может быть, ты ошибся?

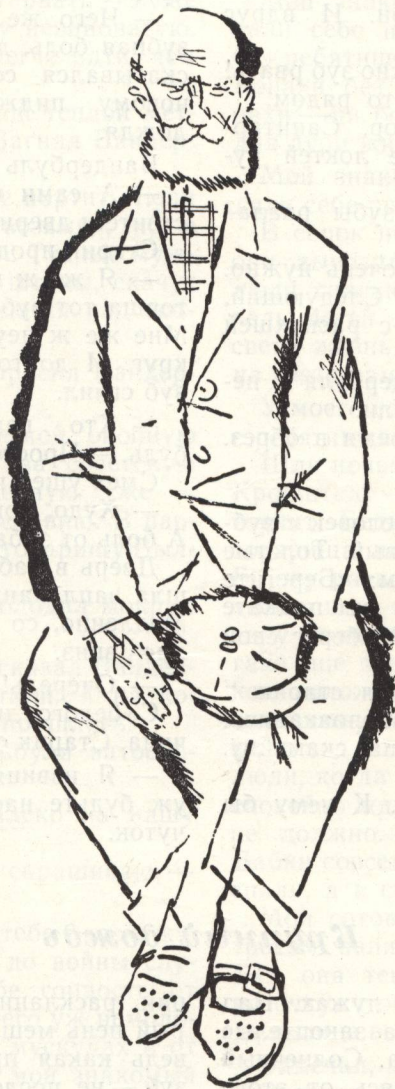
— Нет, — Вандербуль потряс головой и еле слышно добавил: — Рвите, который крепче.

Глаза докторши приблизились. Зрачки подрагивали в них, вспыхивали черным сиянием.

— Как ты думаешь, врач имеет право выдрать больного?

— По-настоящему?

— Ну хотя бы оттащить за уши,

— Не надо...

Докторша выпрямилась.

— Тетя Саша, следующего, — сказала она. — А этого вон. Гоните.

Над Вандербулем нависла грозная санитарка. Она прижимала голые локти к могучим бокам.

Вандербуль отскочил к двери. И вдруг всхлипнул, и вдруг заорал:

— Это не по-советски! Мне нужно зуб рвать! Герои смущенно кашляли где-то рядом.

Вандербуль вылетел в коридор. Санитарка поправила закатанные выше локтей рукава.

— Чтоб медицина здоровые зубы рвала? Или здесь живодерня?

— А если я очень хочу? Мне очень нужно.

— Иди, хотя в другом месте. Следующий. В кабинет впрорхнула девица с распухшей щекой.

Очередь поглядывала на Вандербуля с недоумением. Молчаливые заговорили:

— Тут сидишь, понимаешь. Время в обрез.

— Видно, драть некому.

— А еще пионер.

Вокруг плакаты. На одном — человек с зубной щеткой. Мужественно красивый. Толстые буквы вокруг него кричат басом: «Берегите зубы!» Мужественный человек на плакате улыбается белозубой улыбкой. Он берег свои зубы с детства.

На лестнице Вандербуля догнал старик.

— Слушай, хлопец, постой. Поздоровкаемся.

Старик посадил Вандербуля на скамейку. Вандербуль отвернулся.

— Ух же какой ты сердитый. К чему бы тебе здоровый зуб рвать?

— Для боли.

Старик обмяк, рассмеявшись. Смеялся он хрипло, и голос у него был хриплый, глухой. Звуки, наверно, застревали в густой бороде, теряли силу.

— А вы не смейтесь! — выкрикнул Вандербуль. — Сами не понимаете, а смеетесь.

— Чего же не понимать? Хоть и больная зубная боль, да не дуже смертельная, — смех скатывался со стариковой бороды, тек по новому пиджаку, словно крупные капли дождя.

Вандербуль разозлился.

— А сами боитесь! — закричал он. — Сами стоите у двери.

Старик продолжал смеяться.

— Я же ж не боюсь. Я опасаюсь. Мне докторша тот зуб дернет, а я ее крепким словом. Мне же ж неудобно. Вон какая культура вокруг. И докторша не виноватая, что у меня зуб сгнил.

— Кто вам поверит, — сказал Вандербуль. — Просто трусите и сказать не хотите.

Смех ушел из глаз старика.

— Худо, когда не поверят. — И добавил: — А боль от зуба обыкновенная.

Дверь в кабинет отворилась. В коридор вышла заплаканная девица с распухшей щекой. Медленно, со ступеньки на ступеньку, двинулась вниз.

— Очередь! — крикнула санитарка.

С белого дивана поднялся угрюмый мужчина. Старик сказал ему грустно:

— Я извиняюсь. Я теперь сам войду. Вы уж будьте настолько любезны, посидите еще чуток.

Крупный дождь

Солнце билось в витринах и лужах. Над асфальтом стоял робкий пар. На закоптелые крыши надвигалась мокрая туча. Солнечный свет встречал ее в лоб, становясь от этого резче и холодней.

Милиционер надел прорезиненный плащ с капюшоном. Женщины распахнули зонты.

Вандербуль и старик шли по улице.

Старика звали Власенко. Он ворчал:

— Худо, когда рот только для каши гден. — Отвернулся и, когда глянул на Вандербуля, рот у него засверкал белой пластмассой.

«Наверно, вставные зубы не нужно чистить, — подумалось Вандербулю. — Наверно, их моют мочалкой».

— Год в кармане берегу, — объяснил ста-

рик, раскланиваясь с прохожими. — Тот старый пень мешал. Я бы его на геть вырвал, но ведь какая причина — последний. Последний зуб — не последний год, а все жалко. Нынче зимой, когда он совсем расхворался, я решил зараз — вырву. Для этой цели я и в Ленинград прибыл, оказал старому лешему последнюю почесть. У меня же ж тут в Ленинграде дочка. Анна. Аспирантуру проходит по морякскому делу. — Старик вытащил из кармана стершийся зуб, повертел его в пальцах и бросил через парапет в речку Фонтанку.

— Ух же ж ты, старый пень. Прощай, брат... — блеснули в грустной улыбке стариковы вставные зубы.

— Больно было? — спросил Вандербуль и

посмотрел на старика с такой завистью, что старик опять рассмеялся.

— Я же ж тебе объяснял. Обыкновенная боль. Что зуб рвать, что пулей тебя прошьет — одинаково по живому. Только мужик как устроен? Он любую боль стерпит, если сопротивляется. Без сопротивления мужчина скучный. Отсюда мужику зуб рвать — хуже нет. Не ударишь ведь докторшу невиноватую. Настоящему мужику в атаку легче идти, чем к зубной докторше.

Дождь хлынул сразу. Широкой теплой метлой хлестнул по всем улицам. Загнал Вандербуля и старика в подворотню.

Сильный дождь настроения не портит. Люди отряхиваются, говорят «черт возьми», но в этих словах нет досады и злости. Тучные мужчины с портфелями, подвернув штаны, скачут по ошпаренному асфальту. Смеются над собственной ревностью.

— А вы на войне были? — спросил Вандербуль старика.

— Я-то? На империалистической окопную вошь кормил. В гражданскую за советскую власть сражался. В Отечественную уже ж куда меня занесло. Аж в Югославию. В партизанский отряд к командиру товарищу Выходило Ильяшевичу.

Ветер шумел в подворотне, холодил мокрые спины.

— Скоро дождь кончится, — сказал Вандербуль, — сильный дождь — короткий. А на какой войне вам всех больше пришлось?

Старик посмотрел на Вандербуля затосковавшими вдруг глазами.

— На последней... Дюже далеко на нашу территорию немец прошел.

— Я у вас про другую боль спрашиваю, — сказал Вандербуль.

— Всякая боль — боль. Я ж тебе расскажу. Имеется у меня знакомец. Он до войны служил моряком. Имел он в себе гордость от своего моряцкого звания, от своего уж немолодого возраста, от своей силы в мускулах и от своего веселого нрава. Плавал мой знакомый товарищ шкипером на баржах. У баржи ход медленный. Зато дюже большой простор для глаз. По берегам жизнь. Лесные породы друг друга теснят. Травы зеленые в воду лезут. И под килем жизнь: лещи, окунье, букашки, словом, разнообразное подводное царство.

А что касается людей береговых — мой знакомец для них лучший друг. Он им необходимый фабричный товар привозит, киномеханика, книжки. У них забирает картошку, хлеб, тёс, постное масло, рыбу, лесную ягоду, грибы,

Жена моему сотоварищу досталась под стать — красивая. Таковую и во сне не всякий увидит. Принялась она плавать с ним на барже в должности кока. И за матроса могла. А как заведет песню под вечер — по берегам парни млеют, плачут про себя, что такая красавица мимо них по воде уплывает.

Мой знакомец и его молодая жена загадали себе на будущее двух ребятишек, ибо без ребятишек людям жить невозможно. Одни монахи без ребятишек могут. Они же ж, монахи — ни богу свечка, ни черту кочерга. Они для дури живут и то маются.

Мой знакомец и его молодая жена загадали себе ребятишек и не сбьлось.

В сорок первом году, как война принялась, они вывозили из Выборга беженцев. Когда люди спасаются от беды, они в первую очередь детей хватают, чтобы не кончалась на свете жизнь. И стариков, чтобы сохранилась на свете память.

У моего сотоварища на барже всё женщины с ребятишками да старые матери-бабки.

Шли ночью. Хоть и светлая, а все ночь. Уже Кронштадт — спасение ихнее — вот он, из воды торчит. Беда на беду ложится — у моего сотоварища на барже лопнул буксирный трос. Баржу разворачивает волной. Волна та накапистая шла, гонит баржу на мелкое место. Буксиру повернуть невозможно, бо у него на гаке еще две баржи с народом. Переговорили, как положено морякам, на сигнальном морском языке — порешили. Пошел буксир в Кронштадт, а мой знакомец якоря бросил. Ждут люди, когда буксир за ними обратно вернется, спокойно ждут, без паники, бо тут паники быть не должно. Дети спят, женщины дремлют. Бабки совсем без сна, они мало за свою жизнь спали, а к старости и совсем разучились.

Мой сотоварищ на носу был, с буксирным тросом занимался. Жена его у надстройки. Там она тент приладила ситцевый в красную розочку, чтобы ребятишкам в тени спать, когда солнце встанет.

Замечал, когда солнце над морем еще не поднялось — облака розовые? Будто перьями по всему небу. А вода темная.

В этот час оно и случилось. Прямо из розовых облаков спустились они со своими бомбами. За сто верст видать — груз не военный — мирные женщины с ребятишками. А они ж налетели, будто на крейсер.

Вода от взрывов, как пиво, вверх лезет.

Ребятишки в рев — какая у ребятишек зашита? Жмутся под ситцевый тент и режут.

Мой сотоварищ бросился на помощь бежать. Взрывом оторвало палубную обшивку. Свер-

нуло трубой. Запеленало его в эту трубу. Сперва сознание от него ушло, мабудь, на целую минуту. А когда возвратилось, он вокруг глянул. Баржу перерубило на две половины, и каждая половина тонет сама по себе. А между ними народ тонет.

Мой сотоварищ рвется из железных своих пеленок — рукой не шевельнуть, как в клещах. А народ тонет. Ребятишки тонут. Женщины прилаживают их к плавучим обломкам, может, продержатся, пока помощь поспеет, может, прибьет волной к берегу...

А не прибьет их волной к берегу — сверху их из пулеметов топят. Взрослый мужик молча старается умереть. Ребятишки, они же теснятся друг к дружке и плачут, они смерти не понимают. И вот в этой беде моему сотоварищу все эти ребятишки его родными детьми показались. Он закричал. Зовет их. А что пустой крик в море?

Такая есть боль — когда жена, когда дети на твоих глазах тонут и их вдобавок из пулеметов бьют, а ты им помочь не умеешь.

Он кричал летчиком: «Гады вонючие, в меня цельте, вот я!» Голову высунет из трубы, чтобы в него попало. А не попало — все в железо.

Корма с надстройкой ушла под воду быстро. Носовая часть встала торчком — не тонет дальше. Может быть, на грунт встала, может быть, воздух скопился в самом носу. Мой знакомец над водой повис. В лицо ему волна тычет.

Море опустело. Узлы, плавучие ящики, чемоданы унесло к берегу. Только тент ситцевый, под которым ребятишки прятались, плавает.

Мой знакомец долго кричал в пустое море. Плакал один. И когда его вытащили из железа матросы с морского охотника, он кричал, ребятишек звал. Не хотел он жить.

И в госпитале кричал. Свесится с койки к полу, его же ж привязывали, и кричит — зовет ребятишек.

А никто ему не откликнется...

Дождь гудел на асфальте. Было совсем не понятно, как может небо скопить в себе столько воды. Удивленные люди уже не пытались перебежать улиц.

Автобусы проплывали мимо, не отворяя дверей.

— Я у вас про физическую боль спрашивал, — сказал Вандербуль старику.

— Это ж она и есть, самая наитяжелая физическая боль. И воздух вокруг, а дышать нечем. И ухватиться не за что, а если и ухватишься, оно, как трухлявое дерево, под рукой сыплется. И ты будто воешь, а звуку твоего не слышно... Когда через неделю мой сотова-

рищ очнулся в госпитале, узнал от главного врача, что нога у него сломана, два ребра смяты и ключица наружу, не считая нарушения внутренних органов.

«Это во мне враз заживет, — сказал он врачу. — От этого я не дюже страдаю. Я теперь такой человек, что даже смертельную боль приму спокойно и независимо от прожитых годов».

— Может, вы про себя рассказывали? — спросил Вандербуль.

Старик усмехнулся, посмотрел на свои бурые, словно сплетенные из шнурков руки.

— У меня своя биография, у него своя.

Дождь ударил еще сильнее. Казалось, он пробивает асфальт и земля, пропитавшись влагой, плывет под асфальтом, и мостовая рухнет сейчас. И рухнет город.

— Я у вас все равно про другое спрашивал, — сказал Вандербуль. — Такая сказка есть... Был один король, а у него был полководец. А у полководца был помощник. Король был очень знаменитый, потому что у него был полководец очень хороший. Он королю все войны выигрывал. А помощник завидовал и от зависти задумал злодейство. Король был обжора, у него от этого часто живот болел. Когда у него живот болел, у него настроение портилось и он на всех бросался. Помощник подождал, когда у короля живот заболит, и нащептал ему на ухо, что полководец готовит в войске измену. Король приказал полководца позвать и как закричит на него:

— Говори, пес-изменник ты или нет?!

— Я твой верный солдат, — сказал ему полководец ровным голосом.

— А чем докажешь?

— Даю руку на отсечение.

Король выхватил свой обоюдоострый меч и отсек полководцу руку. И ни один мускул не дрогнул у полководца на лице. Вот какой был, — Вандербуль вздохнул и даже закашлялся от восторга. — Вот я про что спрашиваю. Ему руку отсекли, а у него даже брови не шевельнулись.

Старик засмеялся.

— Красивая твоя сказка. Только, думается, она не для жизни, а так — вроде бы для картинки. Для жизни она дюже красивая.

Дождь оборвался внезапно, только отдельные капли шлепали по асфальту. На улице стало шумно и очень людно.

Осторожно ступая, вышла из ворот пестрая кошка. Голуби вылетели из-под карнизов.

— Славный был дождь, — сказал старик. — Хочешь, в кино пойдем, картину посмотрим? Все равно я сейчас свободный от дела.

— Спасибо, — пробормотал Вандербуль. — Я домой.

Он пожал старикову руку. Старик попридержал его.

— Тебе куда?

— Туда.

— Значит, нам в одну сторону.

Прохожие покупали сигареты с нервной поспешностью, будто билеты на киносеанс, который уже начался. Старик взял пачку махорочных и коробку болгарской «Фемины».

— Для угощения, — объяснил он. — Твои родители кто?

Вандербулю стало неловко.

— Обыкновенные, — прошептал Вандербуль. Он даже не знал, где работает его отец, инженер. Отец никогда не рассказывал о себе ничего такого, чем Вандербуль мог бы похвастать. Не отличался его отец ни силой, ни ростом, ни бойкостью в разговорах. Мать у него тоже была обыкновенная. Вандербуль вдруг почувствовал себя обворованным и униженным. Ему стало ясно, что жизнь обошла его, не одарив с рождения гордостью за родителей.

Мимо прошел пожилой моряк с широкой нашивкой. «Капитан, — подумал Вандербуль. — У этого есть чем гордиться». Он позавидовал капитанским детям и, не глядя на старика, соврал:

— Мой отец капитан. Его корабль налетел на старую мину у Курильских островов... Никто не спасся.

— Значит, ты морячкой породы, — пробормотал старик. — А мамка что же? Снова замужем? Или вдовствует?

Люди врут, чтоб возвыситься. Ложь потащила Вандербуля в щемящую смуту, где

каждый человек может увидеть себя хоть самим Прометеем.

— Она в больнице. Может быть, умерла...

— Вот как, — остановился старик.

Вандербуль смотрел в землю. Струйки грязной воды текли по асфальту.

— А я, старый леший, тебе рассказываю. Вот почему ты болью интересуешься.

— Я у тети живу, — сказал Вандербуль. Он еще был высоко в своей лжи и чувствовал, что придуманные страдания сжимают сердце не слабее, чем настоящие. Ему даже показалось, что великие герои тесно столпились вокруг и смотрят на него как на равного. И он поднял голову.

За деревьями, за черными крышами торчали антенны и клювастые краны. По Межевому каналу буксир тащил баржу. Пахло корюшкой, будто свежими разрезанными огурцами.

— Я домой, — сказал Вандербуль.

На просмоленных досках дрожала радуга. Автобусы разрывали ее, но она снова соединялась.

Старик проводил Вандербуля до самых ворот.

Дворник Людмила Тарасовна подметала асфальт.

— Что с ним? — спросила она. — Может, его машиной задело?

Старик угостил ее сигаретами — распечатал коробку «Фемины».

— Напрасно так думаете. Кто же ж такого хлопца заденет. Славный хлопец. И вы тоже славная женщина.

Старик попрощался с Вандербулем. И когда он ушел, Вандербуль почувствовал, что остался один на всем свете.

Серьезная музыка

Генька распахнул дверь и весь засверкал, потащил Вандербуля по темному коридору.

— Хочешь, я тебе электрический граммофон заведу? — сказал Генька в комнате. — Серьезная музыка успокаивает нервы.

Вандербуль посмотрел на него пустыми глазами.

— Не нужно. Меня из больницы прогнали.

Генька остановился с пластинкой в руке.

— Жалко.

Генька все знал про боль. И никто не видел, как Генька плачет.

Сейчас Генька стоял перед Вандербулем, рассматривал граммофонную пластинку, слов-

но она разбилась. Вандербуль тоже смотрел на эту пластинку, переминался с ноги на ногу. Генька вытер пластинку рукавом, поставил ее в проигрыватель. В динамике заорали трубы, заверещали скрипки, рояль сыпал звуки, словно падала из шкафа посуда. Музыка была очень громкая, очень победная.

— Что делать? — спросил Генька тихо.

Вандербуль уже знал — нужно сделать такое, чтобы люди пооткрывали рты от восхищения и чтобы смотрели на тебя, как на чудо.

— Позовем ребят, — сказал Вандербуль.

Пришли Лешка-Хвальба, Шурик-Простокваша, девчонка Люциндра.

Сидели на кухне.

— Я опущу руку в кипящую воду, — сказал Вандербуль. — Кто будет считать до пяти?

У Лешки обвисли уши. Люциндра вцепилась пальцами в табурет. Шурик проглотил слюну.

— Ты опустишь?

— Я.

Шурик забормотал быстро-быстро.

— Давай лучше завтра. Завтра суббота.

Генька, ни на кого не глядя, зажег газ. Поставил на огонь кастрюлю с водой.

Шурик икнул. Люциндра и Генька переглянулись и побледили.

— Нетушки, — прошептала Люциндра. — И спрятала под табурет исцарапанные лодыжки.

Огонь под кастрюлей был похож на голубую ромашку. На дрожащих ее концах цвет переходил в малиновый с мгновенными ярко-красными искрами.

Вандербуль пытался представить себе героев, с улыбкой идущих на казнь. Великие герои окаменели, как памятники, занесенные снегом.

Донышко и стены кастрюли обросли пузырями. Мелкие, блестящие пузыри налипли на алюминий, словно вылезли из всех его металлических пор. Несколько пузырьков оторвалось, полетело вверх и растворилось, не дойдя до поверхности. Потом вдруг все пузыри дрогнули, стремительно ринулись вверх. На самом дне вода уплотнилась, заблестела серым свинцовым блеском, поднялась мягким ударом и закрутилась, сотрясая кастрюлю.

— Ты кого-нибудь ругай на чем свет стоит, — научил его Генька. — Тогда не так больно.

В кухне было тихо и очень безмолвно. Только клокотала вода, беспощадно горячая.

— Закипела, — прошептал Шурик.

Лешка сказал, отступая от стены:

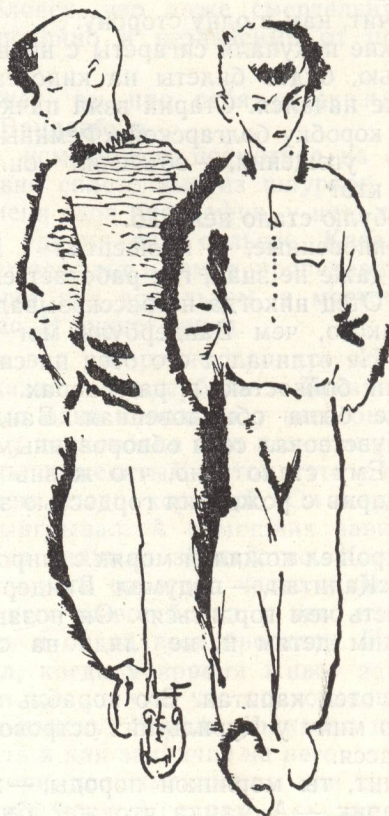
— Ну, давай.

Люциндра громко икнула, захлопнула рот дрожащей ладонью.

«Кого бы ругать, — подумал про себя Вандербуль. — Может быть, генерала Франко? Франко дурак. Фашист! Ну да, дурак, подлец и мерзавец!» Перед ним всплывала фигурка, похожая на котенка в пилотке. Лохматенькое существо скалило рот. Оно было смешным и жалким.

Вандербуль засучил рукава, посмотрел на ребят, онемевших от любопытства. Взял свою левую руку правой рукой, словно боялся, что она испугается.

«Франко, ты дурак! Беззубый убийца! Все равно всем вам будет конец!»

Сунул руку в кипящую воду.

«Фра-а-а!!!» — закричало у него внутри. Он забыл сразу все слова и проклятья. Мохнатенькое существо оскалилось еще шире и пропало в красных кругах. Боль ударила ему в локоть, ринулась в ноги. В голову. Боль переполнила Вандербуля. Вышла наружу.

«Ба-ба-ба...» — стучало у Вандербуля в висках. Он отчетливо слышал, как ребята перестали дышать, как гроыхает в кастрюле вода, как жалобно трется о форточку занавеска.

Он выхватил руку из кастрюли. Шагнул к раковине. Генька уже открыл кран.

Под холодной струей боль опала. Ноги перестали дрожать.

«Может быть, зря, — медленно думалось Вандербулю, — может быть, я останусь теперь без руки».

Рука набухла на глазах. Пальцы растопырились в разные стороны.

Люциндра заплакала.

Лешка-Хвальба то открывал, то закрывал рот, словно жевал что-то горькое.

Шурик-Простокваша подошел к кастрюле, устоялся в бурлящую воду. Поднял руку...

Генька оттолкнул его и выключил газ.

В больнице Люциндра кричала охрипшим голосом:

— Нам нужно без очереди! Несчастный случай случился.

Мальчишки почтительно мялись за Вандербулем. Рука у него обмотана полотенцем. Боль ударяет в локоть толчками, жжет плечо, кривит шею.

Вандербулю было спокойно, словно свалилась с него большая забота, словно он победил врага беспощадно могучей силой.

Доктор — молодой парень постучал карандашом по губе, попросил санитарку выйти и тогда спросил:

— Сколько держал в кипятке?

— Не знаю.

— Ух, — сказал доктор, сжимая за спиной чистые-чистые пальцы. — Глупость все это.

«Хорошее дело быть доктором, — думалось Вандербулю. — Доктору нужно все понимать». Он улыбнулся врачу, и тот нахмурился еще больше, наверно, застенялся своего несолидного вида.

— Очень было больно?

— Как следует.

— Не орал, конечно?

Доктор осторожно обмыл руку жидкостью, подумал и наложил повязку.

— Без повязки лучше. Повязку я для твоей мамы делаю. Приходи, — сказал доктор.

— Спасибо, приду, — сказал Вандербуль. — А как вас зовут?

Доктор опять рассердился.

— Я тебя не в гости зову. В гости ко мне хорошие дети ходят.

Вандербуль засмеялся. Доктор покраснел и добавил, не умея сдержать досаду:

— Будешь ходить на лечение и на перевязку. Герой.

«Я бы к вам даже в гости пришел, — подумал Вандербуль, глядя, как доктор пишет в карточку свои медицинские фразы. — Конечно, доктора должны уметь и кричать и ругаться, но так, чтобы от этого становилось легче больным и раненым людям».

— Люциндра тоже хочет стать доктором, — сказал он, прощаясь. — Ей это дело пойдет. Она очень добрая, хоть и делает вид.

Доктор выставил Вандербуля за дверь.

Когда ребята узнали, что ожог не такой безнадежный и рука будет цела, ушло чувство подавленности. Ребята возликовали. Они кружили вокруг Вандербуля, трогали его бестрашную руку, заглядывали в глаза и были готовы поведать каждому встречному о мужестве и молчании.

Зависти не было. Люди завидуют лишь возможному и желаемому.

— Я думал, ты струсил, — говорил Лешка, — гад буду, думал.

— И я думал, — бормотал Шурик.

— А я знала, что вытерпишь. Я всегда знала, — ликовала Люциндра. — Я еще тогда знала.

Генька шел впереди, рассекая прохожих.

Во дворе, развешенное на просушку, полоскалось белье. Всюду, где не было асфальта, малыши в ботах старательно ковыряли землю. Дворник Людмила Тарасовна читала роман-газету. Она сидела под своим окном на перевернутом ящике.

Вандербуль прошел мимо нее. Обожженная рука держалась на марлевой петле, перекинутой через шею. Рука болела, но что значила эта боль?

Людмила Тарасовна закрыла роман-газету, скрутила ее тугой трубкой, но даже не заворчала, замороженная лицами Лешки-Хвальбы, Шурика-Простокваши, девчонки Люциндры и гордого Геньки. Они шли вокруг Вандербуля,

как ликующие истребители вокруг рекордного корабля. Ей потребовалось какое-то время, чтобы прийти в себя. И она сказала одно только слово:

— Да-а...

Что это означало, никто не понял, но все почувствовали в этом слове что-то тоскливое и угрожающее.

Истосковавшиеся корабли

Вандербуль поднялся к себе на этаж. Ребята стояли рядом с ним, они были готовы принять на себя главный удар.

Мама открыла дверь и долго смотрела Вандербулю в глаза. Забинтованную руку она будто не замечала. Лицо ее было неподвижным. Только подбородок дрожал и подтягивался к нижней губе. Мама пропустила Вандербуля, перед ребятами она закрыла дверь и словно прищемила их радость.

В комнате у стола сидел старик Власенко. Перед ним лежал пакет с серебристой рыбой.

Вандербулю показалось, что больная рука оторвалась от туловища и бьется одна, горячая и беспомощная. Он вцепился в нее правой рукой и прижал к груди.

— Что это? — спросила мама измученным голосом.

— Обжег.

— Ну вот, — сказала мама, как о чем-то давно известном и все равно горьком.

Старик поспешно поднялся.

— Я теперь пойду, — сказал он с досадой. — Извините великодушно. Старый леший, или ты от старости умом помрачнел? — бормотал старик, расправляя в руках мятую кепку. — Рыбу вы все ж возьмите. Это же ж селедка дунайская, самая первейшая рыба. Поедите за ужином, или гости придут.

Он надел кепку. Вытер лицо платком. Кепка ему мешала, он сбил ее на затылок.

— Проводи меня, сиротинка, до остановки.

Мама хотела возразить, но подбородок у нее снова запрыгал и она промолчала.

Вандербуль бросился к двери. Он выбежал на лестницу, промчался мимо друзей, которые стояли в парадном, и остановился перед Людмилой Тарасовной — она преградила ему путь метлой.

Людмила Тарасовна спросила, словно ключула в темя:

— Куда?

— А вам что? — закричал Вандербуль. — Что вы все лезете?

Сзади подошел старик. Крепко взял его за плечо.

— Давайте ругайте, — закричал Вандербуль. — Ну, наврал... Ну!

Старик вывел его на улицу.

Вандербуль смотрел на прохожих, но видел только серые пятна.

— Что ты сделал с рукой?

— Сунул в кипяток.

Старик прижал подбородок к ключице, отчего борода его вздыбилась.

— Сколько людей за вас жизнь отдали, а вам мало.

Старик пошел. Он даже не взглянул на Вандербуля, он глядел под ноги.

* * *

— Але, милиция? У нас убежал сын.

— Он ушел днем. А сейчас уже ночь.

— Откуда ж мы знаем куда? Я всех обзвонила.

— Да, да, он поспорил со мной. Вернее, не поспорил, просто нахамил.

— Нет, мы его никогда не бьем.

— Пожалуйста. Я на вас очень надеюсь. Я вас очень прошу.

— Я не плачу. Я просто всхлипнула.

— Спасибо.

— Светлая челка. Глаза темные, серые. Брюки джинсы — техасские штаны.

— Да нет же, не заграничные. Такие брюки продаются в наших магазинах. Они очень удобные для ребят, на них карманов полно.

— Зовут Василием. Фамилия Николаев.

— Вандербуль.

— Особые приметы? По-моему, никаких... У него забинтована левая рука.

— Не знаю. Кажется, обжег.

— Так случилось. Я была очень расстроена.

— Спасибо большое.

Во время этого телефонного разговора Вандербулев отец стоял у окна, смотрел в мокрую ночь. Он курил сигарету в комнате, хотя это было строжайше запрещено мамой. Когда мама положила трубку на аппарат, и аппарат

коротко звякнул, отец загасил сигарету о подоконник. На белой краске возникло пятно. Вандербулева мама долго смотрела на это пятно и на раздавленную рваную сигарету. Отец смахнул окуроч рукой, пепел сдул, пальцем потер пятно, но оно не исчезло.

— Вот так, — сказал Вандербулев отец. — Сказка такая есть. Может, слышала?.. В одном сказочном царстве жили люди, на нас похожие. Отличались они от нас только тем, что, например, уходя в баню, могли оставить дома свою совесть. Конечно, зачем носить совесть в баню? Если она чистая, ее мыть не нужно. Если запятнанная, то мылом и мочалкой эти пятна никак не выведешь. Они могли оставлять дома свой ум или красоту в зависимости от того, куда шли. Некоторые любили забывать дома честность и чувство долга.

В этом сказочном царстве проживал один человек. Так получилось, что он еще в детстве сумел скопить себе все самое лучшее. У него была самая лихая смелость, самая что ни на есть чистая совесть, самая светлая красота, самый глубокий ум. Человек очень дорожил своими достоинствами, берег их в кованом сундуке и лишь иногда доставал для просушки. Тогда он любовался ими и сердце у него сжималось от счастья.

— Все у меня есть, — говорил он в такие минуты. — Все самое лучшее.

Иногда к нему приходили люди. Просили:

— Помоги нам разобраться в споре, у тебя самая чистая совесть.

И человек отвечал:

— Не могу. Совесть у меня самая чистая, а вдруг я неверно решу ваш спор, тогда на моей совести появится пятнышко. Тогда она не будет самая чистая.

В другой раз приходили люди, в другой раз просили:

— Враг у ворот. У тебя самая лихая смелость, самая могучая сила, помоги одолеть врага.

И человек отвечал:

— Не могу. Вдруг случайным копьём поцарапают мою самую лихую смелость. Вдруг я устану и силы мои поубавятся.

Приходила к нему девушка, говорила:

— У тебя самая светлая красота. Я тебя люблю. И ты меня люби.

И человек отвечал:

— Не могу. От любви красота старится.

И люди перестали к нему ходить. Не видя людей, человек ослеп. И в сундуке со временем завелись мыши.

Вандербулева мама все глядела на пятно, оставленное сигаретой. Сказку она, наверно, не слушала, потому что сказала:

— А? Ты о чем говорил?

— Да так, — ответил Вандербулев отец. — Не имеет значения. Ты успокойся...

Ночь черная, плотная. Темень льется на город бесконечными каплями. Вокруг фонарей кипят желтые шары, тьма вокруг фонарей зеленая, а дальше, за домами — густо-фиолетовая, как высохшие в банке чернила.

Вандербуль подошел к воротам морского порта. Взирались ввысь красные лампочки. Они висели на подъемных кранах, далеко предостерегая идущие в ночи самолеты. В море качались, пересекались расплывчатые силуэты, одни темнее, другие чуть посветлее ночи. Мерцали неяркие блики. Вандербулю показалось на миг, что весь порт забит ржавыми грузовыми пароходами, греческими фелюгами, рыболовными шхунами, тральщиками и белотрубными океанскими лайнерами. И все эти корабли прислушиваются к скрипу сходен. Ждут. Потому что давно, они уже позабыли когда, в их трюмах сидели голодные тихие зайцы.

Дождь мочил волосы, падал за шиворот, стекал по спине к пояснице.

Вандербуль открыл дверь вахты и сразу с порога сказал:

— Згуриди Захар с острова.

Вахтер посмотрел списки, потом пристально глянул на Вандербуля.

— Ты вроде потолще был.

Вандербуль поднял обожженную руку.

— Когда вам легковухой отдавят — и вы похудеете.

— Как же тебя угораздило?

— Поскользнулся.

Вахтер покачал головой и уткнулся в газету.

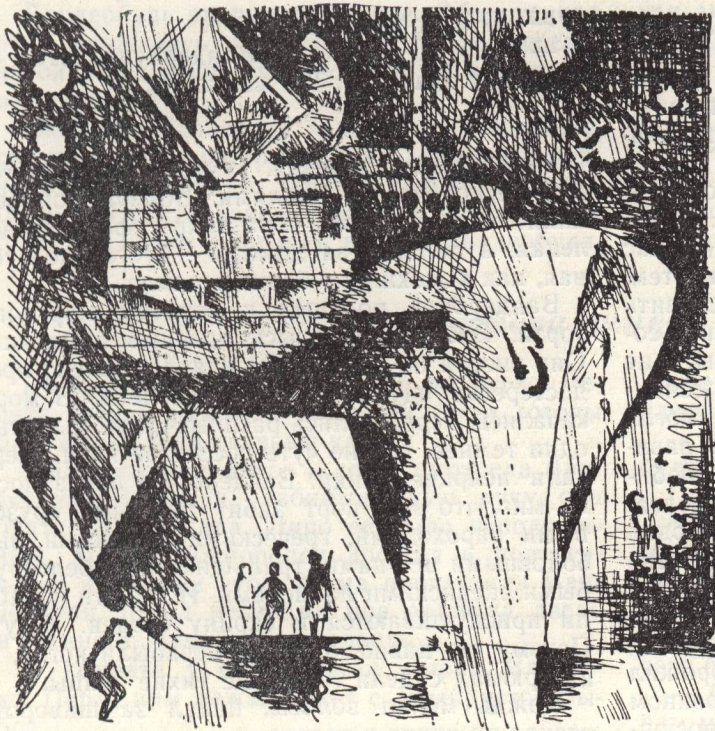
Ветер шел с моря, качал фонари, прикрытые коническими отражателями. По бетону, позванивая, летела серебристая обертка от шоколада.

За морским каналом на острове был завод. На острове жили рабочие. На острове спал сейчас Згуриди Захар — одноклассник.

За большим пакгаузом темнота уплотнялась, становилась черным корпусом океанского корабля. Огней на борту почти не было.

У трапа ходил пограничник.

Вандербуль спрятался под навесом за бумажными мешками. Где-то под ложечкой сосала тоска, неуютность и чувство бесконечного одиночества. Вандербуль следил за пограничником, грудью наваясь на мешки. Здоровой рукой он нащупал в мешке бананы. Бананы привозят зелеными. Вандербуль с трудом отломил один, надкусил, не очистив, и выплюнул.

Мякоть у банана была твердая, вкусом напоминала сырую картошку, вязала рот.

Когда виноватый задумывает себя оправдать, то первым делом ему кажется, будто его не понимает никто. Что вокруг только черствые равнодушные люди. И от этого он станет себя жалеть, а из жалости есть один выход — возвыситься.

— Я докажу, — бормотал Вандербуль. — Я таких там дел понаделаю. Вы еще обо мне услышите... — Он еще не знал, где это там, но был твердо уверен, что отыщет то самое место на земле, где сейчас до зарезу необходим Вандербуль. Где без него дело не двигается, где без него царит уныние и растерянность. Где уже покачнулась вера в победу.

Он придет. Он поднимет флаг.

— Вы еще пожалеете... — бормотал Вандербуль.

Он сидел долго. Наверно, вздремнул.

К пограничнику подошли матросы. Они смеялись, говорили, картавя:

— Карашау.

Пограничник стал смотреть их моряцкие документы. В этот момент Вандербуль переполз пирс и повис на локтях под трапом.

Матросы смеялись, пританцовывали, шаркали остроносими туфлями. Смех замер где-то вверху, в хлопанье дверей, в затихающей дробе шагов.

Между пирсом и кораблем, словно пойманные в западню, бились волны. Брызги, смешиваясь с дождем, долетали до Вандербуля.

Пограничник повернулся к трапу спиной, втянул голову в ворот шинели. Вандербуль здоровой рукой взялся за трап. И полез, неслышно переступая с плиты на плиту. Он надолго повисал над узкой полоской воды, зажатой между пирсом и черным корпусом корабля. Волны схлестывались друг с другом, жадно ловя отсветы бортовых огней. С трапа стекала вода. Одежда насквозь промокла.

Вандербуль лез выше и выше. Правая рука занемела, левая, больная, ныла. Боль отдавалась в плече. Вандербуль запрокидывал голову, слизывал дождевые капли с верхней губы, капли были соленые. Почти у самого борта Вандербуль перебрался на трап и на четвереньках вполз на палубу.

Вахтенного на палубе не было, это Вандербуль заметил, когда лезжал под навесом. Капитан, возможно, рассудил, что пограничник у трапа — охрана более надежная, чем десять вахтенных.

Вандербуль не знал, куда спрятаться. Метнулся к шлюпкам. Брезент. Брезент покрывал шлюпки. Его не поднять. Брезент принайтован. Вандербуль достал ножик, перерезал петлю. Залез в шлюпку. Прямо на банках лежали весла. Вандербуль протиснулся между ними. Закрыв глаза. Он устал. Он свернулся в клубок. Он хотел спать и хотел, чтобы его не будили.

Он еще не отдохнул достаточно, чтобы снова воспринимать действительность. Он чувствовал сквозь сон мягкие толчки, но не хотел просыпаться. Он заставлял себя спать и спал. И снова чувствовал, как падает и вздымается, будто летит. Во сне он вспомнил маленькую девочку из своего дома, которая рассказывала ему, что уже научилась приземляться. Раньше она летала во сне и всегда падала, а теперь она научилась приземляться, как птицы. Для этого нужно было очень быстро махать руками, и тогда спускаешься хоть на ветку или куда захочешь. И стоишь, словно висишь в воздухе, не сминая травы, не ощущая твердости и тяжести земли под ногами.

Вандербуль улыбнулся во сне, и когда почувствовал падение, быстро замахал руками. Горячая боль резанула ему по закрытым глазам, Вандербуль сел, прижал больную руку к груди. И открыл глаза.

Он увидел море вокруг, серое и пустынное. Белые корабельные надстройки. Ощутил ход корабля.

Возле шлюпки стояли матросы. Несколько человек. Они глядели на него, как смотрят в зоопарке на зверьков, которых знали всегда, но увидели в первый раз.

— Бон жур, Магеллан, — вежливо сказал один из матросов.

Вандербуль втянул голову в плечи. Глянул исподлобья на горизонт, может быть, там осталась его земля?.. Может быть, с другой стороны? Он посмотрел в другую сторону.

Матросы засмеялись, закивали головами.

Вандербуль опустил голову, уставился на свою обмотанную бинтом руку. Ветер шлепал его по щекам мокрой ладонью.

«Хоть бы дождик пошел, — подумал вдруг Вандербуль, — тогда можно было бы зареветь». Он знал одиночество после обид, это было трудное одиночество. Но сейчас все отступило, как отступает лес, заполненный голосами, когда выйдешь в поле. Сейчас было вокруг так пусто, словно сердце перестало биться и глаза перестали видеть.

На берегу

Офицер-пограничник Игорь Васильевич вылез из такси и легко, по-командирски поприветствовал Людмилу Тарасовну.

Вандербуль сонно вывалился за ним следом.

Утро. Облака над городом бело-розовые, как зефир.

Людмила Тарасовна сидела под своим окном на перевернутом ящике. Она увидела Вандербуля, вскочила и, оступившись, прислонилась к стене.

— Знаете его? — спросил пограничник.

— Еще бы.

— Ну, Магеллан, прибыли. Неохота мне с твоей мамой встречаться. Ох, представляю. Но ничего не поделаешь — пойдем.

Людмила Тарасовна остановила пограничника за руку.

— Откуда вы его? — спросила она.

— Из Калининграда, оказией.

Людмила Тарасовна заторопилась.

— Вы его мне отдайте. Я его сама отведу. Я здешний дворник. Могу под расписку. Их нету. Они рано уходят на работу.

Пограничник насупил, вынул из планшета письмо, адресованное начальником погранотряда отцу нарушителя.

— Хорошо, — сказал он. — Я днем наведаюсь... — Он вздохнул и пробормотал: — Письмо приказано вручить лично. Приветствую вас. До свидания. — Он еще раз отдал честь Людмиле Тарасовне, сел в такси и только оттуда, опустив стекло, помахал Вандербулю: — Смотри, без эксцессов. У меня есть секретный приказ, если что...

Вандербуль улыбнулся грустно. Он знал, что Игорь Васильевич получил отпуск за хорошую пограничную службу и очень спешит к своей невесте Тамаре.

— До свидания, Магеллан! — крикнул Игорь Васильевич.

В глазах у Людмилы Тарасовны сгушалась тень. Она взяла Вандербуля за руку и медленно, зная, что он не посмеет сопротивляться, повела к себе.

Квартирка у Людмилы Тарасовны маленькая, почти пустая. Вместо украшений одна чистота. Такая просторная чистота.

Людмила Тарасовна поставила Вандербуля к стене. В глазах у нее что-то взорвалось. Она залепила Вандербулю щеку. Крикнула:

— Плачь!

— Что вы, Людмила Тарасовна, — сказал Вандербуль.

— Плачь, говорю! — она бросилась к шкафу. Она рылась в нем, швыряя прямо на пол простыни, наволочки и полотенца.

— У матки нервные слезы не прекращаются, отец похудел, высох, а он целую неделю по морям плавает. А ему хоть бы что! Плачь, тебе сказано!

Наконец она нашла матросский ремень с потемневшей от времени пряжкой.

Людмила Тарасовна раскрутила ремень над головой и вдруг, отшвырнув его к паровой батарее, опустилась на пол.

Она сидела посреди разбросанной одежды и всхлипывала.

— Что с вами делать? — бормотала она. — Мерзавцы. Мучители. — Она подняла на Вандербуля заплаканные глаза. — Этот-то, твой дружок, Генька, с третьего этажа спрыгнул.

— Что с ним? — прошептал Вандербуль. Внутри у него все напряглось. Он бросился к двери. — Где? В какой больнице?

Людмила Тарасовна вытерла глаза углом накрахмаленной скатерти.

— Ничего с ним не сделалось. Даже колени не поцарапал. Парашютист негодный. Паршивец. И еще хохочет. И еще рад чему-то... А ты чего радуешься? — крикнула она Вандербулю.

Вандербуль сел на пол рядом с Людмилой Тарасовной. Ему захотелось утешить ее. Но он не знал чем и, наверно, поэтому сказал самую нелепую и самую вечную фразу на свете:

— Извините, мы больше не будем.

На перекрестке регулировщик-милиционер махал палочкой. Он казался себе дирижером. Но на улице нет дирижеров. Улица живет сама по себе. Улица учит сосредоточенного человека раздумью, как морские волны, как лес, как река с обрывистыми берегами. Она и похожа на реку. Фарватер ее обозначен вывесками. Вывески, безусловно, красивые, и, конечно, созданы для удобства: «Гипробум», «Роскооптехснаб», «Кожгалантерея». Булочную и без вывески видно.

Вандербуль ходил по улицам уже много часов. Людмила Тарасовна отпустила его под честное слово. На Театральной площади Вандербуль столкнулся с двумя моряками. У них были широкие нашивки на рукавах и широкие полосы орденских лент. Вандербуль долго глядел, как они, разговаривая, садились в автобус.

...Капитан канадского парохода сказал, сдав его пограничникам:

— Когда убегайт такое мальчишка, это значит, что в нем вырастайт храбрый мужчина. Попишите это папан, чтобы он не порол его очень.

Командир погранотряда, полковник, долго разговаривал с Вандербулем. Вандербуль боялся таких слов, как измена, предательство, но полковник расспрашивал его об отметках и всяческих пустяках. Потом он сказал:

— О родителях ты не подумал, конечно.

Вандербуль опустил голову. Обожженную руку он сунул между колен. Кровь в руке билась толчками, она словно продолжала счет, начатый Люциндрой на кухне. Только счет был сейчас очень медленный, и другая боль, посильнее ожога, росла в Вандербуле от этого счета.

Вандербуль опять подошел к своему дому. Он знал на нем каждую выбоину, каждую надпись в парадных.

Из подворотни выбежала Люциндра. Вандербуль вздрогнул, спрятался за дерево. Чулки у Люциндры один длиннее, другой короче. Новые туфли велики — задники шлепают.

Люциндра постояла возле парадной и убежала обратно.

Вандербулю хотелось догнать ее, но он не сдвинулся с места.

Из проулка вышла старушка в черном пальто с побелевшими от древности швами. Она мелко шагала за лохматым терьером. Пес хрипло и часто дышал. Останавливался, скорбно смотрел на разевшихся голубей. Это был пес-астматик, старый неумирающий пес. Вандербуль когда-то боялся его.

— Дышишь еще, — обрадованно сказал Вандербуль.

Пес кнул ему в ноги и, жалуясь, задрожал.

— Он уже плохо видит, — сказала старушка. — Он добрый.

В воздухе стоял слабый запах травы. Бензиновая гарь не смешивалась с этим запахом, как жир не смешивается с чистой водой.

Вандербуль знал: мама сегодня не уснет всю ночь. Она будет ходить, поправлять на нем одеяло. А отец скажет ей:

— Ну успокойся... ну все в порядке...

Вандербулю стало тоскливо от этих мыслей — невозможно терпеть.

Кто-то тронул его за рукав. Вандербуль поднял глаза. Перед ним стояли Люциндра и Генька.

— Хорошо, что мы тебя встретили первые, — сказал Генька.

Они потащили его от подворотни, пролезли сквозь дыру в заборе и, ничего не объясняя, затолкали в чужую парадную.

На площадке третьего этажа они подвели Вандербуля к окну.

На улице среди редких прохожих ходила мама. Она ходила взад и вперед.

— Говорят, матери на расстоянии чувствуют все, что творится с их детьми, — сказала Люциндра.

— Она уже неделю так ходит, — сказал Генька.

Во рту у Вандербуля стало сухо и жарко. Он смотрел на мать, похудевшую за эти дни.

Во дворе кричала маленькая девочка тонким печальным голосом:

— Мама!

И снова кричала, задрав голову к нему окну:

— Мамуся!

Вандербуль побежал вниз по лестнице, слыша все время крик девочки:

— Мама!.. Мамуся!..

КОНТРШПИОН

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

М. Хейфец

Гравюры А. Овсянникова

Все это было на самом деле. Петербург, конец 70-х годов XIX века. Горсточка героев-подпольщиков вступила в борьбу с самодержавием. III отделению (тайной полиции царя) удалось разгромить центр подполья. Но борьба продолжалась...

* * *

Они незаметно проскользнули в темную парадную.

Первый припал ухом к замочной скважине. Второй поглядел в узкое лестничное окошко, шепнул:

— На хвосте никого.

Тогда первый вытянул руку и зацепил на дверной ручке обрывок красной нитки. На ней прощупывались три мелких узелка...

Если Катюшу неожиданно увели, она оборвала бы эти узелки. Но они целы. Можно звонить.

— Кто?

Это она, Катюша.

— Я. «Дворник», — негромко сказал гость. — Со мною — «Поэт».

Их сразу впустили.

Войдя в переднюю, человек, назвавший себя «Дворником», легко сбросил с плеч шубу с пелериной и аккуратно снял с головы высокий цилиндр. Подстриженная клинышком борода и франтоватые шелковистые усики придавали купеческий вид его широкой круглой физиономии.

Его спутник — тонкий, гибкий молодой человек с черными глазами на мертвенно-бледном лице — казался загадочным и странным. Из карманов и складок его темного костюма высовывалось оружие; за пристрастие к тяжелым кинжалам и громадным пистолетам друзья недаром дразнили его «арсеналом»...

— Кто у тебя сегодня? — строго спросил Катю «Дворник». — Почему вызов?

— Кассир из Симферополя. Ищет встречи. Рекомендации от южан. В делах пока не бывал.

— Ага!..

«Дворник» решительно направился в Катину комнату.

«Поэт» сунул руку в карман, привычно щелкнул курком и медленно двинулся за товарищем.

Девушка осталась в передней.

В уютной комнатке сидел у окна с «Вестником Европы» в руках маленький, сухощавый, очкастый брюнет в чиновничьем вицмундире. Скрипнула дверь. «Вестник Европы» торопливо отброшен на подоконник, близорукие глаза из-под толстых линз внимательно уставились на вошедших.

— Иван Петрович, — поклонился «Дворник».

— Николай Александрович, — кивнул «Поэт».

— Николай Васильевич Клеточников, — представился близорукий брюнет и, чтобы не было недоразумений, добавил: — Это моя настоящая фамилия.

— Прошу, Иван Петрович, — голос Клеточникова звучал мерно и спокойно, — прошу дозволения совершить опасное дело.

«Дворник» и «Поэт» переглянулись.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УСТРОИЛСЯ

Игра «по маленькой» тянулась каждый вечер. Хозяйка меблированных комнат

(«угол Невского и Надеждинской, дешево, удобно, предпочитают студентов»), вдова полковника Анна Кутузо-

ва нашла достойного партнера в карты: неразговорчивый и невзрачный коллежский регистратор допущен

Печатается с сокращениями.

был на хозяйскую половину на правах «друга дома».

Многое определило выбор «мадам» (так прозвали Кутузову люди близкие): ей нравились гаванские сигары и французские вина постоляльца, любовь его к карточным играм, а главное — редкостное умение слушать. «Мадам» уже устала от обычных жильцов — говорливой, голоштанной студенческой публики...

Карточные поединки слегка утешали Кутузову после дневных неприятностей: повадилась, вишь, к ней последнее время полиция с облавами, и почти никто из молодых постоляльцев не доживал на квартире до весны — аресты, тюрьмы, ссылки...

Осведомленность полиции казалась невероятной!

— По городу слухи ползут, — жаловалась Кутузова новому другу, — что у меня на квартире провокатор живет. Прямо с ума схожу — кто?! Больно мне! Больно и обидно...

Чиновник кивал: еще бы не больно, экая напасть — провокатор!

Нельзя сказать, чтоб новые друзья обходились без ссор: характер у мадам был склочный. Но после каждой ссоры кавалер проигрывал стареющей даме полтинник, и дружба возобновлялась.

О себе чиновник говорил ей мало, только жаловался на невезенье: приехал, мол, в столицу службу искать, а ничего не получается. Придется возвращаться не солоно хлебавши.

Кутузова глядела на него с жалостью. Порой надолго задумывалась.

— Может быть... может быть, смогу вам помочь...

— Благодарю, милый друг, за внимание. Но что вы можете сделать! Тут нужны большие люди, большие

связи, а где они у вас? Стриженные девки-курсистки, с которыми противно разговаривать? Как вы их выносите — такая разумная женщина!

Он сразу извинялся за взвинченный тон («нервы, нервы!»), но мадам не обижалась: горячность жильца забавляла ее.

И вот однажды ему особенно не повезло — заиграл по-крупному и проиграл десять рублей: для небогатого человека — целое состояние.

— Конец, — вздохнул он, поднимаясь из-за стола. — Конец! В Петербурге мне нет дороги. Играть с такой умницей (мадам расцвела), с

таким ловкачом, с таким удачником, как вы, — это удовольствие не для моего кармана. Разрешите рассчитаться, простите и не поминайте лихом. Уезжаю завтра.

И вот тут мадам, наконец, решилась.

— Видите ли... есть у меня племянник... Ждет он от меня наследства... Человек видный, сможет принять на службу всякого, кого я захочу...

— Куда на службу? — безработный регистратор не смел поверить своему внезапно свалившемуся счастью.

Мадам немного помялась.

— Служба неважная... Даже предлагать стыдно. Но выхода не вижу. Племянник работает в третьем отделении, — и она стыдливо опустила глаза к полу.

Как привередливы бывают люди! Только что этот мелкий чинуша готовился на край света за местом бежать, а тут вдруг стал ворчать:

— Очень уж хлопотно... Подумать надо.

И на следующий день — с утра пораньше — побежал в последний раз испытать счастье на стороне. Обошел несколько канцелярий, нигде ничего не нашел, подумал-подумал — и решился.

Встреча коллежского регистратора с племянником Кутузовой состоялась в тот же вечер.

А наутро в секретную «Книгу сотрудников» III-го отделения внесли фамилию нового штатного шпиона:

«Коллежский регистратор Клеточников Николай Васильевич, — аккуратно выводил строчки помощник делопроизводителя канцелярий Праскухин, — прибыл из Симферополя. Рекомендован агентом «мадам». Лично проверен его превосходительством господином действительным статским советником Кирилловым».

Знаменитый начальник секретной агентуры господин Кириллов — он и оказался племянником «доброй женщины», мадам Кутузовой!

Целый месяц руководитель агентуры Кириллов обучал Клеточникова ремеслу шпиона и, наконец, пустил его по следу «Земли и воли» — главной революционной организации. «Шпион» регулярно доставлял шефу «доносы» (составленные самими подпольщиками) и до поры до времени работал в агентуре. Но...

БЕЗДАРНЫЙ ШПИОН

...В тот незабываемый день Клеточников, прогулявшись по Невскому, незаметно юркнул в парадную трехэтажного дома на углу Фонтанки и поднялся по лестнице на самый верх. Здесь находился тупик с единственной дверью. Позвонив туда, он показал открывшему ее человеку записку с вызовом и немедленно был допущен пред очи начальства.

Кириллов без радости посмотрел на своего ретивого шписна, без восторга проглядел очередной номер подпольной газеты (стараниями Клеточникова в III отделении был уже почти полный комплект нелегалщины) и без внимания прочитал донос.

— В вашей информации, — вдруг отрубил он съжившемуся и обмякшему агенту, — нет главного. В ней нет божьей искры! Вы, Клеточников, бесперспективны как агент!

Нелепо хихикнув, Клеточников стал объясняться.

— Но, в-ваше превосходительство, как я могу быть полезен при своей близорукости?

На это ответить было трудно: Кириллов сам принял его в шпионы, не посмотрев на профессиональную непригодность. Близорукий разведчик — опереточная фигура, курам на смех! Но что было делать с тетушкой? Пристала, как банный лист.

— Этого человека вы знаете? — прозвучало, как выстрел.

С фотографии, зажатой в мягких, волосатых пальцах Кириллова, глядел на Клеточникова своими умными глазами «Иван Петрович», он же «Дворник».

— Никогда его не встречали?

— Не знаю.

— А жаль! Мы бы вас сразу повысили, сразу, — шеф усмехается. — Запомните навсегда, — и вот фотография приблизилась к самому лицу. — Встретите — задержите любым способом. Это — Александр Михайлов, он же «Катон-цензор», главарь подпольного мира, учредитель «Земли и воли», наш самый опасный противник. Хуже его сейчас нет в революции никого: умен, дьявол, и исключительно энергичен!

«По-дружески» шеф напомнил агенту события последних лет. На Полтавщине вожаки Исполнительного Комитета подняли бунт десяти тысяч мужиков; в Одессе устроили подкол под императорский поезд. На Украине часто раздавались выстрелы и падали сраженные пулями жандармы и прокуроры. А в Петербурге до сих пор было тише, чем на юге;

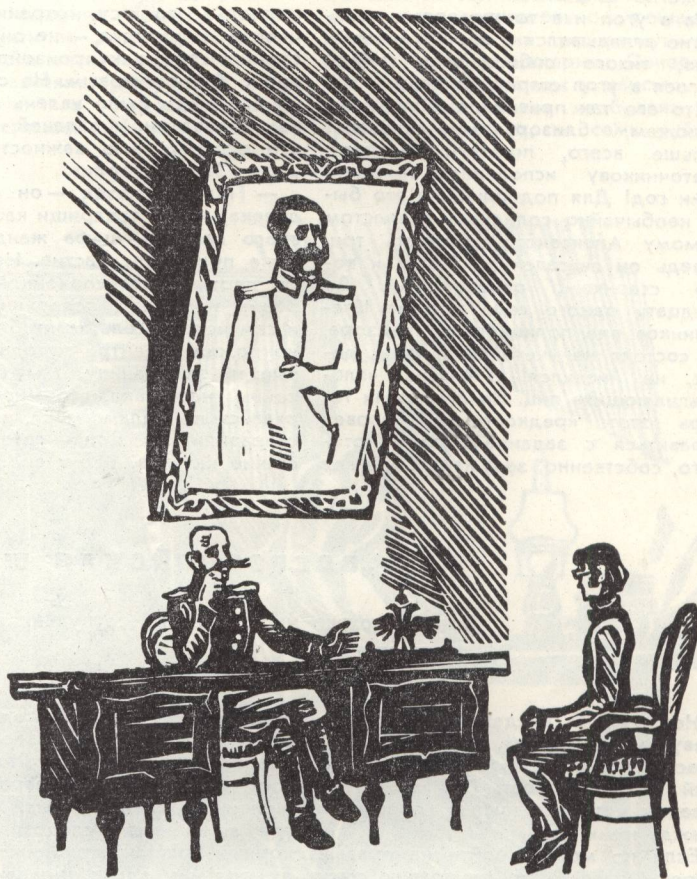
но два года назад на Невском проспекте подняли красное знамя, потом стреляли в полицмейстера Трепова, наконец, закололи на площади самого шефа жандармов...

— Теперь появились у нас подозрения, что Исполнительный Комитет «Земли и воли» перенес действия с юга в столицу. Значит, здесь решаются судьбы империи и жизнь государства! Осознали вы это?

— Раз осознали, сделайте вывод сами: могут ли я в такой обстановке держать вас, бездарного, шпионом? (... «Вот к чему вел дело...»)

— Не тебе, дорогуша, следить за «Дворником» или за Николаем Морозовым. Есть у них такой герой, прозывается «Поэтом», — поясняет начальник и фотографию «Дворника» прячет в ящик стола.

— Иди, иди домой, милейший.

Волосатый палец Кириллова уставился в Клеточникова, как пистолет.

— Осознал.

Начальнику понравился виноватый взгляд и виноватый тон шлика. Но разговор надо довести до конца!

А я обещаю о тебе подумать. Хорошо?

Когда через пять минут Клеточников покинул тайную квартиру, за ним незаметно отправился агент проверочного наблюдения.

ГЛАВНОЕ ЗАДАНИЕ

Александр Михайлов, «Дворник», вел огромную работу. Он собирал денежные пожертвования, покупал для «Земли и воли» оружие, помогал тайной типографии, направлял работу деревенских агитаторов и нелегальных рабочих кружков. Он организовывал побеги из тюрем, шифровал партийную переписку. Но среди всех забот беспокоило его одно, чрезвычайно важное дело...

* * *

Они встретились на абсолютно надежной явке. Александр по привычке легко вышагивал по комнате из угла в угол и в то же время незаметно вглядывался в своего маленького, тихого собеседника, забывшегося в угол старого дивана.

Что его так привлекло в этом неуклюжем, близоруком человеке? Больше всего, пожалуй, возраст: Клеточникову исполнился тридцать один год! Для подпольщика это было необычайно солидным возрастом (самому Александру двадцать три, а ведь он считался в «Земле и воле» стариком, основателем). До тридцати одного года прожил Клеточников вне полицейского надзора, не состоял на учете ни в каких делах, не числился в списках «злумышляющих» лиц. Но сумеет ли теперь этот «редкостный» человек справиться с заданием, ради которого, собственно, задумана была вся

операция с внедрением его в полицию?

Александр Михайлов — «Дворник» подполья, то есть охранитель его чистоты и порядка, — не очень представлял себе, как произойдет разговор с Клеточниковым. Но обязательно ему надо было увлечь разведчика поставленной задачей, заставить его осознать всю важность ее для дела «Земли и воли».

— Полгода назад, — он начал издали, — мои товарищи казнили главного палача — шефа жандармов. Я тоже принимал участие. Нас искали. Но партия была спокойной: конспирация надежная, товарищи верные, и сам исполнитель казни благополучно пожил в центре города, а потом выехал за границу. Мы были спокойны настолько, что многие разъехались по делам: меня, к примеру, отправили на Дон, — готовить восстание казаков. Вдруг в Ростове по-

лучая телеграмму: центр партии провалился, лучшие люди арестованы...

В первый раз видел Клеточников своего начальника таким взволнованным.

— Ваше главное задание, Николай Васильевич, — продолжал Михайлов, — будет связано с этим непонятным провалом.

Кто выдал вождя нашей партии? Кто угрожает жизни организации?

Михайлов понизил голос.

— Я сам тогда чуть не попался по возвращении и мною: все выглядело подозрительно — меня ждали. Но кто выдал?! Ведь в организации нас немного и все свои, проверенные в работе на первый год. Не могу понять! Задание понятно, Николай Васильевич?

— Понятно, — тихо ответил разведчик.

„ВСЕРОССИЙСКАЯ ШПИОННИЦА“

Уже несколько месяцев новый сотрудник являлся на службу в здание III отделения...

Недалеко от впадения Фонтанки в Неву, между Летним садом и Михайловским замком, построили каменный горбатый мост. По краям поставили четыре башенки, протянули между ними цепи.

Если по мосту пройти на правый берег Фонтанки, то по правую руку можно увидеть некрасивый светло-коричневый особняк. Лет через пятьдесят люди позабудут, что именно здесь, в помещении Ленинградского городского суда, некогда вершила и вязала судьбы миллионов людей чудовищная «шпионница» — III отделение.

Мало домов в старом Петербурге, с которыми молва связывала столько легенд, сколько с этим зданием. Го-

ворили, что при первом здешнем хождении, при «железном графе» Бенкендорфе в подвале III отделения соорудили особый аппарат для избивания подсудимых. Якобы, когда в кабинете следователя непокорный арестант приближался к столу, под ним вдруг проваливался пол и человек стремглав падал в колодец. Там его на лету подхватывали стальные защелки, а потом провинившегося секли, пока он дрожащей от боли и унижения рукой не подписывал предложенного.

Говорили, что при министре внутренних дел Александра Второго, при графе Тимашеве, возобновились эти механизированные порки. Впрочем, у привычных ко всему россиян леген-

дарная «механизация» вызывала не столько ужас, сколько юмористическое удивление: ну зачем для обычной порки разводить церемонии! По городу ходили ехидные нелегальные стишки:

*«У царя у нашего
все так политично!
Вот хоть у Тимашева —
выпорют отлично.
Всыпят в назидание
эдак розог со сто,
Будешь помнить здание
у Цепного моста!»*

На что, якобы, в Москве, испокон веку соперничавшей со столицей,

возразили обиженно граду Петрову, что

*«У царя у нашего
все так политично,
Что и без Тимашева
выпорют отлично,
И причём здесь здани?
у Цепного моста?
Выйдет приказание —
выпорют и просто.»*

Если потянуть на себя тяжелую резную дверь III отделения — для скольких людей она стала входом в тюрьму, на каторгу или на виселицу — то и теперь можно увидеть широкую беломраморную лестницу — светлую, легкую, как бы взмывающую кверху, окруженную античными кариатидами. Посередине она прерывается продолговатой площадкой, где круглые сутки некогда сидел дежурный чиновник, проверявший документы у посетителей. В III отделении обычно ставили на этот пост какого-нибудь молодого нагловатого субъекта с круглым, ясным и самоуверенным лицом истукана.

У «своих» этот дежурный удостоверения не спрашивал: в III отделении все знали всех. По российским масштабам в нем работало необычно мало чиновников — всего-навсего семьдесят человек. Зато каждый здесь был проверен, каждый знаком начальству до тонкостей. Измена никогда не могла проникнуть сюда, в главный оплот империи — в тайную политическую полицию. И даже мысль о такой измене никогда не возникала у ветеранов политического сыска.

... Вечер. В большом зале III отделения скрипят гусиные перья — это пятеро делопроизводителей заканчивают переписку дел. На их конторках и столах сложены высокие кипы бумаг, и головы чиновников зачастую не видны из-за этих груд. Первым кончает работу самый стремительный и самый старательный. Это новичок.

Новичок прямо-таки одержим работой. Старики, зубы, как говорится, проевшие на службе, и те удивляются беспредельному старанию помощника делопроизводителя. «Нашел себе Кириллов хорошего ослика, — ехидно сплетничают чиновники. — Тянет дела за шефа, дурачок! На деньги, что ли, рассчитывает?»

Но в общем, нового сослуживца здесь полюбили. У него всегда можно денег призанять, а главное — он очень «компанейский человек» во всем, что касается работы.

Вот, например, сейчас он обводит товарищей внимательным взглядом, и кто-то из них сразу зевает, якобы не в силах взяться за перо.

— Кончили?

— Черт бы все это взял — нет. Разве можно когда-нибудь кончить эти дела? Курить смертельно хочу, а тут надо торопиться, торопиться...

— Да вы идите, кончу за вас.

— Любите работать? — чиновник уже не в состоянии сдержать довольную ухмылку. — Тем лучше для меня и хуже для вас!

Бьют часы. Все расходятся, оставляя фанатика переписки в одиночестве. Кое-кто удивляется: как не жаль человеку портить здоровье ради сомнительной карьеры? Но никто этого не скажет вслух; иметь такого работающего карьериста у себя в учреждении и удобно, и выгодно.

В опустевшем особняке осталось двое — дежурный на площадке и новичок в секретариате. Поработав немного, чиновник встает и начинает бродить по залу, вдоль конторок и столов сослуживцев. Если сейчас сюда заглянет дежурный, он заметит ничего подозрительного: просто уставший от напряженного

Время от времени чиновник рискует залезать в шкафы. Там лежат самые интересные дела, стекающиеся сюда со всех концов России. Сколько их скопилось в этих папках за входящими номерами? Сотни, тысячи? То крупным и ровным, почти детским почерком, то какими-то невозможными каракулями, прерывистой волнистой линией с маленькими, будто случайными зигзагами вверх и вниз — тянутся и тянутся по нелинованным страницам строки доносов.

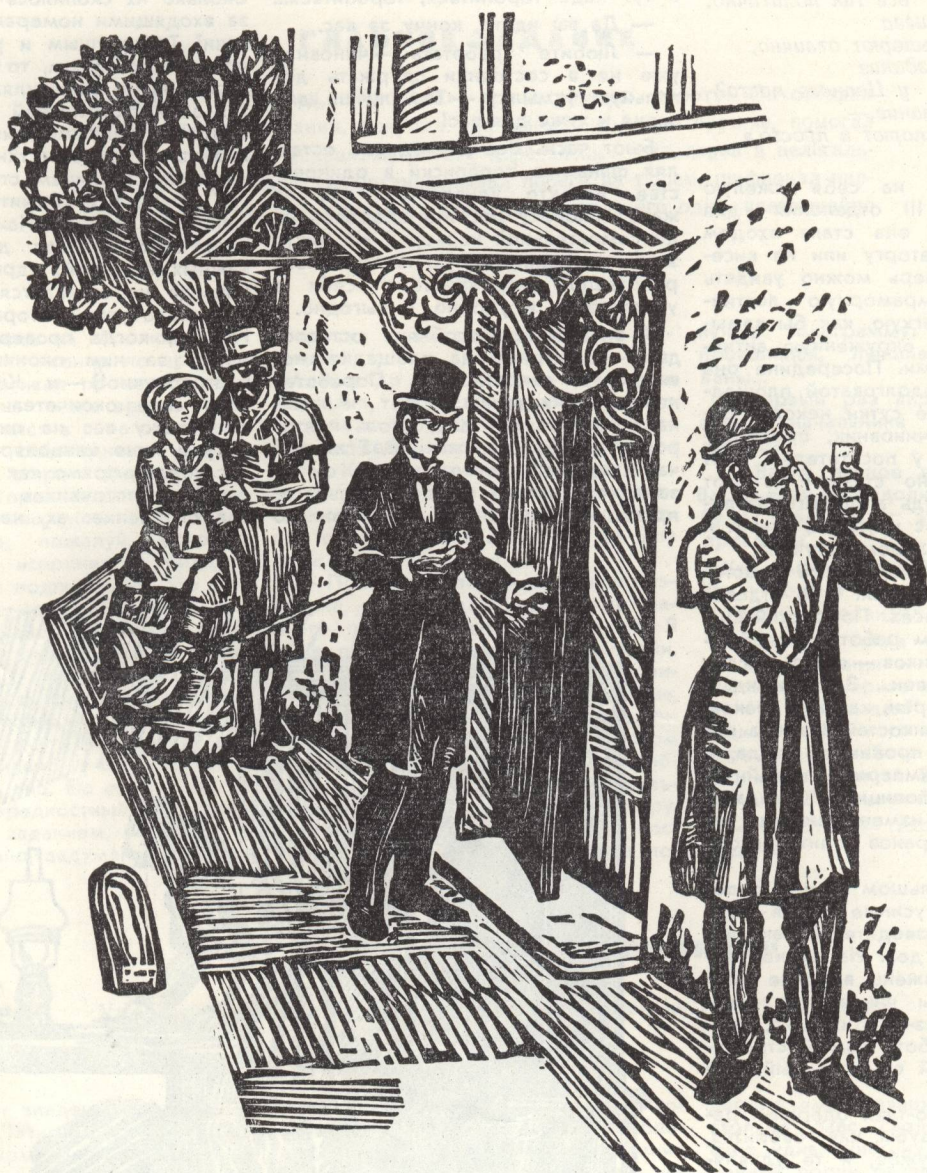
У новичка исключительная, феноменальная память. Наизусть запоминает этот человек десятки самых важных фамилий, адресов, цифр, и никогда не ошибается.

Прошло уже полтора месяца этого дня, когда проверочное наблюдение за ним окончилось (вполне благополучно!) — и Кириллов объявил свое окончательное решение: «Перевожу вас на письменную работу в мою канцелярию. Почерк у вас хорош, прямо как у царских писарей!» Клеточников изобразил тогда огорчение: ах, на семь рублей

труда помощник делопроизводителя прохаживается по пустой комнате и в рассеянности опирается на чужие столы и конторки, машинально листая оставленные на них бумаги. Думает он при этом о чем-то своем, беззвучно шевеля губами.

меньше получать — какое это горе для бедного чиновника! И пришлось теперь всячески показывать, как старается он на новом посту, как стремится загладить свой неудачный дебют в роли шпика. И, кажется, его старания заметили. Это хорошо.

Он надел черный визитный костюм, обул модные узконосые туфли, украсил голову элегантным французским котелком и укутал горло цветастым немецким кашне. В левой руке темно-зеленый из крокодиловой кожи портфель, правая цепко держит за серебряную львиную голову изящную бамбуковую тросточку. Сразу видно — идет по Петербургу солидный служащий солидного учреждения.

Вот и цель его путешествия — зеленатоватый домик на Васильевском острове. Здесь снимает отдельную квартиру из двух комнат его невеста. Дворник, отставной николаевский солдат, низко-низко ему кланяется: недавно прошел слухок, что Натальин жених... тс-с!.. оттуда... из дома на Фонтанке... На всякий случай все в доме осторожны и благонамеренны сверх меры.

А нет ли за самим «опасным че-

ловеком» какой-либо слежки? Похоже, что есть. Вон тот господин в пальто грязно-желтого, так называемого горохового цвета, из-под которого болтаются на худых коротких ногах брюки с ободранными штрипками, вон тот, с лицом печального дурака — разве не похож он на агента, известного в III отделении под презрительной кличкой «Мразь»?

Клеточников замечает его у само-

го входа в дом и презрительно усмехается: тоже ловкач, знаменитый Пинкертон! Повернувшись спиной, «Мразь» разглядывает в маленькое зеркальце соринку в глазу. Известна нам, дорогой, эта соринка!

Что ж, смотри, смотри за мной, «Мразь». Иметь невесту — это ведь не запрещено строгими правилами III отделения, это позволено. Интересно, почему вдруг?.. Новое проверочное наблюдение по указанию Кириллова? Или «Мразь» сам, от зависти к моим последним удачам у шефа, рассчитывает меня поймать на чем-то недозволенном?.. Нет, чепуха, скорей всего обыкновенная очередная проверка: III отделение подозрительно.

Он входит уверенно в дом, звонит. Дверь открывает Наташа, красавица, с высоким лбом, с чудными искрящимися глазами. Приятно на нее глядеть, приятно любоваться ею! Жених в нее действительно немного влюблен.

А субъект в гороховом пальто, озираясь, приближается к дворнику:

— Кто ходит в двенадцатую квартиру? Кроме господина Клеточникова?

— Кроме Натальино жениха? — Дворник рад по привычке поболтать с незнакомым человеком и оказать этим услугу великой державе Российской. — Почитай, никто. Братец к ней по воскресеньям заходит, вот и все. Кроме жениха и брата — никого не пускает, как монашка, отсиживается в келье. Известное дело, женишок приличный, к чему ж его знакомствами со всякой шантрапой отпугивать.

«Мрази» страшно хочется уйти скорее домой. Для очистки совести надо бы, конечно, подождать выхода братца и последить за ним тоже... но... сегодня воскресенье, сколько можно работать? И вообще, какая к черту может быть слежка в воскресенье! Да еще за своими!..

На следующий день после доклада «Мрази» действительный статский советник Кириллов убеждается окончательно, что его новый чиновник достоин всяческого доверия начальства.

АНОНИМКА В СОБСТВЕННЫХ РУКАХ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

— Здесь будущий шурин? — мрачно шутит Клеточников, вешая пальто на деревянные плечики.

Девушка покраснела. Но «братец» сам вышел в переднюю встретить дорогого «зятюшку».

— Что, детинушка, не весел, что головушку повесил? — смешно наморщив нос, затеребил он унылого, даже угрюмого гостя.

— Возненавидел я человечество.

— С чего это?

— Вы бы в моей шкуре побывали. Не могу, сил больше нет служить в этой государственной полойке!

Михайлов фыркнул, услышав, как тихий регистратор честит свое могучее и грозное учреждение. Но Клеточникову было вовсе не до смеху: с мрачным видом прошествовал он в Наташину комнату. «Дворник» по-

следовал за ним и плотно прикрыл дверь.

— Есть новости?

Новости оказались исключительными: Клеточников добрался до тайны ареста основателей «Земли и воли», до тайны осеннего провала.

Три дня тому назад Кириллов решил ему вечером одному поработать в архиве III отделения: надо было срочно подобрать кой-какие справки к докладу начальника. Неожиданно для себя разведчик наткнулся в архиве на тонкое «дело» — то самое, которое он безуспешно разыскивал уже больше месяца.

В папке лежала пачка аккуратно сложенных конвертов с анонимными письмами внутри. Глянцевитая бумага с золотым обрезом, аккурат-

ный чиновничий почерк. Вместо адреса на конвертах стояла одна и та же надпись: «В собственные руки его величества». Судя по пометкам на полях, анонимки дошли до адресата и были внимательно прочитаны.

— Опушены в почтовый ящик у ворот Зимнего! — догадался Михайлов. — В личный ящик императора.

Неизвестный доносчик в письмах указал не только адрес штаб-квартиры «Земли и воли», но и дал подробное описание примет землевольцев, посещавших эту квартиру. Довольно верно передавались также разговоры, которые революционеры вели там между собой.

Остальное для полиции было делом привычным и легким.

Но кто же он таков, анонимный предатель и доносчик?

Продолжение следует

ЕЛКА НА КРОНОЦКОМ

РАССКАЗ

А. Харитановский

Рисунки Ю. Шабанова

Над Кроноцким заливом уже неделю бушевала пурга. Циклон, перевалив через прибрежный хребет, ворвался в Богачевскую долину, обрушился на поселок геологов. Поселка, собственно, сейчас и не было: из-под снега торчало только два десятка дымящих труб.

Санька Полевой, белобрысый мальчонка лет четырех, выбежал из комнаты в коридор.

— Мама, долго еще?! На улицу хочу...

— Не ной, Саня, — ответила мать устало и вновь принялась откидывать лопатой гору снега от двери.

— Папа быстро бы откопал, — сказал Санька и, потоптавшись возле матери, спросил:

— А игрушек он много привезет?

— Наверно, много.

— Я еще и свои отдам — самосвал и ружье.

— Что ты, они не годятся — елку поломают.

— А елка как береза?

— Нет, елка и есть елка. Зеленая, высокая... И на ней подарки будут. Дед Мороз принесет.

— Дед Мороз?! — настороженно переспросил Санька.

С дедом Морозом Санька уже встречался. Неделю назад, вместе с другими ребятами, он играл на улице.

— Смотрите, Дед Мороз! — крикнул кто-то.

По дороге на лыжах шел человек в белом полушубке. За плечами висела котомка, в руках палка. Брови, усы, борода — все белое.

— Дед Мороз! Дед Мороз! — закричали ребята постарше и припустили навстречу.

Остальные сгруппировались и выжидающе молчали. А самый маленький, Санька Полевой, перепугался. Он заревел во все горло и побежал к своему дому.

Дед Мороз оказался буровым мастером Михаилом Павловичем Сомовым, который возвращался с вахты в поселок.

«Неладно у нас с детишками, — горько подумал старый мастер. — Кто добрей сказочного Деда Мороза?.. А поди ты, они его, как черт ладана, боятся».

Войдя в контору, Сомов сразу же с порога заявил:

— Обязательно елку детям! — и рассказал о своей встрече с ребятами.

— Уж какая на Камчатке елка... — отозвались геологи. — И до Нового года считанные дни остались.

— Как какая?! — загорячился Михаил Павлович. — Мы на Чукотке из голых палок да крашеной бумаги устраивали. А тут все-таки сланик растет. Только об игрушках надо хлопотать и подарки бы — яблок, конфет по лучше...

Связались по радио с Петропавловском, с геологическим управлением. Оттуда пообещали направить вертолет. Но к вечеру повалил тяжелый липкий снег. Ночью поднялся ветер. Пурга сбила все планы. О вертолете не приходилось и думать.

— Что если рыбаков попросить? Из соседнего колхоза. Они же часто в Кроноцкий залив заходят, — не сдавался Михаил Павлович.

— Кто-кто, а рыбаки цену радостям знают...

И снова в эфир полетели точки-тире: «...Присим доставить на Кроноцкий новогодние игрушки...»

На третьи сутки пришла долгожданная радиограмма: «Все необходимое для детского утренника отгрузили на вашу береговую базу. Желаем ребятишкам веселья. Колхоз Жупаново».

На берег за игрушками отправился лучший тракторист экспедиции Владимир Полевой.

...Вот почему Саньке и его матери не спалось по ночам. На дворе куролесила непогода — била в окна, скрипуче шагала по крыше, повизгивала в трубе, а им чудился то гул трактора, то знакомый стук в дверь.

* * *

До базы Полевой добрался за день. А обратно хуже — ветер сделался штормовым. Выезд запретили.

— Пойми ты, сухая душа, — спорил тракторист с начальником береговой базы. — Ведь завтра Новый год. Ребятишки ждут.

— А заблудишься? Шестьдесят километров...

— Да сто раз езжено... Хочешь, расписку дам?

— Какую еще расписку, — досадливо махнул рукой начальник. — Ладно, отправляйся. Поаккуратней, смотри.

Полевой приоткрыл дверь домика. В тот же

миг она с шумом вырвалась из рук. Налетевший вихрь завертел тракториста, облепил снегом, заставил согнуться.

— Ах, чтоб тебя! — выругался Полевой.

Сквозь вой пурги доносились равномерные удары океанского прибоя.

Придерживая рукой полы грубого парусинового плаща, надетого поверх полушубка, Полевой подошел к трактору, взобрался в кабину.

Взревел дизель, и машина, за которой на тропе тянулись сани, тронулась.

В ярком свете фар показалась грива прибоя. Потом луч воткнулся в крутой берег и снова повернулся к воде, где блестела, словно покрытая лаком, влажная песчаная отмель. Прибойная полоса! Другой дороги нет.

...Гусеницы, похрустывая, жевали смерзшийся песок, вздрагивали и брнчали, натываясь на колдобины. Соленые ледяные брызги обдавали машину.

Начало светать. На минуту открылся острый конус Кроноцкого вулкана.

Владимир пристально вглядывался в берег: где-то близко поворот.

...Дан газ — трактор рванулся вверх по склону. Но разгон не удался. Машина, зарывшись в снег, пошла юзом.

«Слева обрыв. Осторожно, осторожно».

И вдруг сани перекозились, а затем медленно начали съезжать вниз. Полевой резко перевел рычаги.

Трактор не слушался, полз и полз вниз. Океан ворочался рядом — темный и тяжелый. Шел прилив. Колеблющаяся полоса наплывала, проступая сквозь завесу пурги.

Донесся гул прибоя.

«Значит, вода уже у скал. Через полчаса будет тут!.. Неужели сбился, не там повернул? Где-то должна быть вешка — железная бочка».

Полевой вылез из кабинки и, прикрывая лицо от секущего ветра, побрел по косовету. Сделает шаг — и провалится в сугроб по пояс. Вылезет и снова шагнет.

Неожиданно он ударился коленом о что-то твердое. Нагнулся — рука ощутила металл.

«Вот ты, милая, где!» — Полевой успокоился: едет правильно.

...Чем дальше от берега, тем холодней.

Тракториста морила усталость. Руки разжимались сами собой, выпускали рычаги.

Только бы не уснуть. Надо петь!

«Пусть вьюжен и долог

Путь твой, геолог, —

Камчатский геолог, держись!»

Так веселее, так не один. От песни бежит одиночество!..

Ехать приходилось вслепую. Фары бессильно пробить непогодь. В освещенном пространстве мельтешат снежинки. Мелькают, мелькают...

Но вот еще вспыхнули огоньки. Внизу разбросаны широко, а выше — звездочками.

«Елка?! Уж чудиться начинает», — тракторист потряс головой.

Но огни продолжали мерцать...

* * *

Михаил Павлович Сомов стоял на полатах буровой вышки, которая вся светилась электрическими лампочками. Снег, мокрый, липкий, как занавес: ничего не видно.

Раздосадованно пожевав толстыми губами, Сомов начал спускаться по сварной металлической лестнице вниз.

— Ждать Полевого не будем, — сказал он вахтенным бурильщикам. — Сколотим елку здесь и отнесем сами, на плечах. Видно, придется обойтись без игрушек.

Возле вышки лежала гора кедрового стланика. Целый день буровики лазили по сугробам с топорами. Разостлав ветви по самой

земле, кедрач залег в зимнюю спячку. Приходилось чуть не с головой нырять в снег, чтобы добраться до его душистой хвои. Задом срубили куст тальника и сделали шест. К его-то стволу Михаил Павлович и стал прибавать ветки кедрача. Подлиннее — внизу, а остальные наверх. «Елка» выростала на глазах, становилась гуще и зеленей...

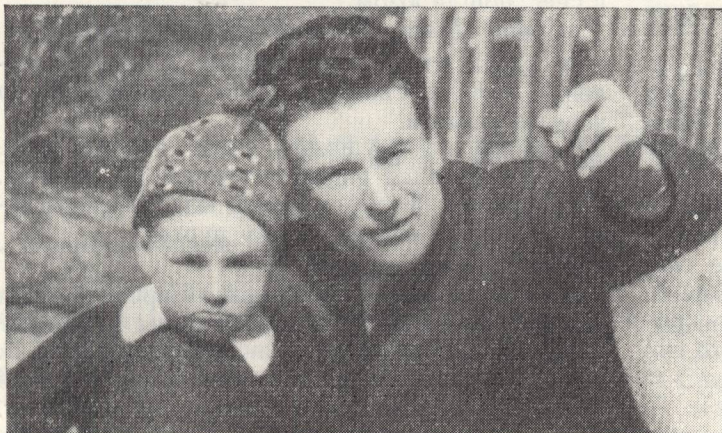
Внезапно из мглы вынырнул трактор. Лязнул гусеницами и остановился. Рабочие побежали, распахнули кабину. Тракторист, положив голову на чумазые кулаки, спал. Заглянули в заметенные снегом сани. Там стояли три обледенелых ящика, старательно прикрытые плащом.

* * *

Так в поселке геологоразведчиков появилась елка. Маленький дощатый клуб засветился гирляндами разноцветных лампочек.

Михаил Павлович, одетый в обшитую ватой шубу и валенки, кружился вместе с ребятами возле нарядной елки. На руках у него смеялся белобрысый Санька — больше он не боялся Деда Мороза.

г. Петропавловск-на-Камчатке

Юрий Инге с сыном Сережей. Май 1941 года.

Юрий Инге писал эти стихи летом сорокового года, когда мы оба вернулись в Ленинград после войны с белофиннами. Писал, взволнованный всем, что ему пришлось испытать в бригаде торпедных катеров, с которой он ходил в десанты. Тогда Инге задумал книгу о Балтике и балтийцах, о людях различных морских профессий. Он успел написать для этой книги всего несколько стихотворений. И вот одно из них, «Море», передо мной, на узенькой странице военного «Костра». А Юрия нет. Он погиб в

бою, во время прорыва наших кораблей из Таллина в Кронштадт 28 августа 1941 года... Корабли шли защищать ленинградцев, но дошли не все.

Во время блокады Ленинграда я работала нештатным корреспондентом военной газеты «На страже Родины». Жили мы с сыном на Петроградской стороне. А на площади Труда, на другом берегу Невы, находилось Военно-морское издательство, где работали Всеволод Вишневский, Борис Соловьев, Анатолий Тарасенков... С журна-

ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ

В будущем году нашему журналу исполнится 30 лет. Листая старые подшивки «Костра», мы нашли стихотворение Юрия Инге «Море». Поэт Юрий Инге был ленинградцем в самом точном, самом высоком смысле этого слова. Он любил свой город, любил Балтику и погиб смертью храбрых, защищая город и море от врага.

Мы попросили жену поэта, писательницу Елену Вечтомову, рассказать, как были написаны эти стихи.

Прочтите ее рассказ.

лом, только что купленным на улице, я и отправилась к ним. Несколько раз начиналась воздушная тревога. Милиционеры загоняли всех прохожих в бомбоубежища. Но я знала проходные дворы, ходы — переходы в разрушенных зданиях, и добралась до издательства засветло. Товарищи еще не видели вышедшего журнала, и Вишневский сразу начал читать стихи Юрия вслух. Слезы не дали ему закончить чтение. Все молчали. Справившись с волнением, Всеволод Витальевич сказал:

М О Р Е

ЮРИЙ ИНГЕ

1

В двухсветных залах Русского музея
Я с необычной жадностью глядел
На воплощенные красок Зюдерзее,
На паруса испанских каравелл.
Здесь оживали книги Стивенсона,
И ветер путал снасти бригантин...
Звала к себе неведомая зона...
Кто не прошел сквозь этот карантин?..
С утра на взморье, убежав из класса,
Мы по волне веслом чертили след,
А рулевой стоял на дне баркаса,
Сжимая самодельный пистолет.
Так возникало смутное начало
Далекого и трудного пути.
Да, нас изрядно море покачало,
Но научило плавать и грести.
В нас был наивной гордости излишек,
И, за поход на яхте в Петергоф,
Во всем сословье уличных мальчишек
Лишь мы носили титул моряков.
И те, кто вместе с нами полюбили
Свирепых ураганов голоса,
Дорогу в лавку мерили на мили,
А из простынь кроили паруса.
Тогда еще мы многого не знали,
Но верили, разглядывая мир,
Что будет день — и в вахтенном журнале
О нас напишет скупо командир.
Все будет вечным — верность и отвага.
И мы, раскрыв походную тетрадь,
Взойдем на бак перед подъемом флага,
Чтоб жизнь по-настоящему начать.

2

Суров январь сорокового года,
Покрыты белым пухом берега,
Синоптик мрачен. Скверная погода,
Шуршит в заливе скользкая шуга.
Весь день над шаткой палубою тучи,
Стоят морозы несколько недель,
Январский лед, тяжелый и колючий,
Плавающую сжимает цитадель.
На корабле собираются к обеду,
Встречают кока дюжиной острот,
Течет спокойной мирная беседа,
Пока ее тревога не прервет.
Но вдруг ворвался в шумные отсеки
И зазвенел прерывистый сигнал.
Единным звуком в каждом человеке
Он мускулы сружинул и собрал.
Клокочет море. Сипло завывая,

Холодный ветер палубы сечет,
А вдалеке, как будто неживая,
Лежит земля, закованная в лед.
Природа мрак над Балтикой простерла,
Но сквозь густую снежную кипень
Шестидюймовок стынущие жерла
Нащупывают первую мишень.
За этот миг ледовою коростой
На корабле железо обросло.
Ты не легко, не шуточно, не просто —
Суровое морское ремесло.
Но для того, кто в молодости выбрал
Бесстрашие вечным спутником своим,
Нужна работа крупного калибра
И крепкий шторм подчас необходим,
Чтоб, никогда не ведая испуга,
Смотреть, как в черный вражеский зенит
Пружина боя, скрученная туго,
Молниеносным залпом зазвенит.
Как жадно звуки схватывает разум,
Когда мишень на целике видна,
И, наконец, магическим приказом
Звучит короткий возглас ревуня!
И сразу башня вздрогнула... Другая...
Небесная качнулась высота,
Оранжевое пламя изрыгая,
Орудия взметнули хобота.
Казалось — море выло и гудело,
Противник бил наводкою прямой.
Эсминец рыскал в зареве обстрела,
Фонтаны оставляя за кормой.
Разбиты восемь движущихся точек,
Осталось две. Они еще палят.
Добить, добить! И раненый наводчик
Шлет свой последний яростный снаряд.
А в это время где-нибудь в Сибири,
На северном краю материка,
В просторной и натопленной квартире
Ласкает сына нежная рука.
Вихрастый и взьерошенный мальчишка,
Ему совсем не хочется в постель,
Пред ним до дыр зачитанная книжка
И корабля картонная модель.
Уже двенадцать. Передана сводка,
А он не спит. И в шуме у крыльца
Ему все время слышится цитадель
На вахту заступившего отца.
И видит он клокочущее море,
И слышит рядом плачущую мать;
А женщина, суровая от горя,
Все думает: сказать или не сказать?..
И сдерживает, пряча телеграмму,
Рыданья, в горле вставшие комком...
— Усни, сынок! — А он твердит упрямо,
Как все мальчишки: „Буду моряком!“

Страница „КОСТРА“ № 7 1941 года

— Пророческие стихи! Кто бы мог подумать...

И хотя мы жили не в эвакуации, не в Сибири, а в борющемся Ленинграде, но стихи, действительно, словно говорили о нас, о нашей судьбе, о нашей беде...

Несколько месяцев тому назад мне позвонили пионеры 528 школы Калининского района и сказали:

— Хотим, чтобы наш отряд носил имя Юрия Инге!

Мы встретились. Оказалось, ребята собрали материалы для коротких фо-

торассказов о героях-писателях, одни — об Инге, другие — о Лебедеве, третьи — о Троицком, Кострове, Гейзеле, Ганибесове, Канторовиче...

Герои-писатели остались живыми людьми, нужными и дорогими пионерам.

О ДАЛЬНИХ ГОРОДАХ И БЛИЗКИХ ДРУЗЬЯХ

Ответ на одно
из тысячи писем

Рисунки Г. Ковенчука

Тысяча писем с просьбой познакомиться: с вратарем, активистом, артистом, пожарником, балериной, восьмиклассницей, говорящей на английском языке, космонавтом, моряком, филателистом, геологом, летчицей, поваром, машинистом электровоза, праправнуками А. С. Пушкина, самым метким стрелком Советского Союза...

А в одном из тысячи просьба такая: «Дорогая редакция! Познакомьте с первой попавшейся девочкой...»

Над этим письмом мы задумались. Мы попробовали представить себе село, где живет автор этого письма, девочка Валя. Как стоит это село где-то на границе Воронежской и Тамбовской областей — далекое, заброшенное. Скучно, неинтересно живут там ребята. Каждый день одно и то же. Все друг друга знают. И ничего нового не случается. А в небе гудят самолеты, а по рельсам мчатся поезда, мчатся туда, где сверкают золотыми огнями большие города. В них-то и кипит настоящая, интересная жизнь. И каждый, первый попавшийся человек там, в этих городах — тоже ужасно интересный и содержательный...

Мы послали в село Богану нашего специального корреспондента Тамару Дмитриевну Скобликову. Вернувшись из командировки, она написала девочке Вале письмо, которое мы решили опубликовать.

*

Я приехала в твое село пасмурным дождливым днем. На улице — никого. Только куры важно расхаживали. Дома маленькие, серые. Я даже про себя удивилась, когда твоя односельчанка Люда Глазнева сказала, что Богана — красивое село.

Вышло так, что сначала я познакомилась с твоими одноклассниками, а уже потом — с тобой. Помнишь, ты гостила тогда у бабушки.

Добираться к тебе трудно. Ты ведь живешь в самом конце Советской улицы, а это от начала села километров восемь. По крайней мере, мне так показалось. Может быть, потому, что была непролазная грязь.

Вот тогда-то я и увидела ребят с почтальонскими сумками через плечо. В больших резиновых сапогах, в непромокаемых плащах они бодро шагали навстречу ветру.

— Куда это вы? — спросила я их.

— Почту разносим. Видите — разлив. Почтальонам не справиться.

Так я познакомилась с «летучими почтальонами». И подумала: «Как здорово, что живут здесь такие хорошие ребята. В любую погоду — в дождь, разлив, жару и метель — они приносят в дома письма. А ведь это так важно, чтобы письма пришли вовремя...»

А тимуровский отряд «Голубая стрела». Ведь он действует на твоей улице, на Советской. Софья Ивановна Барышникова и Ольга Андреевна Плужникова рассказывали мне, как тимуровцы вскопали им огороды, сделали прополку, заготовили на зиму дрова. Правда, в их рассказах не встречалась твоя фамилия. Но я не спешила делать выводы: ведь с тобой я еще не встретила.

Ваш седьмой «б» в школе считают «загадочным» классом: успеваемость самая низкая, а в художественной самодеятельности — первые; в посевной и уборочной — первые. И наверно, прав был ваш староста Коля Ектеринин, когда на совете отряда предложил: допускать до тракторов и машин только тех, у кого хорошие отметки.

Когда я слушала рассказы о ребятах вашего класса, мне было очень обидно, что командировка моя такая короткая и что многих я не увижу. Ведь был разлив, и школа не работала. А мне так хотелось познакомиться со всеми: и с лучшим учеником класса Ваней Чужавским, и с весельчаком и балагуром Ваней Булакиным, и с классными модницами, твоими подругами Юлей Орловой и Машей Торгашниной, и с тимуровцами «Голубой стрелы»...

Я ошиблась, Валя, когда думала, что тебя окружают неинтересные, пассивные люди. Рядом с тобой живут замечательные ребята. Надо только самой быть активной. Ты не думай, я не хочу читать тебе нравоучений. Просто мне хочется дать тебе совет. И не только тебе — всем ребятам, которые считают, что рядом нет ничего интересного и ищут знакомств в каких-то дальних городах. Таких ребят, к сожалению, много. И мне их жаль. Ведь какой бы интересной, содержательной ни была переписка, это всего лишь переписка, и она не может заменить живого, настоящего общения. А посмотри, сколько дел вокруг тебя и сколько ребят, которые с радостью станут твоими друзьями. Ну, почему, например, ты только однажды пришла на заня-

тие школьного драмкружка? Так случилось и с танцевальным, и с кружком художественного слова. Не нравится?

А помнишь, как дружно и весело работалось на строительстве новой школы? Ты отлично работала. А теперь ты уже учишься в этой школе и, наверно, немножко гордишься, что есть здесь и твой труд.

Ты любишь читать. Многие твои одноклассники даже не подозревают об этом. Может быть, потому, что председатель совета отряда Рая Зацепина так и не собралась провести читательскую конференцию, которую давным-давно запланировали...

Мне было очень жаль уезжать из твоей Боганы. И я хочу, чтобы все ребята, читающие «Костер», узнали, что в Воронежской области, в селе Богана, живут настоящие пионеры-тимуровцы.

Я искренне надеюсь, Валя, что ты преодолеешь свою застенчивость и пассивность и во всех делах будешь рядом с ребятами. И тогда тебе не захочется переписываться с «первой попавшейся девочкой». У тебя просто не будет времени. У тебя будет слишком много интересных дел.

С уважением
Т. Скобликова

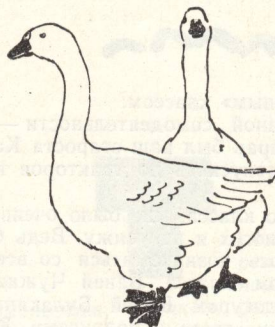

ГУСИ НА СНЕГУ

Белые, белые, белые гуси!
Я их узнать не могу;
Желтыми кажутся белые гуси
Утром, на белом снегу.
Гуси идут, и кричат, и вонзают
Клювы в края колеи...
Может быть, вас перекрасили
за ночь,

Белые гуси мои?
Важный вожак — двухэтажная
шея —

Так отвечает за всех:
«Гуси белы, но гораздо белее
Утренний, утренний снег».

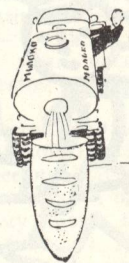

ЛЕСНЫЕ ИГРУШКИ

Лежа,
Сидя,
Полусидя,
Стоя
И ползя,
В тесноте, да не в обиде
Встретились друзья:
Мох,
Орех,
Валуи плаксивый,
Желудь,
Жук,
Сучок,
Две росинки,
Лист осины,
Алый, как значок.
И оранжевенький рыжик,
— Знак дождливых дней —
Тут себе местечко выжжет
Рыжестью своей.

ПУТАНИЦА

Вот бутон,
А вот — батон.
Вот бидон,
А вот — питон.
Ну, а вот — бетон.
В печке выпечен
Батон,
А в петлицу вдет
Бутон,
По траве ползет
Питон,
Молоко течет в
Бидон,
А на стройке есть
Бетон.
Повтори и ты мне в тон:
Где бутон,
А где батон,
Где бидон,
А где питон,
Ну и где — бетон.
Раз, два, три, четыре, пять,
Начинаю повторять:
В печке выпечен
Бутон,
А в петлицу вдет
Батон,
Где бидон,
А где питон,
Ну, и где — бетон.

По траве ползет
Бидон,
Молоко течет в
Бетон,
А на стройке есть
Питон.
— Нет, не так!
Нет, не так!
— Ну, тогда вот так:
В печке выпечен
Бидон,
А в петлицу вдет
Питон,
По траве ползет
Бетон,
Молоко течет в
Батон,
А на стройке есть
Бутон.
— Нет, не так!
Нет, не так!
Подскажите сами: как?
Разберитесь сами в том,
Где бутон,
А где батон,
Где бидон,
А где питон,
Ну, и где — бетон.

НАША ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

В зимнем лагере над рекой Лугой эту ночь спали плохо. Не потому, что второй отряд вымазал первый зубным порошком, и даже не потому, что третий пытался выкрасть у четвертого сонного вожаго.

Погода, погода — вот что всех волновало. Какой она будет завтра?

Выбегали на улицу и тревожно вдыхали морозный воздух — потеплеет к утру или нет? Термометр упорно показывал минус десять.

В палатах шушукались отряды, у дверей выставили часовых: по коридорам шныряли лазутчики — пытались выведать, что придумали на завтра соседи, как бы не прогадать...

К утру не потеплело. Резкий ветер нес с востока сухую снежную крупу. На совете лагеря решали: быть Зимней сказке или не быть. Решили — быть!

С шутками и песнями высыпали из интерната. Каждый отряд — к своей площадке. И — катать снежные комья. Лепить. Вырубать лопатами снежные кирпичи. Таскать из котельной ведра с горячей водой — растапливать упрямый снег.

Ох, как коченели руки! Как мерзли носы! Какими непослушными становились пальцы!

К обеду интернатский двор было не узнать: ледяные дворцы, сказочный дракон, громадный туристский башмак, сфинкс-великан, в котором сразу обнаружили портретное сходство с одной девочкой из первого отряда; зайцы, медведи, крокодилы...

А сколько бы еще вылепили ребята, если бы погода не подвела!

На площадке появилось жюри конкурса.

Председатель жюри — молодой ленинградский скульптор Николай Александрович Страхов, автор замечательного памятника героине-вожатой Клаве Назаровой в городе Острове Псковской области.

Жюри неподкупно. Что ему до зудящих щек, багровых рук, закоченевших ног. Искусство, фантазия — вот единственная мера оценки.

Вечером, на огоньке, затаив дыхание, слушали решение жюри. Первую премию — большую коробку конфет, альбомы, краски — получил второй отряд за страшного дракона и другие затейливые фигуры.

...Через несколько дней кончились каникулы, лагерь уехал в Ленинград, а в интернат вернулись из окрестных деревень его хозяева. Немало подивились они на снежные чудеса, таинственным образом возникшие на интернатском дворе во время каникул.

А. Крестинский

Фото А. Ритова

Снежный городок — новый конкурс «Костра»

Мы попросили художника Януса нарисовать снежный городок. «Такой, — сказали мы, — чтоб ребятам сразу захотелось его построить».

Когда художник принес в редакцию свой рисунок, мы все пожалели, что еще не зима, а мы уже не школьники. Выбежать бы на хрустящий снег, покатить бы перед собой большой белый ком!..

Ребята! «Костер» объявляет конкурс на лучший Снежный городок. В конкурсе могут принять участие пионерские отряды, звенья, просто друзья с одного двора или улицы.

Как только получите этот номер журнала, начинайте подбирать строительную команду. Выберите коменданта Снежного городка, его двух помощников и нари-

суйте все вместе план будущего города. Рисунок художника Януса мы поместили только для примера. Чем больше вы придумаете сами, тем больше у вас шансов на победу в конкурсе.

Найдите подходящее место для городка, такое, чтоб вы никому не мешали и вам тоже никто не мешал. Строить можно всюду — во дворе, на пустыре, в саду, в сквере на площади. Если зима будет крепкая, снежный городок простоит долго, украшая вашу улицу или двор. Снежные фигуры можете подкрасить, но предварительно посоветуйтесь с местным художником или учителем рисования.

Когда план будет готов, дождитесь мягкой погоды и — за работу.

Еще до начала строительства включите в свою команду одного-двух фотографов, которые будут снимать городок в процессе стройки и после ее окончания. Фотографы должны быть опытные, от них зависит подведение итогов конкурса. Подбирайте фотографов из старших ребят или попросите взрослых помочь вам.

Городок надо сфотографировать со всех сторон, сделать по несколько снимков каждой снежной фигуры с разных точек, так, чтоб, не видя самого городка, можно было по фотографиям хорошо представить его себе.

Сроки конкурса: с 1 января по 1 апреля 1966 года. Команданты Снежных городков должны не позднее 1 апреля 1966 года выслать в редакцию «Костра» план, фотографии, зарисовки, список строительной команды и рассказ о том, как строился городок. Чтоб фотографии не измялись в пути, склейте для них специальный конверт с двумя картонными прокладками. Размеры фото: 9×12 или 13×18 .

Наш адрес: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, «КОСТЕР», на конкурс «Снежный городок».

Если у вас во дворе соберется несколько строительных команд, тем лучше: устройте соревнования между ними и напишите нам, кто победил.

Командант Снежного городка обязан следить за тем, чтоб у всех были про запас сухие варежки. Если кто зачихает или закашляет после работы, значит, командант виноват, плохо руководил стройкой.

Для команд-победителей устанавливаются 1 первая, 2 вторых, 3 третьих и 10 поощрительных премий. Все команды — участники конкурса получают грамоты деда Мороза.

А что делать тем ребятам, которые живут на юге, где снега не бывает? Увы, им остается только ждать. Не снега, конечно, а нового конкурса «Костра», который будет объявлен весной 1966 года специально для них.

Жюри конкурса
«Снежный городок»
Председатель жюри —
скульптор Н. А. Страхов

КТО КАК ЗИМУЕТ

В. Скопцов

Рисунки Е. Захарова

Октябрь со своими пронизывающими ветрами сорвал с деревьев последние листочки. В лесу стало как-то просторней, да и речка, которую раньше закрывали ветки с обоих берегов, стала будто шире. В лесу всегда хорошо! Сейчас для его лесных обитателей самые горячие деньки. Каждый на свой лад готовится к наступающим холодам...

Белочка сидит на сосновом сучке. Умывается совсем по-кошачьи. Внимательно смотрят черные бусинки глаз. Потом, вцепившись одной лапкой в зыбкую ветвь, она неторопливо раскачивается, гибко перевертывается в воздухе, и, мгновенно сбегая вниз по стволу, оказывается уже на земле. Попрыгала деловито под деревом, поискала что-то в опавших листьях и уже несет в зубах золотистую шляпку гриба-лисички. Ну и нюх у лесной хозяйки!

Приспособила белка гриб в развилку между сучьями на просушку и за другим отправилась. Это она заготовки свои пополняет. Вдоволь припасено у нее и ядерных орехов, и крепких желудей. Складывает она их не в гнезде, а где-нибудь рядом: в дуплах, в трещинах деревьев, в развилках.

Хорошо устроила белочка и свою зимнюю квартиру. Гнездо свито из прутьев и мха. Подойдешь к сосне и кажется, будто кто-то шар забросил на самую верхушку и застрял он между сучьями...

Внутри беличье гнездо устлано мхом, листьями и сухой травой. Отверстие в нем очень маленькое, да и не сразу его найдешь... В самые трескучие морозы пробовал я сунуть руку в такое гнездо, а там теплым-тепло (градусов двадцать, не меньше). Чудо-домик из мха и прутьев тепло хорошо держит.

Барсук — еще один интересный лесной обитатель, который есть у меня на примете. На первый взгляд кажется, что у барсучьей норы дворник с метлой побывал и нагреб целые кучи засохшей листвы. Это барсук приготовил себе подстилку на зиму. Ведь он — сам себе кладовая. А при наступлении холодов (обычно в середине ноября) заваливается барсук спать на мягкую листву. Тепло ему, хорошо. Глаза сами собой закрываются...

Еж — сосед барсука — тоже начал устройство зимней квартиры. На этот раз он облюбовал себе большую кучу старой соломы, что на краю поляны. Сделал в ней нору, а логово выстлал очень старательно листьями и мхом. Долго трудился колючий, ходил, весь увешанный листьями и травинками, зато теперь спокоен: никакой мороз ему не страшен.

В этой же куче соломы заметил еж много норок лесных мышей — значит, на первое время и пища будет. Ну, а уж когда совсем захладеет — свернется он в колючий клубок и заснет до будущего тепла.

Зайцу — беда. Поспешил он ныне — перелинял, а снега нет и нет. Горе зайцу. Видно его белую шкурку издалека. Куда деваться?

Держатся сейчас зайцы в самой чащобе — снега дожидаются. Они запасов не готовят и жилья не делают. У них одна надежда — быстрые ноги, а корм всегда найти можно.

Несколько раз за день поднимал я такого зайца из одного овражка. Вот куда додумался прятаться косой. Будто чувствует, что подстроила ему природа злую шутку: стало холодно — сменил он летнюю шубу на зимнюю, в зимней хорошо, да больно заметен...

Скорей бы уж зима, что ли!

МАЛЬЧИКА ПАТА И ПИЛАГАН-БОЛЬШОЙ СОБАКИ

Вадим Нечаев

Гравюры Е. Овчинникова

ГЛАВА ПЯТАЯ

В поисках своей собаки Пат пережил немало приключений. Разнообразие людей, встретившихся ему в дороге, удивляло мальчика. Кто бы мог подумать, что существуют такие люди, как, например, любитель-дрессировщик Кленов, который содержит в своем доме настоящий цирк из обученных мышек, птиц-акробатов и птиц-солистов. От дрессировщика мальчик попал в гости к вежливой и ласковой женщине-садоводу Синицыной, где он чуть не остался навсегда — так ему было хорошо и покойно. Однако он вовремя спохватился, вспомнил о своем долге и, простившись с женщиной и ее садом, поехал дальше. В конце концов Пат очутился в большом городе Южно-Сахалинске и решил пойти в редакцию газеты, от которой он когда-то получил теплое письмо.

* * *

Пата принял сам редактор.

— О, — сказал редактор, — это тот самый Петр Вытхун, сын каюра и охотника из древнего рода Хыбегнунг, который путешествует по острову в поисках своей собаки. Тот самый мальчик, о котором говорит вся область, а он ничегошеньки об этом и не знает. Мы два раза о тебе писали. И теперь ты у нас в гостях.

Редактор набрал номер телефона и вызвал к себе сотрудника. В кабинет вошел молодой журналист с фотоаппаратом.

Окончание. См. „Костер“ № 11, 1965.

— Шумилин, это Петр Вытхун, маленький охотник и путешественник. Рассказ о нем необходим в воскресный номер. Сделайте так, чтобы чувствовался аромат нашего острова. Живо и красочно. Выдумывать ничего не надо.

Шумилин довольно потер ладони:

— Я сделаю потрясающий материал. Как мальчик из захолустного поселка отправляется в большой мир.

— Вот-вот. Рассказ на полосу, с фотографиями, — добавил редактор, — вы знаете, сколько к нам пришло писем от разных людей, заинтересовавшихся судьбой Пата и его собаки? Двадцать девять.

— И что, никто не видел моего Атака? — спросил Пат.

— Как же, сегодня звонили с пограничной заставы — видели собаку в заливе. Но льды мешают ее снять. Это около мыса Крильон.

— Близко отсюда? — спросил Пат как можно безразличнее.

— Километров сто. Мой шофер отвезет тебя.

...Вокруг льдины плескалась под ветром синезеленая вода. Обширное и голое пространство было мертво и скупо поблескивало от прохладного солнца, повиснувшего на краю неба.

Атак сидел на льдине, подремывая, примирившийся с безысходностью своего одиночества. Он никого не звал на помощь, без гнева и страха ожидая конца.

Изредка над его головой пролетали чайки, замирая в воздухе и удивляясь на своем пти-

чем языке, как сюда попал пес, и, покружившись немного, растворялись в синеве.

Путь к берегу ему преграждали полыньи — пес сознательно не смотрел в ту сторону, чтобы не расстраиваться, тем более, что он сам добровольно ушел от всех и навсегда.

Льдину тихо и незаметно несло в море, и все дальше отступала береговая линия, уменьшались в размерах деревья, и дома, и холмы, и все слабее вспоминалась Атаку прежняя жизнь.

И только когда он засыпал в ознобе, ощущение времени исчезало и прошлое было так же непереносимо живо и ярко в своих подробностях: снова он чувствовал прикосновение руки Пата, и бег в упряжке, и встречу с волками, и слепой страх при возвращении в поселок, и болезненную тоску, которая погнала его по острову, и как он метался от одного человеческого жилья к другому, словно за ним неотвязно волочилась какая-то его вина, непонятная ему и все же вина, и она не отпустила его, настигая и в доме милого дрессировщика, и в саду вежливой женщины, она шла по его пятам мимо лесных тропинок и железнодорожных путей, мимо поселков и городов, и впервые здесь, на льдине, отпустила.

Мягко шуршала волна, заливая кромку льдины, и Атаку слышался голос его матери, которым она звала его на охоту, и он вспоминал ее взгляд, и свое отрочество, и волчью стаю, где все было так просто и ясно, и так далеко, что и не верилось.

Ослабевший, он прилег на лед, положив между лапами голову, чуть вздрагивая от стужи, бессильный что-либо изменить в своем положении. И он копил в себе терпение, понимая, что конец должен быть достойным.

Рядом из воды вынырнула нерпа и, опасливо поглядев на собаку, тихонько взобралась

на льдину. Атак даже не обернулся. И нерпа, поскучав, соскользнула обратно, фыркнув на прощанье.

По-прежнему было тихо и льдину мало-помалу несло течение, и Атак засыпал все глубже, и слабели воспоминания, одно за другим покидая его, и ничего не тревожило, никакие чувства, кроме беспечальной грусти, легкой и светлой. Так что было неясно, грусть это или туманный образ мальчика из поселка.

Но чу! Какой-то слабый звук вдали. Столь слабый и неверный, что собаке невдомек, то ли льдины столкнулись, то ли нерпа выскочила из воды и плюхнулась об воду.

Маленький катер замедлил ход.

— Эта собака? — спросил мужчина в пограничной форме у мальчика.

— Да, — сказал мальчик.

Нос катера уперся в льдину, и Пат перепрыгнул через борт на нее. Пилаган с виноватой улыбкой глядел на мальчика, не двигаясь, окоченевший от холода, как бы перешедший по ту сторону желаний.

И когда мальчик обнял его за шею, шепча ласковые и бранные слова на ухо, прижимаясь лицом к его заиндевевшей голове, Атак заволновался, задрожал, чувствуя, что нечто смутное и темное в нем, страх и одичалость, уже отделились, и еще не веря в это окончательно, подобно тому как исцеленный вдруг калека с опаской распрямляется, делает шаг, другой — и такое свечение у него в глазах, боязнь, и вера, и напряжение... Атак напряг горло, и неверным голосом бросил вызов пустынной снежной тишине, но все яснее и тверже становились звуки, и это был уже не полувой, «аух, аухр», нечто нелепое и смешное, а самый настоящий ликующий и душевный лай.

От облегчения мальчик заплакал.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Неказистый желтый автобус с узорчатыми от мороза окнами катил по утрамбованной дорожке от деревянного здания почты к поселку Луньво, и среди прочих пассажиров в нем сидели мальчик и огромный пес.

Думая о предстоящей встрече, Пат сладко волновался — оказывается, это не пустые слова: мой поселок, мой дом, мои родные.

И как печально человеку, у которого этого нет — бездомному. Как ему трудно удержаться на одном месте — все ездит и ездит, посторонний сердцем человек, потому что никто его не ждет.

Древний Глаз должен смягчиться — ведь

Атак уже не волк, а самый настоящий пес, и лает он не хуже других, это и ребенку видно, что ничего волчьего в нем не осталось. Бедный Атак немало перенес — судьба его не баловала. Он заслужил свое право на уважение. И как можно убить пса, если столько людей волновалось за него и помогало мальчику в розысках.

Ведь это так легко — пнуть от себя собаку или другое живое существо и за какой-нибудь проступок осудить и покарать и выбросить из общей налаженной жизни обратно — в дикость и уныние, и гнать от себя, гнать, как опасную заразу; и когда это живое существо

превратится в волка, и в каждом будет видеть волка, и зарыдает от своей глухой и непонятной тоски и убежит в лес или на льдину, подальше от всех, позабыв и место рождения своего, и все, что прежде было ему в радость и утешение; попробуй-ка тогда вернуть его назад, вернуть от волка — к собаке, от волка — к человеку, — насколько это труднее и невозможнее.

За окнами автобуса замелькали тени домов и деревьев, и мальчику почудилось, что и не уезжал он никуда, а все, что произошло с ним и с его Атаком, он вычитал в книжке с картинками.

Отец стоял во дворе и чистил ствол ружья шомполом, и когда калитка отворилась, он не увидел, а скорее почувствовал, что кто-то вошел, кто-то очень близкий ему, наверное, сын. Отец бережно положил ружье на скамейку и обернулся, убеждая себя, что вероятнее всего это не сын, а кто-нибудь другой. У калитки молча смотрел на него Пат и рядом с ним топтался пес.

Выдержанный и хладнокровный охотник Вытхун ослаб весь и поманил сына рукой. Пат подбежал, и отец поднял его на руки.

— Ну вот, ну вот я и приехал, — сказал Пат, — а ты беспокоился... И Атак со мной. Теперь мы вместе.

— Это хорошо, — сказал отец, — нам нельзя разлучаться. Нас всего двое из рода, всего двое осталось. А ты исчез — и ни слуху, ни духу. Я так беспокоился, прямо бессонница ододела.

И они вошли в дом: отец с сыном и за ними пес. И теперь им лучше не мешать — они так долго не видели друг друга.

А мы заглянем-ка к Древнему Глазу, который сидел у железной печурки и курил самодельную трубку. Он уже знал, что вернулись мальчик и собака, и размышлял, что ему следует предпринять.

Ссориться с уважаемым охотником и его сыном-сорванцом Древнему Глазу не хотелось, но и на попятную идти нельзя. Все уважение к старейшину как ветром сдует. Слово Древнего Глаза — закон. Иначе что получится: отступил перед мальчонкой, ай-ай, срам какой. А если убить собаку — бог знает что выкинет этот ненормальный Пат. Не было в поселке еще недоростков, чтоб сами в такое путешествие пускались. Ишь, и газета о нем написала. Влиятельные заступники у него. Ну и времена! Никакого почтения к мудрости старших.

Возмутился духом Древний Глаз, и в гневе тверд стал: закон есть закон, слово сказано — и собаке не жить. Через несколько дней чхыф-лехерыд, и старики покажут свою силу.

Оставшиеся дни до праздника Пат целиком посвятил своей упряжке: он договорился возить почту к почтовому самолету и обратно, и по отцовским часам каждый раз засекал время. Атак был поставлен на место передовика, и мальчик-каюр убедился вскоре, что его пес прирожденный вожак.

Мальчик почти не сомневался в успехе, и все же на сердце у него жила тревога: он не забыл угрозы стариков. Как объяснить Древнему Глазу, думал Пат, что пилаган совсем не волк, что он переродился — за что же его наказывать. И если бы теперь он переступил закон — тогда другое дело. Разве есть вина в том, что глухой не слышит, а неграмотный не умеет читать? Должна быть в жизни справедливость. У стариков особенно.

И, встречая Древнего Глаза на улице или в магазине, мальчик сухо здоровался и проходил мимо, ожидая, что старик первый окликнет его, а тот рассуждал таким же образом, потому что боялся уронить свою репутацию.

Кому-то одному из них надлежало отступить, понимал сын каюра Вытхуна, иначе трудно жить в поселке — и старик и Пат — каждый считал, что на его стороне правда, на стороне же другого — заблуждение.

Была в этом молчаливом споре и третья сторона — пес Атак. Как же он себя вел? Так ли метался и тосковал, как прежде, после путешествия с каюром Урзюком, или же смирился с предназначенной участью, как и там, на льдине одиночества, равнодушный ко всему окружающему? Ни то, ни другое. С независимым и гордым видом разгуливал он по улицам и дворам, дружелюбный и снисходительный к любому встречному, ничем не проявляя своего замешательства или беспокойства.

* * *

Наступил день праздника. Со всего восточного побережья острова собрались нивхи-охотники, рыбаки и каюры. Гостилица была переполнена приезжими из Южно-Сахалинска и Охи. Между двумя «священными деревьями» на стрельбище был привязан огромный бурый медведь, выкормленный родом Кегнак. Привыкший к людям и относительной свободе, медведь удивленно озирался, лениво рычал и грыз цепи. Предстоящая церемония ему была непонятна.

В доме без окон, квадратной формы — тораф, с очагом в центре и дымовым отверстием на потолке — был зажжен родовой огонь, на котором в большом чане женщины будут варить медвежье мясо.

Несколько девушек расположились на краю площадки возле высушенного бревна с изображением головы медведя. Солистка заняла место рядом с головой и выбивала монотонный ритм, с бесконечными вариациями, — остальные через некоторые интервалы разом били по бревну и кричали: «тятид-рухе!»

Слева на трибуне сидели старики и в центре меж ними Древний Глаз в котиковой шапке. Прочие трибуны были переполнены — хозяевами и гостями — вперемежку.

Каюр Урзюк вывел за цепь медведя и направился с ним по кромке стрельбища к противоположной стороне, рассказывая на ходу, каких хлопот он стоил, как привязался к нему род за четыре года и сколько рыбы и сырого мяса ушло на его откорм.

— Все, у кого есть глаза, могут засвидетельствовать, что это достойный медведь, здоровый и сильный, и души предков не будут на нас в обиде, — сказал каюр Урзюк.

Девушки ударили по бревну и крикнули «тятид-рухе». Медведь тревожно оглянулся и, по всей видимости, еще не решил, как ему воспринимать всю эту церемонию. Но по той почтительности, которую оказывали ему зрители и каюр Урзюк, он догадался, что никакой угрозы для него не предвидится. В дальнем конце стрельбища лежало мясо, и Урзюк сам накормил «хозяина леса». Старики, молодые охотники и женщины с детьми молча смотрели на это зрелище, понимая, что во всем происходящем есть глубокий и сокровенный смысл, насмешка над которым кощунственна. И не зря медведю воздают почести, чтобы после убить его — тем самым достигается равновесие. И справедливость.

С трибуны важно спустился Древний Глаз, глава рода Мыбинг, взял лук и стрелы и вышел на середину площадки.

Урзюк снял цепь с медведя и отбежал к зрителям.

Девушки ударили по бревну и крикнули «тятид-рухе». Зверь обеспокоился, очутившись на воле и не зная, что ему делать. Старик вложил стрелу и ждал, и медведь сам пошел ему навстречу, грозный и неторопливый. Инстинкт подсказал ему, что наступила решительная минута, что его жизнь приносится в жертву какому-то непонятному обычаю, и с горечью он почувствовал, что все объединились против него.

Он обвел взглядом круг зрителей, дальние сопки и темнеющий на горизонте лес, на пути к которому было одно препятствие: долговзый и хмурый старик.

Древний Глаз без сожаления смотрел на медведя: «Закон! Он холоден и тверд и не знает жалости. Мы все равны перед ним, наш долг — служить ему и передавать по наследству. Я только исполнитель, только страж. Я несу свою службу, не пытаюсь разгадать его. А медведь уже мертв, хотя ему кажется, что он еще жив. Приговор ему вынесен давно, и с тех пор он мертв».

Старик натянул тетиву, и медведь зарычал и встал на дыбы. Стрела просвистела в воздухе, и все было кончено.

«Тятид-рухе!»

Все подхватили этот древний клич, и только мальчик, сын Леонида Вытхуна, молчал, смущенный своими мыслями.

— Волнуешься перед гонкой? — тихо спросил отец.

— Нет, — ответил, — я спокоен. Я о другом думаю, ытык. Чему они все так радуются? И какой толк в этом обычае? Раньше мне казалось, что я понимаю, а теперь...

— Что теперь?

— Я повидал разных людей, ытык, и скажу тебе, жизнь у нас другая, чем была у стариков. И какая доблесть в том, что убили беззащитного медведя?

— Это праздник почитания предков, традиции и закона, — строго сказал отец, — и не нам с тобой обсуждать его.

— Может быть, — промолвил Пат, — но зачем он нужен, вся жизнь должна быть праздником.

Отец не стал спорить, и мальчик услышал гонг, напоминающий всем, что сейчас начнутся тридцатикилометровые гонки на собачьих упряжках. Судья построил каюров в шеренгу (причем Пат, как самый маленький ростом, стоял последним на левом фланге) и объявил, что трасса проходит по пересеченной местности и отмечена красными флажками, чтобы кто-либо случаем не сбился в сторону.

Раздался выстрел, и упряжки рванулись вперед, но Пат специально притормозил своего передовика, чтобы избежать столкновения,

и в самом деле, как он ожидал, так и случилось. Нарты каюров Козгун и Чиркова перевернулись, построжки спутались и они, можно сказать, выбыли из соревнования.

«Гой-гой», «чии-чии», — мальчик взмахнул бичом, и собаки понеслись. Санний путь уходил узкой колеей к дальним сопкам, у подножия которых он сворачивал налево, огибал лесок и в круговую возвращался обратно.

Вели гонку каюры Чунчук и Хвалабирова, за ними впритык мчался Пат, а остальные — чуть позади. В таком порядке они свернули у подножия голубоватых сопок и скрылись за деревьями.

Леонид Вытхун, переживая за сына, думал: «Основные соперники, конечно, Чунчук и Хвалабирова. Чунчук опытный каюр, двадцать лет на собаках и оленях ездит, и все же чересчур спокоен, вял. Хвалабирова, напротив, горяч и нерасчетлив. И перед гонкой, кажись, он маленько выпил. За лесом он обгонит Чунчука, но на последних километрах обязательно сдаст. Пат в меру хладнокровен и в меру азартен, но ему недостает опыта. Правда, у него лучший передовик в поселке, и если ничего не случится на трассе, у него есть все шансы выиграть приз. Древний Глаз позеленеет от досады. Как же так, мальчишка стал победителем. Это я правильно сделал, что устранился, зачем сыну мешать. Ведь я ради него живу, а без него — кому я нужен на этом свете? Жизнь моя прошла и волосы поседелели, только рука крепка, как раньше, и не дрожит — но срок мой истекает. Страшно подумать, если я умру, то Пат станет сиротой. Он не такой, как все. Нельзя ему быть сиротой — загорюет он

без меня. Дай мне бог еще лет десять — не ради себя прошу — за сына».

За лесом Хвалабирова действительно что есть мочи погнался собак, но и Пат не мешкал и тоже поддал ходу, и в длинном и мощном рывке обе упряжки оставили позади себя спокойного и опытного Чунчука.

Лес, замерзшее болото — теперь трасса поднималась на холм. По-прежнему впереди несся Хвалабирова, за ним Пат, и в этом стремительном напряженном ритме не было места для посторонних мыслей.

Мальчик понимал, что чистая победа — безусловная победа целиком оправдывает его Атака. И когда он обогнал Чунчука — победа, и когда заметил, что упряжка Хвалабирова начинает устывать — победа, и когда они вровень поднялись на холм и вровень понеслись вниз по легкому снегу — победа, и все-таки пожилой каюр сумел первым выскочить на трассу.

Но Пат не потерял из-за этого выдержки и не пытался искусственно наращивать скорость, зная, что передовик лучше представляет запас силы у собак, и когда настанет момент для решительного рывка, Атак сам подаст сигнал.

Леонид Вытхун не отрываясь смотрел на дорогу в ту сторону, где должны появиться каюры. Очень далеко он различил несколько черных точек, причем, между первыми двумя и последующими белел довольно большой разрыв. Точки скрылись в ложине, вдруг вынырнули, и это уже были не точки, а крошечные нарты и крошечные фигурки седоков. Вытхун вздрогнул, заметив, что вторая упряжка обходит первую и все удаляется и удаляется от нее в беспощадном одиночестве победителя, и все ближе и ближе она к финишу.

«Неужели сын проиграл? — подумал Вытхун, — а если это он, мой мальчик? Почему должен быть кто-то другой, почему ты, старый, сомневаешься? Конечно, Пат. И никто, кроме него. Прямо не верится, что это мой сын. Маленький такой, слабый на вид — и вот, на тебе! Всех каюров обошел. Последний маль-

чик в роду — оттого он и мудрый с детства. Его беречь надо, чтоб не умер раньше срока, потому что у каждого человека свое назначение на земле».

Под восторженный гул зрителей упряжка Пата вынеслась на финишную прямую и первой пересекла заветную черту. По инерции собаки пробежали немного, стали, и мальчик бросился обнимать своего Атака, тормошить и целовать.

Посоветовавшись, судьи объявили победителем гонки Пата Вытхуна и вручили ему приз — прекрасное двухствольное ружье тульской работы.

Древний Глаз по-прежнему сидел посреди стариков на левой трибуне, хмурый и величественный. Хоть Пат и выиграл соревнование, последнее слово было не за мальчиком, а за стариком, и это понимали все окружающие, все, кто слышал об угрозе Древнего Глаза, что плаган будет принесен в жертву в дни праздника.

Бесспорно, в поселке были такие, кто признавал правоту старейшины, были и несогласные, но как это часто случается — они молчали, а некоторым просто-напросто на все было наплевать, кого убьют и зачем, о них же и говорить не стоит, потому что это самые ничтожные люди.

Между тем, и Атак никуда не убежал, предчувствуя, что решается его участь — он сидел неподалеку, на горке, без движения, как памятник, с высокомерным достоинством глядя в сторону левой трибуны. Конечно, никто не помешал бы ему скрыться в лесу и там впопыхах бродить по урочищам, выжидая, когда все о нем позабудут и время залечит его вину, и потом появиться в поселке скромно и незаметно, словно бы это не он, а кто-то другой, под новой кличкой. Так бы он и поступил, наверное, в недалеком прошлом, но какое-то властное чувство, которое было сильнее страха и осторожности, держало его на горке.

По-прежнему гулко раздавались удары по бревну, и в такт им подергивалась деревянная

голова медведя, и все ждали, что-то будет дальше, и посреди этого немого ожидания мальчик не спеша стал подниматься по ступенькам к человеку, на глазах которого прошла жизнь отца и началась жизнь его, Пата, и который даже в поражении сохранил осанку величия. Остановившись перед Древним Глазом, торжественно протянул ему ружье:

— Это мой подарок вам, глава рода Мыбинг.

Старик выпрямился, поправил на голове шапку, чтобы в образовавшуюся паузу прикинуть все за и против, оценить обстановку и уже после сказать то, что приличествовало бы его летам и мудрости.

И сквозь самомнение старости, которая тешит себя тем, что у нее и опыт жизни, и высокое положение в обществе, и непогрешимый авторитет, Древний Глаз вспомнил себя таким,

как и Пат, вспомнил свою детскую гордость и горячность, и свои обиды. Окинув взглядом лица стариков, которые явно были на стороне мальчика, и столпившихся внизу зрителей, старейшина помедлил в задумчивости и сказал:

— Я вижу перед собой мальчика и вижу перед собой мужчину. Пат Вытхун доказал это в гонках и я принимаю его дружбу.

С этими словами он отстегнул от пояса охотничий нож в кожаном чехле и отдал его сыну каюра. Обменявшись подарками, Древний Глаз и Пат Вытхун сели рядом, и для мальчика, бесспорно, то была высокая почесть.

Атак спустился с горки и неторопливо победил к своему дому, и люди, расступаясь, давали ему дорогу, и мальчик с гордой улыбкой смотрел ему вслед, пока пес не скрылся за поворотом.

ЖИТЬ ДОЛГО— ЭТО СКОЛЬКО?

После того как «Костер» рассказал о «самом старом пионере нашей страны» (1964 г., № 11), в редакцию стали приходить письма с вопросами: «Что такое старость?», «Почему старость наступает?», «Как сделать, чтобы долго жить?»

Подробно на все эти вопросы ответить сложно, многое тут еще науке не ясно.

Но кое-что постараемся объяснить.

Когда начинает стареть человеческий организм?

Очень рано, с момента рождения. Слово мотор, который начинает срабатывать уже с запуска. Вместе с развитием в организме начинается старение отдельных органов и тканей. И происходит это незаметно, на протяжении многих лет.

Помешать этому процессу нельзя. Ну, а замедлить его — можно? И как это сделать?

У Шустрика и Штопки одинаковые розовые носы и пушистая-пушистая серая шерстка — так и хочется погладить. Их невозможно было бы отличить друг от друга, да только левое ухо у Шустрика совсем черное.

Шустрик и Штопка — брат и сестра. Веселые крольчата очень быстро привыкли к всеобщему вниманию, и их глаза обиженно косили, если кто-нибудь проходил мимо, не бросив крольчатам хотя бы ласкового слова.

В новые клетки крольчата переселились без скандала, и только когда за ними захлопнулись дверцы, они почувствовали, что жизнь в новом помещении гораздо хуже. Штопку еще выпускали иногда погулять, а Шустрик оставался в клетке в одной и той же позе целыми днями. Его

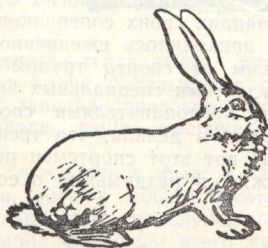
черное ухо удивленно повисло, веселые глаза потускнели, у кролика пропал аппетит.

Через некоторое время пришлось любимца лаборатории перевести в большую клетку, где он долго еще приходил в себя.

Шустрика спасли. Но почти половина животных, находившихся в полной неподвижности, погибла. Те, которых выпускали из клеток хотя бы на полчаса в день, наоборот, почти все остались живы.

Этот опыт показал, что живому организму противо-

показана неподвижность, и об очень многом сказал ученый.

Сколько может жить человек? Ученые довольно единодушно называют цифры: 140-160 лет. Пожалуй, это многовато, но 100-

120 лет — вполне реальный срок. Ведь только в нашей стране живет более четырех тысяч человек, которым перевалило за сто.

Выходит, что у нас в запасе как бы вторая, непрожитая жизнь.

Недавно американское географическое общество опубликовало труд, в котором утверждается, что че-

ловек может прожить даже... 1400 лет. При одном условии: если его ежегодно на 3-4 месяца погружать в летаргический сон. Конечно, эта гипотеза пока носит очень спорный характер.

Попытки удлинить человеческую жизнь предпринимались во все века и всеми народами. Иногда они принимали курьезные с нашей точки зрения формы. В древнем Риме, например, была распространена так называемая герокомания: считалось, что омоложение старцев может наступить при тесном общении их с детьми. Утверждалось, что помогает воздух, выдыхаемый молодыми людьми.

В XVI веке немецкий алхимик Парацельс рекомендовал эликсир, который продлевает жизнь до шестисот лет. Сам он, однако, умер пятидесятилетним.

Старость — не болезнь, лекарства от нее не пропишешь. Но бороться с ней можно, можно отодвинуть ее приход. Существует целая наука — гериатрия, это наука о заболеваниях пожилого возраста, о лечении преждевременного старения. Ведь к большинству людей старость приходит раньше, чем следует.

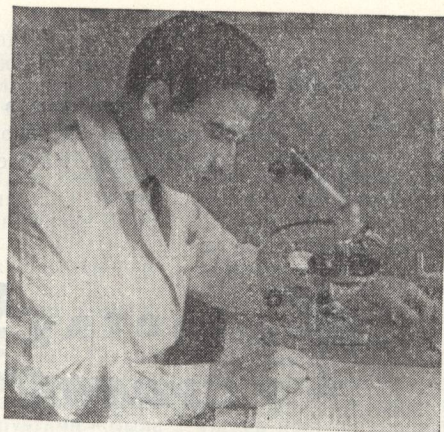
В последние годы все больше медицинских учреждений занимается вопросами долголетия. Врачи-гериатры уже знают многие из причин раннего старения. Одна из них — малоподвижный образ жизни, как это показал опыт с Шустриком и Штопкой.

В № 11 за прошлый год «Костер» рассказал о самом старом пионере, старейшем долгожителе нашей страны 159-летнем Ширали Муслимове.

Ширали-баба очень хорошо ответил на вопрос, в чем секрет его долголетия. Он сказал:

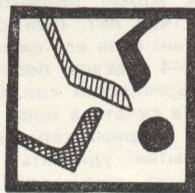
— Я всегда любил работать и у меня всегда был веселый характер.

Лучшего рецепта не придумаешь.

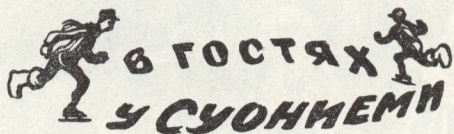
Б. Л. Смолянский

Беседу с кандидатом медицинских наук Б. Л. Смолянским записала спец. корр. «Костра» Л. Ваганова.

БИТВА НА АБАУ

По традициям в декабрьском номере «Костра» рассказываем об одном из интереснейших спортивных событий года. На этот раз — о хоккее.

Ходить в гости я люблю. Но в Финляндии гостей принимают по-особенному...

— Раздевайтесь! — радушно воскликнул хозяин дома монтер Суониemi.

Мы сняли и повесили на вешалку свои пальто.

Суониemi и его мальчишки неожиданно повели нас вниз, в подвал.

На скамейке лежала стопка чистых полотенец.

— Раздевайтесь! — воскликнул хозяин еще радушнее.

И только тут мы вспомнили о старинном финском обычае: дорогого гостя полагается хорошенько попарить в домашней парной бане, сауне.

Суониemi подал пример своим гостям и, распахнув дверь в парилку, стоял на основном пороге прекрасный, как статуя работы прославленного Аалтонена (Еще бы! Ведь этот монтер — рекордсмен своей страны по спортивной гимнастике, призер Олимпийских игр в Мельбурне).

Полчаса в сауне снимают любую усталость, а если над тобой еще поработал венником олимпийский чемпион, чувствуешь себя заново родившимся. И вот, заново родившиеся и благодушные, мы сидим на диване, а хозяин дома, потихоньку ворча, включает телевизор («Проклятая машина, куплена в рассрочку — платишь, платишь, а конца не видно...»).

В эти дни по всем телевизионным программам — хоккей. Сегодня игры уже кончились. И сейчас с ледяного поля зимнего стадиона Яхалли передают всякие забавные номера: клоун, потом фокусник-негр на коньках глотает огонь... Потом начинаются игры для зрите-

лей. Кое-что я записываю, чтобы рассказать нашим ребятам. Очень веселые соревнования в беге на одном коньке (другая нога в большом, не по размеру валенке) и в метании утюгов по льду в цель.

По пути к Суониemi мы уговорились: ни слова о хоккее. Хватит на сегодня. Тем более, что хозяин гимнаст. Но хозяин первым заводит разговор о том, чем живет сейчас его город. И оказывается, что гимнаст тонко разбирается в законах ледяной игры. И нам очень интересно мнение этого настоящего рыцаря спорта.

Здесь мне хочется сказать еще несколько слов о Калеви Суониemi.

Отец его был извозчиком и борцом-любителем. Калеви с детства стал заниматься гимнастикой. Делал большие успехи. Конечно, сыну извозчика рано пришлось начать трудовую жизнь. В течение многих лет изо дня в день его режим был нерушим: после работы он шел в спортивный зал рабочего клуба, три часа тренировался, возвращался домой, восстанавливал силы в уже знакомой нам сауне и ложился спать. Только непреклонное, подлинно рыцарское служение Его Величеству Режиму помогло Суониemi побеждать на соревнованиях своих соперников, из которых многим отнюдь не приходилось ежедневно заниматься тяжелым и далеким от спорта трудом (большинство из них были студентами специальных спортивных учебных заведений или преподавателями спорта, так что по существу только и делали, что тренировались).

И вот этот спортсмен поделился с нами своими тревожными раздумьями о современном хоккее...

Многое, о чем сказал нам Суониemi, было темой наших разговоров в перерывах между периодами в пестрой толчее коридоров ледяного дворца Яхалли.

Как известно, существуют в мире два хоккея: любительский и профессиональный, развитый главным образом в Канаде и США. И разница не только в том, что любители играют из любви к спорту (почему и называются любителями), а профессионалы играют за деньги. Разница в самой сути игры. Профессиональный хоккей развлекает зрителей картинками жестокой борьбы. Любительский хоккей — это игра, в которой быстрота и сила должны быть подчинены единому замыслу.

Должны быть...

К сожалению, в Тампере мы порой видели хоккей, далекий от благородных традиций любительского спорта.

Путешествуя по Финляндии, я опоздал к началу чемпионата, и первым матчем, который мне удалось посмотреть, был матч США — Канада. В те дни канадская команда еще была в числе основных претендентов на золотые медали. Что же касается американцев, то многие колебались, можно ли предположить, что они войдут хотя бы в первую пятерку. Победа посланцев родины хоккея казалась предрешенной.

Но, видно, слишком уж насмотрелись у себя дома канадцы и американцы на игру профессионалов. И зрителям в Яхалли были показаны все «красоты» профессионального хоккея. Готов поручиться, что игроки обеих команд били клюшками по клюшкам, а то и по конечностям противника, в два раза больше, чем по шайбе. В зале стоял треск ломаемых клюшек, яростный

хрип и выкрики игроков. И что же? Канадцы, чей спортивный уровень неизмеримо выше американского, в течение тридцати игровых минут не могли ничего сделать. И, проводя в середине второго периода первую шайбу, с огромным трудом добились победы. Были в этом матче просто позорные моменты, когда удалению подверглись два американца сразу, и канадская пятерка не могла сломить сопротивления трех американских игроков, ибо по-прежнему делала ставку не на игру, а на драку.

К счастью, уже следующая встреча имела совсем другой характер.

Желто-голубые шведы играли против наших красных гигантов. Вот это было зрелище! Конечно, хоккей не балет на льду. И когда мчался вперед Свен Юханссон, известный под прозвищем «Тумба», трудно было ожидать, что наш стокилограммовый защитник Саша Рагулин встретит его грациозными пируэтами. Была силовая борьба и броски на борт — было мужественное состязание, состязание в рамках правил, подчиненное спортивной задаче и спортивным законам. Приспущенный на флагштоке шведский флаг, казалось, салютовал победителям, вырвавшим трудную (3:2) победу (хотя на самом деле флаг был приспущен по поводу кончины престарелой тетки шведского короля).

Конечно, тревожились мы, спортивные журналисты и болельщики, не только из-за снижения уровня технического мастерства у наших заокеанских соперников. Достаточно тревог доставляли нам и наши друзья, соседи и в недавнем прошлом хоккейные учителя — игроки чехословацкой команды.

После блистательного разгрома канадцев (чехи выиграли 8:0!), почти все прочили чехам тамперское золото. В запасе у нашей команды таких ярких побед не было.

После матча Канада — Чехословакия в тамперской газете появились прогнозы спортивных журналистов на матч СССР — Чехословакия. Все без исключения западные обозреватели сулили победу чехам. Мы тоже были осторожны в своих пророчествах. Некоторые из моих друзей пообещали ничью. Я был уверен в нашей команде и предположил нашу победу 4:3.

Думаю, что не только для меня, но и для всех нас, миллионов советских любителей спорта, тех, кто видел матч с Чехословакией в Яхалли или по телевидению, одна минута этого матча стала самым ярким спортивным впечатлением уходящего года. Помните? Последний период. В отчаянной попытке отыграться чешский тренер идет на крайнюю в хоккее меру — заменяет вратаря шестым полевым игроком. И тут же Леонид Волков изящным ударом посылает шайбу к воротам чехов. Грянула тишина в огромном зале. Казалось, шайба не летит по льду, а неторопливо и неотвратно течет к цели. С кем я ни говорил потом, все упоминали это ощущение неотвратимости гола. Никому из зрителей, а главное, никому из игроков чехословацкой команды даже не пришло в голову, что еще можно попытаться изменить путь шайбы, швырнув вдогонку клюшку.

Это была тактическая, техническая и, прежде всего, волевая победа советской сборной.

А болельщики — ради таких вот мгновений они и мерзнут на открытых стадионах, стоят в очередях у касс и готовы ездить за хоккеем хоть на край света.

Один журналист норвежского телевидения сказал мне, что он коллекционирует кличи болельщиков разных стран. В Тампере он записал шведское «Хейя, хейя!», канадское «Гоу, Кэнэда, гоу!», американское «Хей, хей, ю эс эй!».

К сожалению, советских болельщиков было в Финляндии не так уж много, и, хотя к голосу писателя Шолохова или актера Ильинского прислушивается весь мир, на трибунах стадиона они были всего лишь рядовыми болельщиками, как бы ни кричали они: «Шайбу!» — болельщики соперников не стеснялись заглушать их свистом, топотом и своим кличем.

И все же наше «Шайбу!» звучало мощно, поддерживая в трудные минуты ребят на поле.

На самых дешевых, угловых, секторах собиралась целая армия наших помощников — мальчишек и девочек города Тампере.

Тамперские ребята, среди которых очень много пионеров, давние друзья советского хоккея. В рабочем районе Тапиола мальчишки даже назвали свои дворцовые команды «Спартак», «Динамо» и ЦСКА и форму себе раздобыли такую же, как у советских «одноклубников». Кстати, несмотря на строгое расписание, Борис Майоров и Виктор Кузькин нашли время побывать в гостях у «Спартака», «Динамо» и ЦСКА.

Хорошо помогли нам ребята. И, хотя по незнанию

русского языка многие кричали не «Шайбу!», а «Шайку!» или даже «Сайку!» — это было здорово.

И поэтому я чувствую себя перед ними отчасти виноватым...

Проявив все качества, которые требуются от современного хоккеиста — скорость, силу, тактическое мастерство, я в момент закрытия чемпионата прорвался к нашей команде и получил в подарок от Старшинова клюшку с автографами чемпионов.

Но, когда гордый и успокоенный я вышел в последний раз из Яхалли, мне с моей клюшкой пришлось пробиваться сквозь такую осаду, какой не встречал еще ни один нападающий в мире. Тысячи ребят обступали меня, крича одно лишь слово: «Майла!»

Майла — по-фински клюшка.

Не знаю, за кого там они меня приняли, но они требовали трофеев.

Я раздал им все значки и открытки.

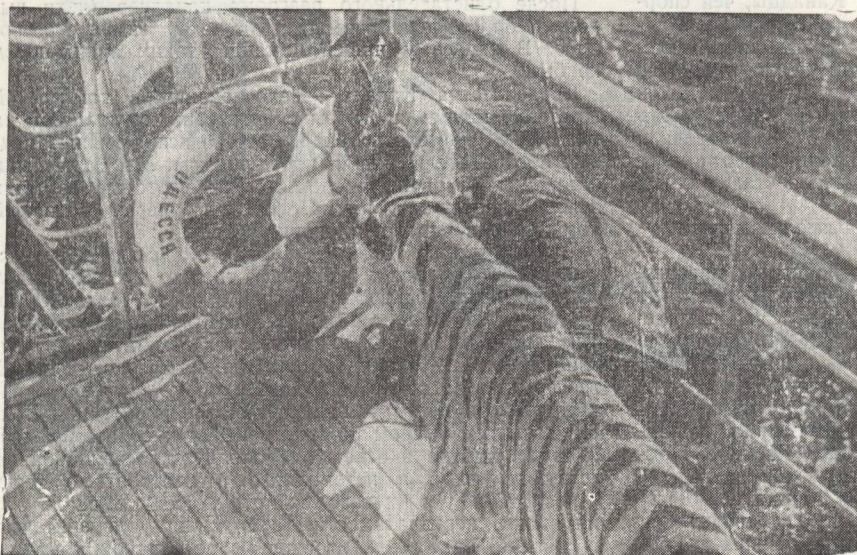
Но клюшку я просто не имел права отдавать. Я обещал привезти ее в редакцию для читателей «Костра».

И тогда я вспомнил мастерство бывшего владельца этой клюшки Старшинова и ловким финтом обошел сразу восемь мальчишек, стоявших между мной и автобусом.

Они только рты поразевали.

И я шлю им сейчас новогодний привет!

А. Лосев,

Оператор Д. Месхиев делает «портрет» тигра для «Полосатого рейса».

КИНОКАМЕРА СНИМАЕТ САМА...

Вы, конечно, видели кинофильм «Полосатый рейс», и, конечно, весело смеялись над злоключениями незадачливого «укротителя», с интересом следили за проделками обезьяны — виновницы всех бед и восхищались смелостью девушки, которая сумела загнать в клетки оказавшихся на свободе тигров...

Но кинематографистам, снимавшим этот фильм, было не до смеха. Во время съемок на теплоходе, прежде чем выпустить тигров из клеток, подавали сигнал тревоги, и все работники съемочной группы и члены экипажа укрывались в каютах. Все, кроме дрессировщиков и кинооператора Д. Месхиева. Оператор не мог спрятаться. Он должен был снимать тигров.

Сначала съемки производились из... клетки. Выглядело это так: тигры были на свободе, а оператор сидел в клетке. Однако клетка мешала вести съемку. Тогда оператор стал снимать сцены с тиграми, находясь среди хищников. Дрессировщики всегда были рядом, но оставалась опасность: «Что если любопытный тигр заинтересуется человеком со стрекочущим аппаратом и захочет познакомиться с ним поближе?..» К счастью, все кончилось благополучно.

Снимая «Полосатый рейс», кинооператор Д. Месхиев проявил подлинное мужество.

Есть и другие случаи, когда кинооператору приходилось быть храбрым, чтобы суметь запечатлеть яркие, выразительные кадры.

Помните пожар в фильме «Неотправленное письмо»? Кинооператор С. Урусевский находился в самом пекле, ежеминутно рискуя быть раздавленным падающими горящими деревьями...

Кинооператор «Поезда милосердия» К. Рызов привязался ремнями к поручням вагона и, повиснув на ремнях, на полном ходу снимал поезд сбоку...

А эпизоды кавалерийских атак? Бешеные кони как бы пронесятся над головой зрителя... Такие кадры снимают из маленьких, специально вырытых окопчиков, и кони действительно пронесятся над самой головой оператора... Иногда, чтобы получить выразительную панораму горюда, приходится часами «болтаться» в люльке строительного крана, а иногда — часами стоять в воде, если идут сцены на реке...

Не удивительно, что кинематографисты мечтали о том, чтобы съемочной камерой можно было управлять на расстоянии, дистанционно.

При обычной съемке оператор через видоискатель видит все, что снимает камера.

Если же она находится далеко, то в видоискатель уже не заглянешь. Вот и пришлось отказаться от самого простого способа управления камерой на расстоянии — от управления с помощью длинных тонких тросиков.

Для того чтобы управлять камерой, нужно видеть, что она снимает, то есть видеть на расстоянии. И естественно, что инженеры «Ленфильма» обратились к телевидению. Ведь само слово телевидение означает видеть далеко, видеть на расстоянии.

Маленькая телевизионная передающая камера, установленная рядом с киносъёмочной камерой, увидела то же самое, что увидел бы оператор через видоискатель.

От передающей камеры изображение передали по кабелю в телевизионный приемник, похожий на обычный телевизор. На его экране кинооператор увидел снимаемый кадр. Причем, раньше то, что снимает камера, мог наблюдать один кинооператор, теперь на экранах телевизора это одновременно видят и оператор, и режиссер, и все, кому полагается видеть.

Видеть, что снимается, — полдела. Нужно управлять камерой так, чтобы она сама поворачивалась за актером и в горизонтальном и в вертикальном направлении. Мало того, во время съемки необходимо следить, сколько метров пленки отсняла камера. Ну и, конечно, требуется на расстоянии пускать и останавливать мотор камеры.

Проще всего было с мотором — протянули от него провода к пульту с телевизором и поставили на пульте выключатель. А вот с поворотами камеры дело обстояло сложнее...

И все-таки решение было найдено. Инженер Л. Гольштейн изобрел управляемую на расстоянии панорамную головку для установки киносъёмочной и телевизионной камер.

На пульте управления — две ручки. Кинооператор поворачивает одну — и обе камеры послушно «плывут» слева направо. Поворачивает в другую сторону, камеры меняют направление справа налево. Вторая ручка служит для управления наклоном камеры — снизу вверх или сверху вниз.

На пульте есть и дистанционный счетчик метров отснятой пленки.

Сидя за пультом, кинооператор может поворачивать камеру, видеть на экране телевизора, что снимает камера, и следить по счетчику за отснятой пленкой.

Впервые управление камерой на расстоянии применили для второй серии кинофильма «Балтийское небо». Снимался эпизод героических боевых действий советских летчиков. Сюда входили кадры воздушного налета на вражеский железнодорожный узел. Авторы фильма хотели показать эти кадры как бы с точки зрения самих летчиков.

На берегу озера в Сестрорецке на площади более 1000 квадратных метров построили макет узловой станции. При помощи тонких скрытых тросиков можно было двигать по макету модели поездов. Под «рельсы» и «станционные постройки» заложили пиротехнические взрывные заряды, «цистерны» залили горючими смесями, дающими яркое пламя и густой дым.

Панорамную головку с обеими камерами укрепили на конце десятиметровой стрелы крана. Камера смогла двигаться над макетом, воспроизводя полет пикирующего самолета. Оператор М. Покровский контролировал снимаемый кадр по экрану телевизора и, вращая рукоятки на пульте управления, поворачивал камеры так, чтобы «пикирующий самолет» выходил точно на «объект» и затем резко начинал подъем.

И вот этот кадр на экране.

...Несутся нам навстречу станционные постройки, пути, забытые тозариными составами, горящими цистернами, платформы с танками... Зритель ощущает стремительность пикирования. По среднему пути с большой скоростью движется поезд — фашисты хотят вывести один из эшелонов с горящей станции. И мы чувствуем, как летчик выводит свой самолет на этот эшелон. Взрыв!.. На бреющем полете самолет проходит над станцией, железнодорожным мостом и взмывает вверх. Земля уходит куда-то вниз. Впереди — чистое небо...

Движение «поездов» и взрывы в макете хорошо согласованы с движением камеры, поэтому получились необычайно выразительные кадры. Как-нибудь иначе, другими способами снять их было невозможно. Дистанционное управление позволило находиться движущейся камере непосредственно в зоне огня и взрывов. Съемка в таких условиях самим кинооператором была безусловно исключена.

Кинокамера снимает сцену в море

Дистанционное управление кинокамерой применили при натуральных съемках недавно законченного широкоэкранный кинофильма «Друзья и годы». Кинооператор Э. Розовский снял много впечатляющих кадров. В одном из них камера начинает съемку с крупного плана героини, стоящей на балконе второго этажа, а затем опускается вниз, на улицу; в другом быстро идущий поезд наезжает на камеру; в третьем — герои уплывают далеко в море, а камера следует за ними, снимая их то издали, то совсем рядом...

Для съемки многих кадров, показывающих большие пространства, например, поле сражения или огромное современное строительство, надо поднять камеру как можно выше над землей. Если поднимать камеру вместе с оператором и его ассистентом, то кран должен быть очень сложным и прочным. Самые большие операторские краны имеют стрелу всего в 6 метров, и при этом они такие тяжелые и неповоротливые, что используются только в редких случаях. Новая панорамная головка весит в 10 раз меньше, чем весит площадка с оператором, ассистентом и камерой. Такую головку просто поднять на большую высоту, если использовать для этого специально построенный легкий кран со стрелой в 10 метров.

Опыт «Ленфильма» помог московским инженерам разработать головку для установки на строительный подъемник высотой в 20 метров. Это позволило снять общий вид Бородинского сражения для фильма «Война и мир», важные кадры кинокартины «Я — Куба».

Большие возможности новый способ съемки дает научно-популярному кино.

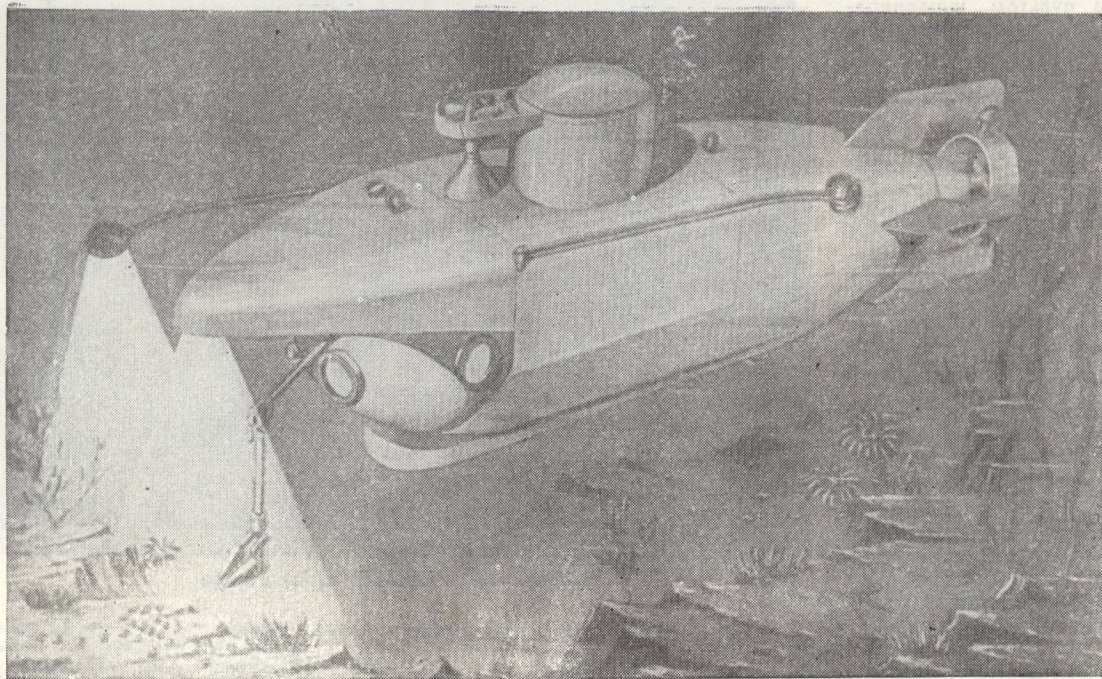
Кинооператору В. Асмусу нужно было снять гнездо птички славки для кинофильма «Закон великой любви».

Оператор замаскировался в курстарнике и приготовился к съемке. Но птичка обнаружила его, оставила сразу же гнездо и стала привлекать к себе внимание человека, отводить опасность от птенцов. Оператор замер. Он сидел совершенно неподвижно. Это продолжалось два часа. Славка садилась на киноаппарат — до того осмелела — но и тогда оператор не шелохнулся! Наконец птичка убедилась, что ее птенцам ничто не угрожает, и стала кормить их. Асмус смог начать съемку.

Теперь представьте себе, что в распоряжении В. Асмуса имелась бы камера с дистанционным управлением. У гнезда установили бы панорамную головку, протянули бы кабель к пульту, и кинооператор смог бы спокойно сидеть у пульта. Он мог бы шевелиться, разговаривать, пока птичка успокоится. К соседству «неживой» камеры славка привыкла бы гораздо скорее, чем к соседству человека. Важно и другое — у пульта рядом с оператором мог бы сидеть режиссер, который давал бы по ходу съемки советы и указания.

Дистанционное управление камерой — незаменимое средство для съемки пугливых животных и птиц, хищных зверей, для съемки в кратере вулкана и на дне морском...

Яков Бутовский, киноинженер

КОРАБЛЬ ГОТОВИТСЯ К РАЗВЕДКЕ

С. Гуревич

Гидростат — аппарат для изучения морских глубин, как известно, не может самостоятельно передвигаться. Лебедка, длинный трос, а на конце троса — кабина с исследователем. Ее тащит за собой на подводном буксире базовое судно.

Трудно работать в гидростате. Подводные скалы — большая опасность для него, особенно в качку: не увернуться! А если кабель оборвется? Погаснет свет, замолчит телефон?..

Конструкторы-«глубинщики» из ленинградского института Гипрорыбфлот задумались: как освободить корабль от привязи, сделать его маневренным, подвижным?

Пусть это будет самый настоящий корабль, со своим управлением, со своим штурманом. И чтобы он мог долго плавать под водой, нырять на глубину и ложиться в длительный подводный дрейф. И чтоб у него были хорошие «глаза» и «уши».

Главным занятием мезоскафа — а «Север-2» — аппарат для средних глубин (мезос по-гречески «средний») — будет разведка рыбных богатств. Сейчас промысловики спорят: с какой скоростью выгоднее вести трал? Одни считают — как можно быстрее, а другие боятся — вдруг трал начнет «капризничать» и слабо раскрываться. Вот пусть «Север-2» и проверит на месте, кто прав.

* * *

От смертоносного давления воды, от всех превратностей подводных стихий защитит людей и приборы прочный стальной корпус. Корпус корабля должен быть таким же гладким и обтекаемым, как оболочка дирижабля. Поэтому снаружи на него «надевают» обтекатель — иначе под водой аппарат станет неуклюжим и малоподвижным.

* * *

В 1538 году в испанском городе Толедо был спущен на воду первый водолазный колокол — большой горшок

со свинцовыми грузилами. Внутри были настланы доски, на них сидели два человека с зажженной свечой.

Свет в воде распространяется очень плохо. Слабый огонек свечи, конечно, не в силах рассеять мрак морских глубин.

Те, кто проводил ночи у костра, хорошо знают, что издали его пламя прекрасно освещает местность, а вблизи видимость совершенно теряется. Точно так же и с кораблем. Чем дальше отнеси от него источник света, тем больший обзор появится у наблюдателя. А «Северу-2» необходимо острое зрение. Иначе — какой же он разведчик?

Решили установить светильники по бортам корабля так, чтобы по команде штурмана они смогли выбрасываться вперед или в стороны на четыре-пять метров. Штурману и исследователю не придется каждый раз наклоняться к иллюминаторам. К их креслам подводятся оптические трубы, они как бы приблизят море к глазам пассажиров мезоскафа.

* * *

«Север-2» сумеет не только наблюдать, но и действовать. У него будет механическая рука. С крепкой хваткой. По приказу исследователя «рука» достанет с морского дна не только обломок породы, но и любое растение и животное. Она поднесет его к иллюминатору, «покажет» пассажирам мезоскафа, а затем бережно опустит в выдвижной ящик на носу корабля.

И все-таки главная забота мезоскафа — рыба. С подводного корабля рыб будут не только видеть, но и слушать. На борту «Севера-2» примет боевое крещение широкополосный магнитофон. Ученые смогут расшифровать записанные на пленку голоса обитателей морских глубин. В будущем «рыбьи разговоры» можно будет использовать как приманку. Заслышав сигнал «общего сбора», рыба сама поплывет в сети...

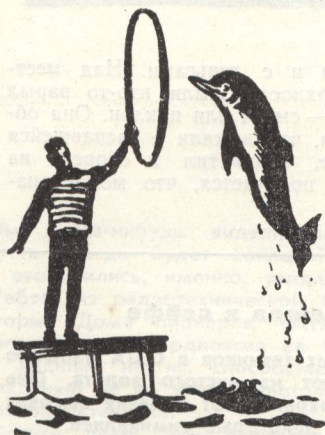
Домашние киты

Все вы, вероятно, читали веселую книжку Бориса Заходера «Кит и кот». В этой книжке все наоборот: «Кот огромный, просто страшный.

Кит был маленький, домашний».

Но есть ученые, которые совершенно серьезно считают, что скоро появятся домашние киты. Правда, речь идет не о китах-великанах, таких, например, как знаменитые полосатики со своим знаменитым китовым усом. Приручить собираются небольших китообразных — дельфинов.

И не только собираются. В Америке, Австралии, Франции уже удалось при-

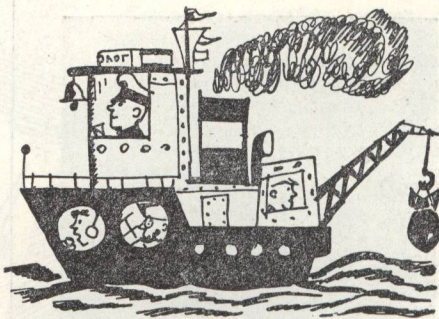

ручить несколько десятков дельфинов. Они оказались не менее понятливыми, чем, скажем, собаки, и большими любителями поиграть, покувыркаться, попрыгать через обруч.

В отличие от всех других животных дельфинов можно научить петь и даже говорить — разумеется, не так, как человек, но все же произносить отдельные слова, похожие на человеческие.

Корабль — геолог

Через каждые две минуты за кормой корабля-геолога — взрыв. Это заряд тротила, посланный с мостика в воду, достигает дна. Взрывная волна пронизывает водную толщу и, отражаясь от дна, возвращается к поверхности воды. Здесь ее улавливают передатчики корабля, укрепленные на тресе-«косе», которая тянется за ним на глубине 5—7 метров.

Характер взрывных волн говорит геологам, из каких пород сложено дно. Много взрывов надо произвести, чтобы составить карту морского дна, чтобы уверенно искать полезные ископаемые — нефть или металлы.

Шимпанзе — охотник

Англичанка Джэйн Гудол поехала в далекую африканскую страну Танзания, чтобы побывать в горном заповеднике, где живут человекообразные обезьяны-шимпанзе. И сделала удивительное открытие: шимпанзе умеют охотиться с орудием в руках.

...Вооружившись сухим стеблем травы (а стебли эти в заповеднике достигают четырехметровой высоты!), шимпанзе, отправляясь к термитнику. Дело было это в ту пору, когда личинки термитов, обзаводясь крыльями, готовились к первому полету. В ожидании «летной погоды», термиты закупоривали все выходы из жилища.

Осмотрев термитник, шимпанзе-охотник обнаруживал закупоренное отверстие и протыкал его острым стеблем, предварительно сняв руками верхний слой почвы.

Потревоженные термиты набрасываются на «врага» и впииваются в стебель своими жвалами (подобие челюстей). А шимпанзе только того и надс. Обезьяна осторожно вытаскивает стебель и аппетитно закусывает термитами. А потом все начинает сначала.

Дым устарел

Приятно пахнет копченая колбаса, корейка, ветчина! Искон веку эти продукты коптились дымом. Такой способ сложен и невыгоден при современном производстве, когда приготавливаются сразу большие количества мясных изделий.

В Варшавском институте мясной промышленности изобрели чудесную жидкость: на сто килограммов приготовленного мяса добавляется два грамма этой жидкости, и мясо приобретает аппетитный запах копчености.

Мой носолапы друг

Этот медвежонок ходил за мной по пятам, а когда уставал, норовил ухватиться за ушко сапога. Так ему было легче.

Поначалу мы водили его на самодельном поводке. Он попал к нам случайно, совсем маленьким, а оставлять его было не с кем. Наш дом — палатки поисковой партии — кочевали с места на место...

Фото И. Сигунова

Дождь и селедки

Июльским вечером 1940 года жители села Мещера Горьковской области стали очевидцами необычайной грозы. Вместе с ливнем, который сопровождался сильным ветром, падал град, похожий на крупную рыбью чешую.

При ближайшем рассмотрении «градины» оказались серебряными пластинками неправильной яйцевидной формы с изображением вооруженного копьём всадника и с надписью «Великий князь Михаил Федорович вся Руси». Ученые установили, что эти пластинки — копейки XVII века (главные русские деньги в те времена).

...Население Норвегии, Дании не раз получало вместе с дождем... селедки. Поднимет буйный смерч ввысь воду вместе с рыбой, а затем сбросит на землю.

Подобный случай произошел и с деньгами. Над местностью, где неглубоко от поверхности земли кто-то зарыл свои сбережения, прошла буря — смерч или циклон. Она обнажила клад, и легкие копейки, что лежали в распавшейся от времени глиняной кубышке, подхватил и сбросил на землю вихрь. Вот как иной раз получается, что монеты падают с неба.

Поющее веретено

Это было задолго до изобретения радио. Безвестные датские механики решили скрасить женщинам их нелегкий однообразный труд. Они научились соединять веретено с механизмом шарманки. Когда женщина начинала прясть, раздавалась приятная музыка.

Одежда в сейфе

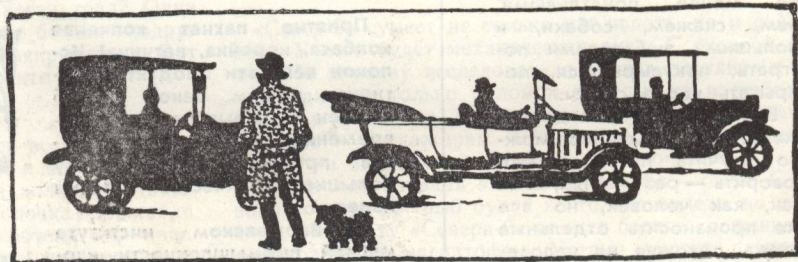
Для ракетных техников в США рабочую одежду делают из чистого золота. Она хорошо предохраняет от влияния высоких температур и некоторых химических веществ.

По окончании работы такую одежду прячут в надежные сейфы.

Кто тише

При слове «автогонки» мы представляем себе лавину мчащихся автомобилей новейших спортивных марок. А если нет ни бешеной скорости, ни новейших гоночных автомобилей?

Богатые лондонские бездельники организовали клуб владельцев машин выпуска до 1910 года. Гонки автоколымаг устраиваются ежегодно, причем специальный приз получает «гонщик», пришедший послед-

ним. Основное правило этих «музейных» гонок — машина должна двигаться без остановок.

ПОЮЩАЯ РАДУГА

Г. Аркатов,
Т. Курашова

Рисунки
Януса

Вы когда-нибудь видели песню «Пусть всегда будет солнце»? Мы не оговорились, именно, «видели»...

Ребята из радиотехнической лаборатории Дома пионеров Октябрьского района Свердловска не только видели, но и... способствовали появлению ее на экране цветомузыкальной установки.

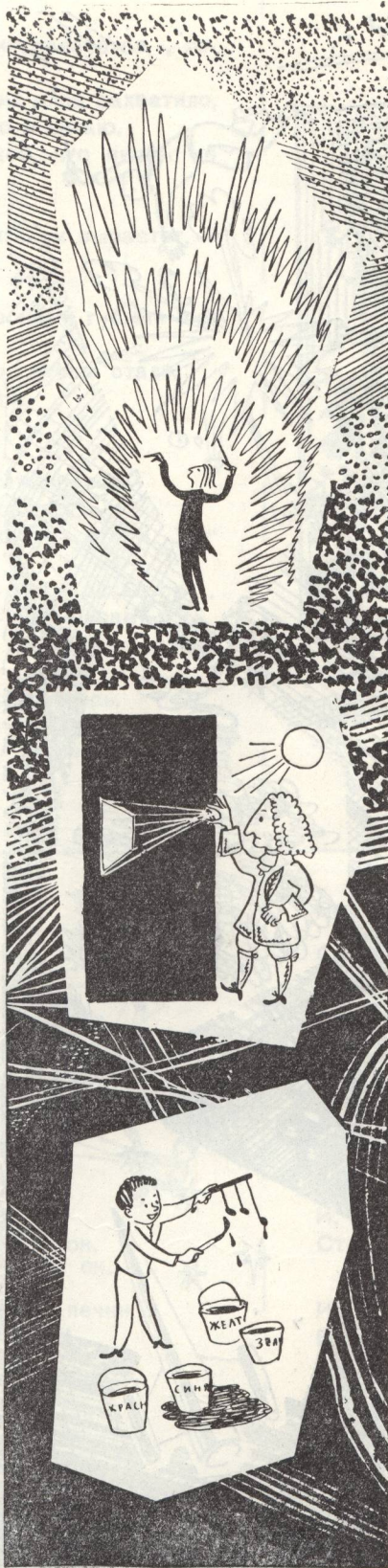
Хотите знать, как выглядит эта песня на экране?

Жора Окопишников включает «Радугу» — так называется эта установка — и рассказывает:

— Песня «звучит» переливами светло-голубого, синего и золотистых тонов. Но лучше всего смотреть самим...

Плексигласовый экран, до этого сверкавший таинственно и загадочно, озарился золотисто-голубым светом. Как будто луч солнца осветил чистое небо!

Потом «давали» «Итальянское каприччио» Чайковского. Багровые, синие, зеленые цвета, сменяя друг друга, причудливо переплетаясь, окрашивали экран, послушно следуя за музыкой. Последний аккорд — и

экран, залившись зеленым светом, гаснет.

Красиво?

Понятно?

Спросите у ребят, знают ли они финал из Второй Сонатины Сен-Санса, интродукцию и рондо-каприччиозо. Те, кто не видел их на экране, вряд ли помнят. Но те, кто увидел хоть раз, — забыть не могут: так необычно они прозвучали, так поразили воображение!

Все началось с небольшой информации, появившейся в газете.

Речь шла об опытной установке для демонстрации цветовой музыки. Ребятам рассказал о проведенном опыте и сообщении в газете большой любитель радиозлектроники Аркадий Борисович Гордин. Но разобравшись в том, что такое цветомузыка, смогли ребята только на практике...

На каких принципах работает установка? Ответ стали искать в технической литературе. Зарылись в книги, журналы, газеты. Узнали, что проблема связи звука и цвета стоит давно. Еще Ньютон разложил свет на спектр при помощи трехгранной призмы. Много исследований провел Ломоносов. Шаг за шагом постигали ребята азы цветомузыки. Узнали, что советские ученые профессор А. Лернер и инженер К. Леонтьев установили закономерности связи между звуком и цветом и построили установку для преобразования музыки в цветовую гамму. Триумфом сопровождалась демонстрация установки на Выставке в Лондоне — в Советском павильоне и на Всесоюзной Выставке Достижений Народного Хозяйства в Москве.

Где же мы были раньше! — и ребята задумали сконструировать подобную установку сами. Обратились за советами в Институт технической кибернетики. Оттуда вежливо ответили: «Попытайтесь!» Но, конечно, ученые рассказали, как работает большая цветомузыка и предупредили: создание установки стоит дорого!

Ребят уже ничто не могло остановить. В их арсенале были умелые руки, дерзкие замыслы... Да и опыт кое-какой накопился: сложные приборы — приемники, усилители, реле времени, автоматизированный стенд «космос» — все это уже было за плечами кружковцев.

Закипела работа. Как пишется и говорится в таких случаях, «не все шло гладко». Володя Волков собрал блок усилителей цвета довольно быстро. Собрал и надумал проверить. Включили. Все, кто был в лаборатории, с напряжением «установились» на экран. Заработает ли установка? Болельщикам и самому автору кажется, что радиолампы греют-

ся слишком медленно, нетерпение возрастает. Наконец появляются первые цветные блики, включается генератор звуковой частоты, цвет на экране начинает менять окраску...

Чистые цвета на экране сменяют друг друга. И вдруг... из установки повалил сизый дым. Как потом выяснилось, Володя, не подумав, взял первые попавшиеся провода, они не выдержали постоянного тока и загорелись. Этот урок надолго запомнился всем, послужил призывом к аккуратности.

Был и такой случай. Олег Зубарев и Авик Рабинович собирали несколько одинаковых схем на полупроводниках. Работа не очень сложная, но тоже требует полного внимания. Собрали, а проверить не проверили. Включили усилитель — искры, треск в радиосхеме. Двадцать шесть полупроводниковых диодов сгорели, как бенгальский огонь. Запасных диодов больше не было. Почти годовая работа ребят могла погибнуть из-за такой неаккуратности. Виновники страдали больше всех... Это пошло им на пользу. Вскоре всю настройку цветомузыкального блока Авик провел без единой ошибки.

Разработаны и смонтированы все схемы. Каким же должен быть экран — это уже пора решить, но все эскизы настоящих художников не нравятся ребятам. Решили рисовать сами.

Больше сорока проектов поступило на необъявленный конкурс. Первое место — предложению Юры Васильева. Необычной формы экран не похож на экран телевизора и даже на киноэкран, но красив, всем по душе. «Радуга» снабжена Юриным экраном.

Хорошую помощь оказали старшим кружковцам ребята, которые первый год работали в радиолaborатории. Казалось, чего от них ждать, но — Володя Тарасевич окрашивал лампы. Леня Уваров и Володя Вознесенский с Володей Мирошниченко смастерили экран из алюминиевых уголков. Валерий Устюжанинов высверлил отверстия в шасси усилителей.

Даже ребята из кружка столярного моделирования смогли внести свой вклад в это совершенно новое для Дворца пионеров дело. Они изготовили корпус, оклеив его цветным пластиком...

Установка цветомузыки состоит из двух блоков — цветового и звукового. Первый вырабатывает цветовые сигналы и посылает их на экран. Экран имеет форму неправильного эллипса, отдаленно напоминает глаз огромных размеров. Весь состоит из кусков оргстекла. Три источника света в цветоблоке: красный, синий, зе-

лений. Смешиваясь, эти три цвета дают возможность получить любые оттенки спектра.

Второй блок — устройство для усиления звуковых колебаний, которые поступают с микрофона или адаптера. На выходе этого усилителя установлены мощные динамики.

Детище кружковцев — «Радуга» готова. Изящная, она таинственно поглядывает большим плексигласовым оком. Сделана «Радуга» без помощи взрослых, вся, до последнего винтика. Авик колдовал над блоком фильтров, раскладывающих музыку на цвета. Георгий Окопишников — над усилителем звука. Олег Гайдук полностью отвечал за усилители цвета, Володя Мирошниченко монтировал излучатели. Вся техническая документация подготовлена Ириной Осинцевой.

Народный артист СССР, профессор М. И. Паверман был торжественно приглашен на первую демонстрацию «Радуги». Ему очень понравилась работа ребят. Дирижер высоко оценил ее: «Мне кажется, некоторые крупные симфонические произведения массового масштаба могут удачно сочетаться с соответствующей цветовой гаммой»...

И рабочие Уралмашзавода, и радисты, и инженеры оставили в книге отзывов самые приятные записи. Пожелания всех, кто знакомился с цветомузыкальной установкой «Радуга», носят совершенно деловой характер. Ребята не задумывались раньше, что ведь не только для передачи музыки годится их электронный прибор. Он может найти применение и на заводе-автомате, и на космическом корабле. Оператору или космонавту надо реагировать немедленно на поступающие сигналы. Но есть и сигналы, которые могут « подождать ». Установка может окрашивать сигналы того и другого рода в разные цвета: участок экрана делается багровым, если обстановка аварийна, голубым — если все идет нормально, зеленым, если следует принять решение, предусмотренное программой исследования...

*

* *

Ребята продолжают работу над усовершенствованием своей любимой «Радуги», несмотря на то, что на Выставке Достижений «Радуга» награждена золотой медалью, а ее авторы получили медали «Юный участник ВДНХ» и ценные подарки. Скоро «Радуга» отправится за океан: в Нью-Йорке организуется выставка детского технического творчества.

Счастливого пути, «Радуга»!

— Политикой, наверное, интересуется, — говорит папа.

У меня прямо дух от этих слов захватило, и я ему ничего не отвечаю и читаю.

— Так увлекся политикой, что ничего не замечает, — говорит папа.

— Ага! — думаю.

— Государственным деятелем вырастет, — говорит папа.

— Ого! — думаю.

Пальцем по строчкам вожу и губами шевелю.

А настроение у меня еще лучше стало.

— Умница, — говорит папа.

Я все вожу и шевелю.

И он вдруг говорит:

— Что же ты все-таки там прочел?

— ОТ... и ... ТО.... — говорю.

— Выходит, ты всю газету „от“ и „до“ прочел?

— Немножко, — говорю, — еще осталось...

— А это какая буква? — спрашивает.

И показывает он мне букву, которая на Т и О непохожа.

И настроение у меня испортилось.

Виктор Голявкин
Рисунок К. Савкевич

8

Рисунок В. Левитина

Декабрь год кончает, зиму начинает

1

Петя спит и видит сон.
Расскажу, что видит он.
Видит он,
как из-за печки
Выбегают человечки.
Проверяют
в лунном свете,
Хорошо ли спится Пете.
Не сползло ли одеяло?..
Нет,
сегодня
как назло
Голубое одеяло
Почему-то
не сползло.

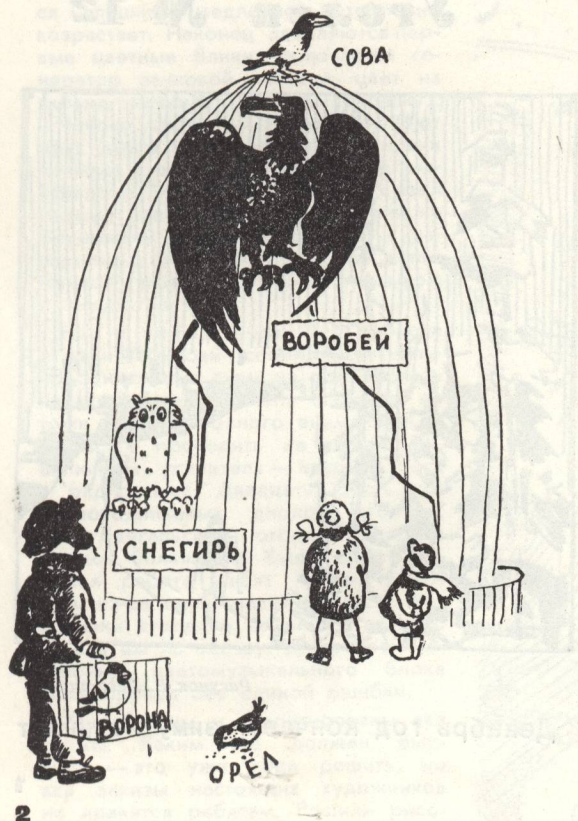
4

Вот вчера,
когда упало
С Пети на пол
одеяло,
Весь их маленький народ
Полон был больших забот:
Голубое одеяло
Поднимали человечки,
Голубое одеяло
Выбивали на крыльчке
И, забравшись на кровать,
Стали

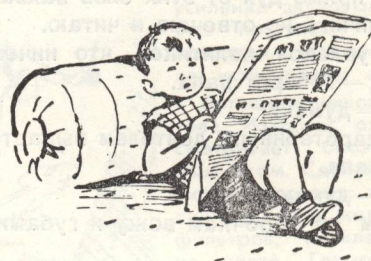
Петю
укрывать.
И, укрывши аккуратно,
Все за печку —
Шмыг обратно!..
А последний человечек
Вдруг подпрыгнул,
как кузнечик,
Петю в лоб
поцеловал
И за всеми убежал.

Вл. Лифшиц
Рисунки Б. Семенова

2

ОТ и ТО

Настроение у меня хорошее было.
Лег я на диван, взял газету, читаю.
Отец увидел и говорит:
— Ого! Он газеты читает!

Две буквы только я всего-навсего знаю:
О и Т. Если О и Т вместе сложить — ОТ по-
лучается. Иногда — ТО получается. А больше
я ничего не знаю. И вот я вожу пальцем и
попадаются мне О и Т, и получается все
время только ОТ и ТО.

7

Прибежали в город Львов
Двадцать пять веселых львов:
— Люди, знаете ли вы,
Где живут во Львове львы?
Объяснить я львам готов:
— Есть во Львове много Львов,
Есть во Львове много Львов,
Но без грив и без хвостов:
Львы... Ивановичи,
Львы Степановичи,
Львы Даниловичи,
Львы Гавриловичи,
Львы Петровичи,
И Львы Львовичи!

Е. Руженцев
Рисунки Б. Семенова

6

СНЕГИРЬ

Я ни разу, откровенно говоря,
Не видал еще живого снегиря.
Оттого-то и поверить не могу,
Что не мерзнет эта птичка
на снегу.
Я из птиц, любимых мною, назову
Воробья, орла, ворону и сову.
Чтобы пятого прибавить
к четверем,
Познакомиться хочу со снегирем.

А. Шарымов

Художница Ирина Казакова прочитала это стихотворение и сказала: «Я-то знаю снегирей! Сейчас я нарисую снегиря на соседней страничке "Уголька" среди остальных птиц». Но, так как художница была очень рассеянной, она перепутала подписи под птицами. Попробуйте расставить их правильно.

3

КУБИНСКИЙ ВИХРЬ

Немногом удавалось промчатся по стометровой прямой за 10,1 секунды. И один из них — «кубинский вихрь» Энрико Фигерола.

Как же Фигерола стал одним из сильнейших спринтеров мира?

— Вы, наверно, знаете, — рассказывает Энрико корреспондентам, — что на Кубе самым популярным спортом является американская разновидность лапты — бейсбол. В школьные годы я увлекался им, как и тысячи моих сверстников, и считался неплохим игроком. Однажды меня послали на легкоатлетические состязания. И что же: на стометровке я показал 10,8 секунды!

Спортивный мир впервые услышал о бегуне с острова Свободы в 1959 году, когда Энрико занял призовое место на Панамериканских играх. На олимпиаде в Риме он пробился в финал и финишировал четвертым. Спортивное мастерство кубинца крепло от старта к старту.

«Что самое главное, — отмечала французская газета «Экспресс», — он научился не только быстро бегать, но и побеждать».

Действительно, два года Фигерола не знал поражений на своей коронной дистанции, хотя за это время стартовал в забегах со всеми сильнейшими спринтерами земного шара.

На олимпийских играх в Токио лишь одному бегуну — замечательному негритянскому спортсмену Бобу Хейсу — удалось опередить быстроногого кубинца. Энрико вернулся на родину с серебряной медалью.

В последние годы Фигерола много раз посещал нашу страну. Он встречался с советскими спринтерами и на беговой дорожке, и на научных симпозиумах, где охотно делился своими «секретами».

Советских и кубинских легкоатлетов связывает крепкая дружба. Сейчас в Гаване с юными бегунами занимается прославленная советская чемпионка Галина Попова. Столь же охотно помогает юным легкоатлетам нашей страны Энрико Фигерола. На тренировках в Тарту и Киеве рядом с ним часто можно было увидеть мальчишек и девчонок. Простодушный и веселый кубинец не раз бывал почетным гостем на спортивных праздниках у советских пионеров.

Фигерола просил передать ребятам, занимающимся в школе «Спринт», и всем читателям «Костра» пожелание успехов на гравековой дорожке.

ПОПРОБУЙ ДОГОНИ!

Все чаще за последнее время на стадионах мира побеждают бегуны из африканской страны Кении. Мировым рекордсменом стал Кипчэнго Кейно, призовое место на олимпиаде завоевал Одинго Кипругут. Чем же объяснить необыкновенную выносливость и быстроту темнокожих спортсменов?

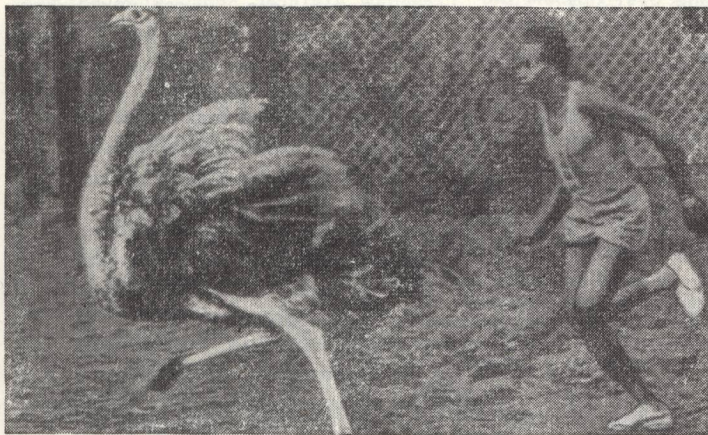
Оказывается, их наставник Вельзиан изобрел совершенно новый метод тренировки. Он предлагает своим питомцам бегать... за страусами.

Африканские страусы способны развивать недоступную для человека скорость — до 75 километров в час! При этом страус отрывается от преследователя как правило не дальше чем на три метра, считая, видимо, что этот интервал вполне обеспечивает безопасность. Такое расстояние остается одинаковым при любом темпе бега. В результате, спортсмен, постоянно находясь в непосредственной близости «лидера», может продолжительное время бежать с предельной скоростью.

На снимке сверху вы видите мирового рекордсмена Кейно на тренировке в своем родном городе Найроби.

Интересно, что к похожему способу тренировки на скорость прибегают и некоторые английские легкоатлеты. На снимке внизу: медалисты Токийской олимпиады Энн Пэккер и Боб Брайтуэлл состязаются с борзой.

А вот как предлагает тренировать спринтеров индийский карикатурист.

**Подлинная история
забавных и поучительных приключений
Кости Теркина,
записанная со слов героя
его друзьями**

5. КТО ХРАБРЕЕ?

Не окурки, не дощечки
Не баржа, не пароход —
Человек плывет по речке,
Плыть не хочет, а плывет.
По реке, по середине.
По теченью напрямик
Человек плывет на льдине,
Испуская громкий крик.
Он уже в тумане тает,
От волнения пунцов,
Погибает, пропадает
Школьник Петя Храбрецов.
Он с утра пугал девчонок
Из соседнего двора.
— Этот лед ничуть не тонок!..
Наплевать! Пройду! Мура!
Я по этому по льду
На тот берег перейду.
Я храбрее всех на свете —
Чтобы я — да утонул?!
По реке дрейфует Петя,
Воскликая: «Караул!»
Он учился в пятом классе —
Знать, не быть ему в шестом!..
Ни минуты нет в запасе!..
Вдруг!.. Смотрите! Там — с шестом

Костя прыгает на льдину
И плывет, шестом руля.
Он выходит на стремнину,
Наподобье корабля.
Вот спортивная снарядка, —
Ай да Костя! Молодец!
Вверх взматывается веревка.
— Эй, моряк, держи конец!
И минуты за четыре
К берегу в конце концов

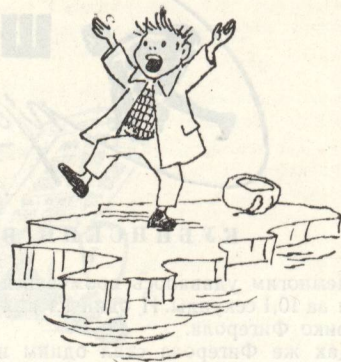
Был доставлен на буксире
«Храбрый» Петя Храбрецов.

* * *

— Не знакомое лицо вам?
— Не забудешь ни за что!..
Теркин Петю Храбрецова
Встретил в цирке шапито.
Снова та же твист-походка,
Снова «гордые» слова:
— Не преграда мне решетка!
Я сейчас ударю льва!
Теркин — Пете: — Представленья!
Ты смотри, не очень тут!..
Ну, а тот бежит к арене
И берет железный прут.
«Вот, мол, я — как будто дома,
Вот, мол, я — какой герой!»
Льва по лапе бьет прутом он
И над цирком — львиный вой.
Храбрецова — что тут проще?! —
В отделение ведут.
Только молвит дрессировщик:
— Подождите пять минут!
Согласитесь, видишь редко
Сорванцов как сей юнец!..
Пусть сейчас зайдет он в клетку,
Если он такой храбрец!..
Храбрецов, глазам не веря,
Смотрит, Теркин с места встал,
В клетку он вошел и зверю
Лапу он забинтовал!
Объясняет дрессировщик:
— Вот кто вправду молодец!
Теркин — старый мой помсщник
И, действительно, храбрец!

* * *

В подворотне Храбрецов
Подбирает храбрецов:
— Это, парни, разве тачка?!
Мы ее — одной рукой!
Ерундовая задачка
Прокатиться на такой!
Это — газовая ручка,
Чтобы, значит, «дать газа».
Эта штука-закорючка —
Безусловно, тормоза.
Нет ключа — найдем отмычку:
В зажиганье сунем спичку.
Застучало! Повело!
Кто на заднее седло?! —
Кепку пальчиком держа,

Он садится на «Ижа».
Чем садиться на «Ижа»,
Лучше б сел он на ежа, —
Потому что как ракетный
залп, как парус на ветру, —
Хлопнул гром мотоциклетный,
Раскатился по двору!
Страшный случай! Вид печальный!
Смертный номер цирковой!
Прямо к стенке вертикальной
Мчится гонщик чуть живой!
Мчится косо, мчится криво,
Под руками руль — как грива,
Обеспамятел вполне
На рогатом скакуне!
Он и рад бы соскочить,
Да не знает, что включить,
Он и рад бы убежать,
Да не знает, где нажать,
И тогда-то Теркин Костя
Посреди двора возник,
И тогда-то Теркин Костя,
В тот последний жуткий миг,
Без раздумья, без вопроса
Побежал что было сил,
Прыгнул прямо под колеса!..
Раз — и руль перехватил!..
Все в момент свершил, как надо:
Газ, сцепление, тормоза...
И от Костиного взгляда
Храбрецов отвел глаза.
И увидели ребята,
Кто из них из двух храбрец.
Хулигана ждет расплата,
Приключениям конец!

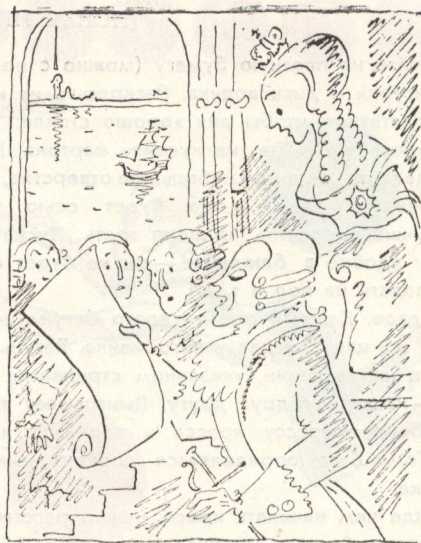

ДЕБЮТ АКТЕРА

В 1762 году императрица Екатерина II при помощи приятелей из гвардейского полка расправилась со своим мужем — пьяницей и картежником Петром III. Конечно, это событие сопровождалось немалой суматохой: не каждый ведь день убивают императоров! К тому же, всему надо было придать видимость законности, иначе неудобно получалось перед народом и иностранными государствами.

И вот, когда все прошло как по маслу и оставалось только провозгласить манифест, объявляющий Екатерину императрицей, и уже народ в зале собрался, и иностранные послы, и вышла к ним Екатерина, руководители заговора сообразили, что... за прочими делами забыли составить текст манифеста.

Вдруг среди общего замешательства из толпы выходит молодой никому не известный офицер, достает из-за обшлага камзола бумагу и почтительно просит у начальства разрешения зачитать манифест. Недоумевающие заговорщики разрешают, и юноша красивым голосом начинает читать: «Мы, божьей милостью...» — и все как полагается до конца.

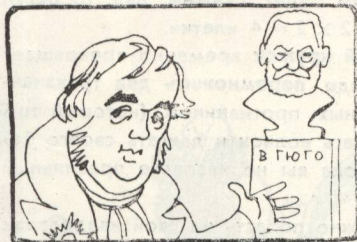

«Спасибо, братец, выручил, — услышал молодой офицер, едва закончил чтение. — Но откуда, откуда ты взял манифест?!»

Офицер улыбнулся и показал вельможам пустой лист бумаги.

Так рассказывает легенда о первом «публичном выступлении» основателя российского театра Федора Волкова.

ДОБАВЛЕНИЕ КРЫЛОВА

Был в пушкинские времена такой поэт второго разряда — Михаил Данилович Деларю. Вообще-то очень осторожный поэт. Пушкин писал о нем: «Деларю слишком гладко, слишком правильно, слишком чопорно пишет...» Но как-то Деларю воспарил... В журнале «Библиотека для чтения» он поместил перевод стихотворения Виктора Гюго «Красавице». Вздумав посоревноваться в силе выражения с мастером французского стиха, он в переводе отошел от оригинала и «наворачивал» бесчисленные красоты. Он писал:

*И если б богом был, — селеньями
святыми
Клянусь, — я отдал бы прохладу
райских струй,
И сонмы ангелов с их песнями
живыми,
Гармонию миров и власть мою над
ними*

*За твой единый поцелуй!
Крылов, прочтя эти восторги Деларю, приписал на журнальной странице убийственные две строчки:
Мой друг, когда бы был ты бог,
То глупости такой сказать бы
ты не мог.*

Веселый Архивариус благодарит художника Михаила Беломлинского, который нарисовал все картинки для „Уголка“ в 1965 году

СТОЛ ЗАГАДОК

ПОД ШЕЛЕСТ ТВОИХ СТРАНИЦ...

Художник Светозар Остров приколот на доску лист бумаги, в правом верхнем углу нарисовал красный галстук и, отложив кисть, принялся листать журнал «Костер» за 1965 год. Ему хотелось сделать обложку декабрьского номера красивой и занимательной, и чтобы она была и похожа на остальные одиннадцать обложек, и не похожей на них.

Чем дальше листал художник подшивку, тем больше удивлялся: вот здесь, на страничке, например, была нарисована ракета, — а где ракета? Осталось пустое место! И вместо фотографии старинной монеты пустое место! И вместо короля в ванне из «Веселого Архивариуса!»

Куда делись рисунки? Выцвели, что ли?

Но, взглянув на свой, для обложки приготовленный

лист, художник совсем удивился: вся бумага была уже зарисована, и были там и монета, и ракета, и король в ванне, и многое другое. Вот куда, оказывается, сбегали картинки из номеров «Костра»!

Взволнованный художник тотчас поспешил в редакцию. Я встретил его, взглянул — и воскликнул: «Это как раз то, что надо! Новогодний стол загадок готов!»

Внимание, самые внимательные!

Вопрос один:

К какому рассказу, очерку, стихотворению, заметке, помещенным в «Костре», относится каждый рисунок? Пересмотрите заново номера журнала за уходящий год и пришлите нам письма.

Это — последний выпуск «Стола загадок-1965». Награждение победителей совсем близко!

ВЕСЕЛЫЙ КРОСС

(НОВАЯ ИГРА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ)

Перерисуйте на плотную бумагу (можно с помощью кальки) фигурки и диск волчка. Раскрасьте их и укрепите на подставках, чтобы они хорошо стояли.

Диск волчка наклейте на кусочек картона. Концом ножниц сделайте в центре небольшое отверстие, вставьте заостренную спичку — она будет осью волчка. (Спичку лучше укоротить на одну треть. Пускать волчок очень удобно в блюдечке — он не будет сбивать фигурки, падать на пол и т. п.).

Играют двое. Каждый ставит своего бегуна на квадрат такого же цвета, какая у него майка. Бегуны будут двигаться в направлении, указанном стрелками, следовательно — навстречу друг другу. Выигрывает тот, кто раньше обойдет трассу кросса и вернется на свой квадрат. Темп бега определяется поочередным запуском волчка.

Но прежде чем начинать кросс, нужно расставить на больших разноцветных кружках фигурки Айболита, Мойдодыра, Хоттабыча и Человека Рассеянного. Это можно сделать также с помощью волчка — именно для этого на нем секторы, окрашенные в те же цвета, что и большие кружки. Запустив волчок несколько раз, вы найдете место для каждой фигурки. Если волчок упадет на белый сектор или на сектор уже занятого цвета, его нужно запустить снова...

Основной цвет трассы кросса — красный; на красных кружках бегунов не подстерегают никакие неожиданности. Остановившись же на кружке другого цвета, нужно посмотреть, **какая фигурка занимает большой кружок этого же цвета:**

если это **Айболит**, то вам придется пропустить один ход, пока доктор измерит температуру...

если вы попали к **Мойдодыру**, то положение может оказаться серьезнее: в свой ход вы будете запускать волчок, но ваш бегун сможет продолжать кросс только тогда, когда волчок покажет «З».

Человек Рассеянный также причиняет немало хлопот обоим игрокам — попав на кружок занятого им цвета, вы в течение двух своих ходов двигаете не своего бегуна, а бегуна партнера, но двигаете его в «вашем» направлении (для противника это будет движением на-

зад, ведь бегуны бегут навстречу друг другу);

старик Хоттабыч может сильно помочь играющему: **он переносит попавшего на его цвет бегуна вперед через 10 кружков.**

Если бегун остановится на **светло-желтом кружке**, он должен временно сойти с трассы кросса и помочь Буратино найти золотой ключик: в следующий свой ход он **сворачивает и направляется к золотому ключику...** На этот кружок нужно попасть точно — если до него, например, остается только два кружка, а волчок показал три, то вы, вступив на кружок с ключиком, отступаете на шаг... если в следующий ход волчок покажет один, то это как раз то, что вам нужно; при двух вы остаетесь на месте, при трех — отступаете еще на шаг...

Овладев золотым ключиком, вы снова включаетесь в кросс, но теперь, с золотым ключиком, **вам до самого конца игры не страшны никакие неприятности — для вас их больше не существует.**

Если бегун **остановится на квадрате, с которого его соперник начал кросс**, то партнер имеет право **переместить четыре фигурки на больших цветных кружках так, как найдет нужным, и изменить этим обстановку кросса в свою пользу.**

Если бегуны при встрече **окажутся на одном и том же кружке**, то тот из них, кто пришел сюда вторым, будет в свой ход запускать волчок не один, а два раза, но должен при этом оставаться на месте до тех пор, пока волчок не покажет **оба запуска одно и то же число**. Если этим числом будет, скажем, два, то бегун может подвинуться на $2 \times 2 = 4$ клетки.

Вступивший на черный кружок временно прекращает бег — он должен прежде **перемножить два трехзначных числа**, предложенных противником (который тем временем будет запускать волчок и двигать своего бегуна раз за разом, пока вы не назовете правильный результат умножения).

Заканчивая кросс, нужно попасть на свой квадрат так же точно, как и на кружок с золотым ключиком: если волчок показал больше шагов, чем вам нужно, то эти лишние шаги ваш бегун делает, отступая от финиша.

В. Акентьев

Обложка С. Острова

Редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь), Л. Е. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор *В. А. Маевская*

Технический редактор
А. А. Двораковская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А-4-57-76.

М-13499.
Тираж 296 500 экз.

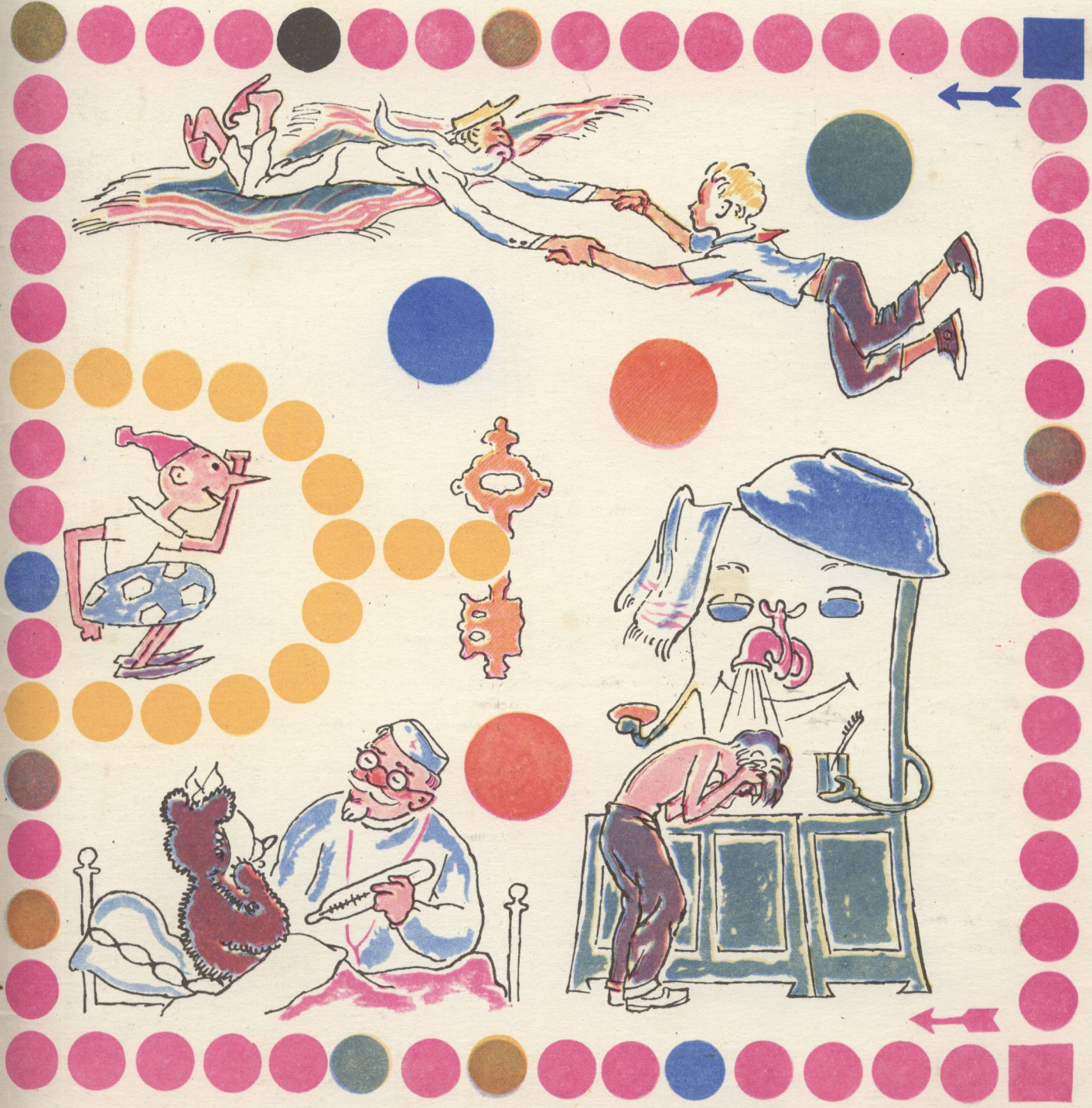
Подписано к печати 19/XI 1955 г.

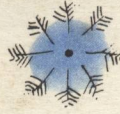
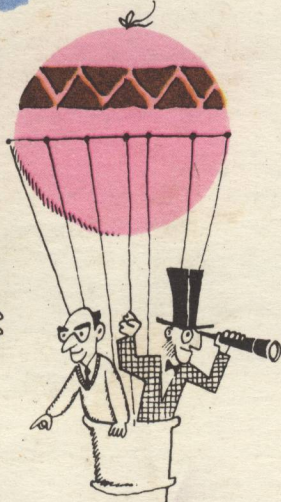
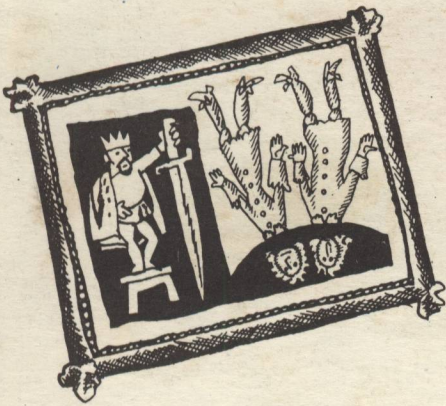
Формат 84×103¹/₁₆.
Заказ № 1920.

Печ. л. 8+1.

6,57 усл. печ. л. 8,8 уч.-изд. л.
Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома
Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. Измайловский проспект, 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

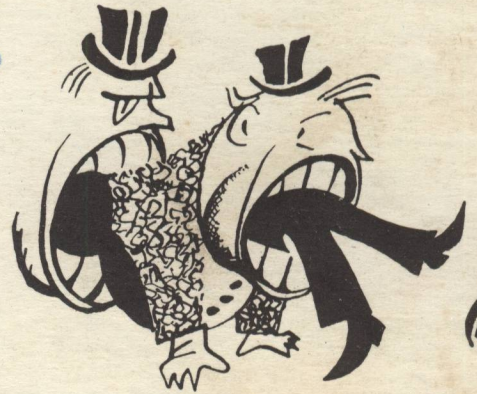

100 750 032 079 700 111 154 882 000 812 035 012 817 193 350 0
10256 881 301 2499 25 00.000.3000.000

А ЧТО ЗДЕСЬ
ДОЛЖНО БЫТЬ
НАПИСАНО

ГДЕ?

-130 МЕТРОВ

